ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, один из основоположников физической географии, биогеографии и сравнительной климатологии, младший брат лингвиста и реформатора образования Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт родился в Берлине в состоятельной прусской семье. Рано лишившись отца, он получил образование у частных учителей, затем изучал естественные науки, экономику и горное дело во Франкфурте-на-Одере и Гёттингене, а также в горной академии Фрайберга под руководством Абраама Готлиба Вернера. В 1792–1796 годах служил горным инспектором во Франконии: рационализировал добычу руды, основал горные училища для рабочих и провёл первые опыты с гальваническим током, увлёкшие в молодости самого Алессандро Вольта. Тогда же у него завязалась дружба с Гёте, которому Гумбольдт передавал идеи сравнительной анатомии и морфологии растений и с которым устраивал совместные опыты в йенском доме поэта. К концу столетия он путешествовал по Германии, Швейцарии и Италии, изучая минералогию и строя планы далёких странствий.

Определяющим событием жизни стала экспедиция в испанскую Америку в 1799–1804 годах, предпринятая вместе с французским ботаником Эме Бонпланом на средства собственного наследства, полученного после смерти матери. Разрешение на поездку Гумбольдт выпросил лично у испанского короля; всё снаряжение и приборы он вёз за свой счёт, а само плавание из Ла-Коруньи едва не закончилось крушением в штормовую ночь.

Путешественники прошли и проплыли около 65 тысяч километров по Венесуэле, Кубе, Колумбии, Эквадору, Перу и Мексике, переправились через Анды и исследовали истоки Амазонки. В июне 1802 года на вулкане Чимборасо они поднялись до высоты 5878 метров — рекордной для человека того времени, остановившись менее чем в 400 метрах от вершины. В трактате «Идеи о физиогномике растений» и на знаменитом графике Naturgemälde Гумбольдт впервые наглядно изобразил высотную поясность растительности, связав высоту, температуру и характер флоры в единую картину. Он ввёл в науку понятие изотерм, описал холодное Перуанское течение, позже названное его именем, измерил магнитное поле Земли от Атлантики до Тихого океана и первым задокументировал связь геомагнитных возмущений с полярными сияниями. Наблюдения за вырубкой лесов и обмелением озера Валенсия в Венесуэле позволили ему одним из первых указать на изменение климата под влиянием деятельности человека. Малоизвестный эпизод той же экспедиции: для изучения электрических угрей Гумбольдт ставил опыты на коровах и лошадях, одна из которых пала от разряда, а сам естествоиспытатель был сбит ударами тока с ног.

Возвратившись в Европу, он более двадцати лет жил в Париже, обрабатывая материалы экспедиции; итогом работы стали тридцать томов «Путешествия в равноденственные области Нового Света» и «Политический очерк Королевства Новая Испания» — труд, полвека остававшийся образцом экономико-географического страноведения. В очерке о Кубе Гумбольдт дал бескомпромиссную критику рабовладения, за что испанские власти изъяли и уничтожили значительную часть тиража. В 1829 году по приглашению Николая I он совершил путешествие по России — от Петербурга через Урал до Алтая и Каспия — и на основе собранных данных обосновал направление поисков алмазов в уральских россыпях, где вскоре и были найдены первые алмазы. В 1827–1828 годах Гумбольдт прочёл в Берлине цикл публичных лекций, собравший, по свидетельствам современников, до тысячи слушателей; их переработка легла в основу «Космоса».

Последние десятилетия ученого прошли в Берлине: он был камергером Фридриха Вильгельма III, меценатом и покровителем молодых исследователей, среди которых были Жан Луи Агассис и Юстус Либих.

Главным делом жизни Гумбольдта стал пятитомный «Космос» (1845–1862) — опыт единого естественнонаучного описания мира; последние тома были изданы по черновикам автора и вышли посмертно. Историки называют созданный им стиль исследований «гумбольдтовской наукой» — комплексным и инструментально точным изучением взаимосвязей природных явлений.

Гумбольдт состоял членом почти всех европейских академий, отказался от профессорских кафедр ради научной независимости и израсходовал состояние на экспедиции и издания, доживая на жалованье при дворе. Он не создал семьи, разделял дом с братом и его семьёй, а после смерти Вильгельма жил в апартаментах при Потсдамском дворце; король Фридрих Вильгельм IV называл его «старейшим чиновником моего двора». Известен Гумбольдт и как меценат литературы: он выплачивал пожизненное содержание Генриху Гейне.

Гумбольдт умер 6 мая 1859 года в Берлине, не дожив четырёх месяцев до девяноста лет, и был похоронен в семейном склепе в имении Тегель под Берлином. Его имя носит холодное течение, пингвин, кальмар, лилия, кратер и море на Луне, а также университеты и научные общества в Берлине и других городах мира.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сафина Ю. К.
Средства доказывания по гражданским делам 447

Сердюков А. Г.
Судебная система Российской империи на рубеже XVIII–XIX веков 449

Синицын Д. В.
Некоторые вопросы субъективной стороны террористического акта 451

Скокова Т. В.
Стадии процесса в упрощенном производстве 453

Смирнова С. Д.
Административное наказание как вид юридической ответственности в Российской Федерации: научные основы и цифровые инструменты 455

Снегирева Ю. А.
Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования ответственности за похищение человека: сравнительный анализ законодательства России, Казахстана, Украины, Беларуси, Таджикистана и Туркменистана 459

Соколов В. С.
Налоговые риски корпоративной реструктуризации 464

Сударкина С. В.
Противодействие отмыванию доходов: баланс публичных интересов и прав клиентов финансовых организаций 467

Тарчуков В. О.
Порядок создания и государственная регистрация коммерческих организаций по законодательству Российской Федерации 469

Тишевич М. А.
Цифровизация государственного управления в Республике Беларусь 473

Филина А. С.
Правовые ограничения и запреты в системе государственной гражданской службы 477

Халилова С. Я.
Осуществление административно-предупредительных мер в школе: направления и инструменты 479

Хвостикова Д. А., Цуренков А. Д.
Электронный документооборот в сфере ЖКХ: юридическая значимость и защита прав потребителей 481

Hmaiddouch B.
The legal nature of the duty to protect the personal data of consumers entering into electronic contracts in the Russian Federation and the Kingdom of Morocco: a comparative study 484

Хутежева А. А.
Административное правонарушение и преступление: основания разграничения 487

Царегородская М. С.
Влияние института финансового уполномоченного на финансовый рынок 489

Царегородская М. С.
Правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг 491

Черемисинова Ю. Д.
Регламентация ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов в уголовном законодательстве зарубежных государств 494

Чеченов А. А.
Правовое регулирование административной ответственности юридических лиц 496

Чочиева Е. Г.
Взаимность как основание признания и исполнения решений иностранных судов в Российской Федерации: проблемы доказывания и пути нормативного закрепления 498

Чурилова В. С.
Правовой режим банковской тайны: коллизии, проблемы и ответственность за незаконное получение сведений 501

Шпис У. А.
Ответственность исполнителя за нарушение сроков и недостатки результата работ или услуг в цифровой среде 504

Шпис У. А.
Распределение рисков и гражданско-правовая ответственность при использовании искусственного интеллекта в договорах о выполнении работ и оказании услуг 506

Шпис У. А.
Возмещение убытков и взыскание неустойки за нарушение договоров о выполнении работ и оказании услуг: проблемы доказывания и соотношения мер ответственности 508

Шукова А. А.
Коалиционная и коллизионная защита обвиняемых в уголовном судопроизводстве 510

Шукова А. А.
Нравственные пределы тактики адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве 512

Шулепов М. Т.
Правовая природа регрессного требования и соотношение с суброгацией 515

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Средства доказывания по гражданским делам

Сафина Юлия Константиновна, студент
Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуется система средств доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации, закреплённая в п. 1 ст. 55 ГПК РФ. Анализируется доктринальное соотношение категорий «доказательство» и «средство доказывания». Рассматриваются ключевые аспекты электронных доказательств и свидетельских показаний, выделяются проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: *средства доказывания, судебные доказательства, электронные доказательства, показания свидетелей, гражданский процесс.*

Доказывание занимает центральное место в гражданском судопроизводстве именно из-за того, что на основании исследованных доказательств суд устанавливает обстоятельства, которые имеют значение для разрешения спора. Обоснованность судебного решения во многом зависит от того, насколько полно установлены фактические обстоятельства дела, достоверны ли представленные сведения и соблюдены ли требования процессуального законодательства при их получении и исследовании.

Согласно п. 1 ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Перечень доказательств установлен абз. 2 п. 1 ст. 55 ГПК РФ и является закрытым. Кодекс закрепляют следующие виды доказательств: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, а также заключения экспертов.

Следовательно, суд должен использовать данные виды доказательств, формы получения сведений о фактах, соблюдая требования к их представлению, исследованию и оценке.

При этом необходимо различать понятия «доказательство» и «средство доказывания». Треушников М. К. отмечает, что если доказательство представляет собой сведения о фактах, имеющих значение для дела, тогда как средство доказывания, в свою очередь, предусмотренную законом процессуальную форму, посредством которой эти сведения становятся доступными суду [1, с. 130]. Например, сведения о передаче денежных средств могут содержаться в расписке между кредитором и должником, показаниях свидетеля или объяснениях стороны, но процессуальная форма и доказательственное значение каждого из этих источников будут различаться.

Таким образом, сведения о фактах сами по себе не приобретают процессуального значения до тех пор, пока не облечены в предусмотренную законом форму.

В процессе детального анализа судебной практики и научных исследований, нами были выявлены несколько существенных проблемных аспектов, требующих дальнейшего углубленного рассмотрения.

Первая проблема заключается в правовой природе электронных доказательств. В ст. 55 ГПК РФ данные доказательства не выделены в отдельную категорию, но при этом электронная информация может представляться суду в форме документов, переписки, аудиовизуальных материалов, сведений с интернет-ресурсов и иных цифровых данных.

В доктрине отсутствует единый подход к пониманию правовой природы электронных доказательств, что и порождает главную неопределённость.

Выделяют два подхода, раскрывающих сущность электронных доказательств:

Первый подход основан на том, что данные доказательства не являются средством доказывания, а представляют собой лишь способ фиксации письменных и вещественных. Ворожбит С. П. указывает на то, что «электронный документ является письменным средством доказывания в той же степени, что и бумажный, если доказательственное значение имеют мысли, содержащиеся

в нем и воспринимаемые путем прочтения письменных знаков» [2, с. 8].

Исходя из позиции Ворожбита С. П. решающим критерием при таком подходе выступает не материальный носитель, а именно содержание мысли, которая воспринимается путём прочтения письменных знаков и имеющие доказательственное значение. Следовательно, для квалификации электронного документа достаточно установить наличие в нём сведений, выраженных в письменной форме, что позволяет распространить на него традиционный процессуальный режим письменных доказательств.

Согласно этому подходу, скриншот переписки является письменным доказательством, тогда как видеофайл разновидностью аудио- и видеозаписи. Отсутствие отдельной категории в законе в таком случае не является проблемой, поскольку суд просто интерпретирует цифровой объект под существующие формы, закрепленные в абз. 2 п. 1 ст. 55 ГПК РФ.

Второй подход основан на том, что электронные доказательства обладают уникальными характеристиками. Эти особенности требуют законодательного признания их в качестве допустимого средства подтверждения фактов. Жукова П. Д. и Зубович М. М. прямо указывают на то, что «обосновывается необходимость нормативного выделения электронных доказательств как самостоятельного вида и установления требований к их представлению, идентификации, заверению, хранению и исследованию (включая работу с метаданными с участием специалиста и судебные компьютерно-технические экспертизы), а также разграничения первоначальных и производных электронных форм» [3, с. 1].

Таким образом, согласно данной позиции уникальные свойства электронных доказательств не позволяют свести их к письменным или вещественным доказательствам, а правоустанавливающее значение имеет не только содержание цифровой информации, но и её техническая форма, а надлежащий правовой режим электронных доказательств рассматривается как необходимое условие обеспечения их допустимости и достоверности в гражданском процессе.

Данный подход порождает практическую неопределённость в том, что суд, квалифицируя скриншот как «письменное доказательство», применяет к нему традиционные правила исследования в виде визуального осмотра, которые технически недостаточны для проверки его подлинности.

Представляется целесообразным разработать более подробное процессуальное регулирование проверки электронных доказательств. Оно должно предусматривать критерии установления источника цифровой информации, её целостности, времени создания и передачи, а также связи с конкретными участниками спора. При наличии обоснованных сомнений в подлинности цифровых материалов следует использовать такие способы проверки, как истребование исходных данных, осмотр электронных материалов и назначение компьютерно-технической экспертизы.

При этом не следует устанавливать обязательное нотариальное удостоверение каждой электронной переписки или требовать проведения экспертизы во всех случаях. Объём проверки должен определяться с учётом характера спора, доказательственного значения материала и конкретных сомнений относительно его достоверности.

Следующая проблема заключается в оценке свидетельских показаний. Достоверность свидетельских показаний принципиально отличается от достоверности письменного документа. Письменный документ может быть либо физически существующим, либо отсутствующим, а его содержание может быть достоверным или фальсифицированным, а показания свидетелей субъективны: происходит восприятие события, сохранение в памяти и устное/письменное воспроизведение в суде.

Как отмечает профессор М. А. Фокина, добросовестное заблуждение не исключено для всех участников судебной коммуникации и представляет собой неадекватное формирование представлений о воспринятых обстоятельствах, имеющих значение для дела [4, с. 180]. Принципиально важно, что заблуждение формируется на стадии формирования показаний, тогда как ложь проявляется лишь на стадии их воспроизведения.

Следовательно, даже свидетель, искренне желающий дать правдивые показания и не имеющий какой-либо заинтересованности, может добросовестно заблуждаться и его показания окажутся недостоверными без всякого умысла.

Так же необходимо учитывать, что заинтересованность свидетеля в исходе дела сама по себе не означает недостоверности его показаний. Аналогичным образом последовательность показаний не гарантирует их соответствия действительности.

При этом недопустимо устанавливать формальную иерархию доказательств, при которой письменные документы всегда признаются более убедительными, чем показания свидетелей. Каждый вид доказательств должен оцениваться с учётом конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, проблема оценки свидетельских показаний не имеет законодательного решения, т. к. при оценке показаний следует обращать внимание на наличие противоречий, возможность непосредственного восприятия описываемых событий и согласованность сообщаемых сведений с документами и другими доказательствами в комплексе, а не изолированно.

Подводя итоги, можно сказать о том, что особое значение приобретает развитие электронных доказательств, поскольку традиционные процессуальные формы не всегда позволяют учитывать все технические особенности цифровой информации без дополнительных разъяснений и единообразных подходов к её оценке.

Следовательно, совершенствование института средств доказывания должно осуществляться с учётом развития цифровых технологий, необходимости обеспечения процессуального равенства сторон и сохранения гарантий законного и обоснованного судебного разбирательства.

Литература:

1. Треушников, М. К. Гражданский процесс: учебник / М. К. Треушников. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — Текст: непосредственный.
2. Ворожбит, С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: специальность 12.00.15: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ворожбит С. П.. — СПб., 2011. — 235 с. — Текст: непосредственный.
3. Жукова, П. Д. Трансформация и репрезентация средств доказывания в гражданском судопроизводстве Российской Федерации / П. Д. Жукова, М. М. Зубович. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — № 8. — С. 129–139.
4. Фокина, М. А. Проблема лжи в судебной коммуникации по гражданским и административным делам / М. А. Фокина. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 10 (110). — С. 178–185.

Судебная система Российской империи на рубеже XVIII–XIX веков

Сердюков Алексей Григорьевич, старший преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Статья исследует развитие судебной системы Российской империи на рубеже XVIII–XIX веков — от реформ Екатерины II до преобразований Павла I. Проанализированы ключевые акты («Учреждения для управления губерний» 1775 г., нормы о Юстицком департаменте и др.), структура судебных инстанций и специфика сословной юстиции. Особое внимание уделено уникальным институтам — совестным и словесным судам. Показано, что, несмотря на попытки упорядочить правосудие, система оставалась противоречивой и запутанной изза пересекающейся подсудности и частой корректировки институтов.

Ключевые слова: *судебная система, Российская империя, сословная юстиция, «Учреждения для управления губерний» 1775 г., словесные суды, совестные суды, Павел I, Екатерина II, судоустройство, судебная реформа.*

7 ноября 1775 года были опубликованы «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи» [1, т.20, № 14392], согласно нормам которых судебная власть была отделена от исполнительной. Главное в этом документе, это сословный характер юстиции, который проявился в создании специальных судов для каждого из сословий. Начало чему было положено в 1762 году изданием Манифеста «О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству» [1, т.15, № 11444], а продолжено изданием так называемого городового положения 1785 года [1, т.22, № 16187]. Тем самым дворянство было отделено от остальных как класс, а из городских жителей было образовано особое сословие.

Эти преобразования в административном управлении привели и к изменению в судебном устройстве. Три областные судебные инстанции составляли: первую — нижняя расправа, городовой магистрат, уездный суд; вторую — верхняя расправа, губернский магистрат и верхний земский суд; третью — палаты уголовного и гражданского суда. Отделение гражданского суда от уголовного являлось новеллой, призванной упорядочить рассмотрение тяжб. И в целом улучшить качество отправления правосудия.

Еще одним нововведением являлось учреждение надворных судов в Москве и Санкт-Петербурге. В соответствии с законодательством они рассматривали дела лиц, которые не имели постоянного места жительства в столичных городах, находясь там по делам службы и иным. В 1780 году Санкт-Петербургский надворный суд был разделен на два департамента [1, т.20, № 15035], один из которых занимался рассмотрением гражданских дел, второй — уголовных. В 1783 году к этому суду был прибавлен еще один департамент [1, т.21, № 15650] в связи с большим объемом нерешенных дел. Одновременно с надворными Учреждением о губерниях были созданы совестные суды как единственные всесословные учреждения. Апелляции на дела, которые до этого находились в ведении Санкт-петербургской губернской канцелярии, передавались на апелляцию в палату гражданского суда [1, т.20, № 15056]. Ряд уголовных дел передавался в Сенат [1, т.20, № 15036], «во избежание продолжительности в решении криминальных дел». А в 1791 году, в связи с большой загруженностью Сената, уголовные дела передавались в его 4-й департамент [1, т.23, № 16949].

Продолжали действовать и словесные суды, юрисдикция которых была определена в указе 1781 года, в котором обозначались: состав словесного суда (словесный судья и двое выборных), подсудность, порядок судопроизводства [1, т.21, № 15146]. Подсудность словесного суда определялась гражданскими делами иском не

более 25 рублей, особо отмечалось, что «до уголовных дел дела нет». В п.8 говорилось о должности словесного суда, которая «есть примирять тех спорящих, кои словесно просят о примирении, в чем наблюдать имеет следующие правила: 1) Доставить обоим сторонам законную, честную и безтяжебную жизнь. 2) Злобы, распри и ссоры прекратить. 3) Доставить каждому ему принадлежащее». Из этого следует, что основной задачей словесных судов являлось примирение сторон. Словесными эти суды назывались только из-за того, что судопроизводство велось устно, решение выносилось тоже устно, письменные доказательства не принимались. Отметим, что впоследствии словесными судами принимались и дела о несовершеннолетних, неподсудных в силу возраста общим судебным установлениям.

Вступление на российский престол Павла I вызвало новые изменения в законодательстве о судоустройстве. Одним из первых указов были учреждены три новых департаментов в Сенате, и перераспределены дела в прежних [1, т.24, № 17639]: уголовные и следственные дела переданы в пятый департамент, остальные — во вновь образованных.

Указом 1797 года низшие судебные инстанции, уездные суды, были сокращены до числа уездов: в одном уезде один уездный суд [1, т.24, № 18205]. Указ касался Санкт-петербургской губернии, но впоследствии был распространен и на другие губернии Российской империи.

В следующем году были упразднены надворные суды и городовые магистраты, созданные «Учреждением для управления губерний»; они продолжали существовать только до окончательного решения по делам, находящимся в их производстве [1, т.25, № 18662]. Сиротские суды и дворянские опеки стали подчиняться Палатам уголовного и гражданского суда [1, т.25, № 18667].

Над учрежденными в 1799 году городовыми судами стоял военный губернатор, который утверждал их приговоры [1, т.25, № 18822]. В случае совершения тяжких преступлений или преступлений, совершенных в третий раз, дело отсылалось в образованный «Юстицких дел Департамент», где по нему принималось окончательное решение. Из текста данного законодательного акта не совсем понятно, какая судебная инстанция считалась вышестоящей над департаментом. По логике вещей это должен был быть Сенат. Но Сенат являлся вышестоящей инстанцией для Палат, юрисдикция которых не позволяла им производить апелляционное рассмотрение дел, разрешенных военным губернатором.

Юрисдикция «Юстицкого Департамента» была прописана в законе 1801 года, одном из последних законодательных актов Павла I. В соответствии с нормами Устава Юстицкому департаменту принадлежало рассмотрение: «1) тяжб всякого рода граждан Губернского города, не исключая и иногородних на то время в Губернском городе находящихся и тогда, когда не только истец, но и ответчик тут же в лицах будут, о имениях, сделках, завещаниях, закладных, наследстве, праве наследования, вексельные иски, опека малолетних, письмо купчих и закладных; 2) рассмотрение и решение дел сего же рода поступаемых на апелляцию в Юстицкий Департамент из Городовых Магистратов и Ратуш; 3) производство всякого рода следственных и криминальных дел, или поступаемых по обследованию Полиции Губернского города; и 4) взносимые из уездных городов и Ратуш на ревизию таковые же следственные и криминальные дела» [1, т. 26, № 19763]. Определялось, что купцы, мещане, цеховые и живущие в губернском городе разночинцы не могли судиться ни в каких иных судебных местах, как только в городском правлении. В случае, если одной из сторон в деле выступали дворяне, то городскому правлению предоставлялось право отправлять их дела в другой судебный орган. Отметим, что эти органы в законе конкретно обозначены не были.

Юстицкий департамент являлся апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных городовыми магистратами и ратушами. Апелляции на решения городского правления приносилась в палату гражданского суда; а по уголовным делам — к управляющему Губернией «на основании общих узаконений».

Сенат в правление Павла I усилил свои ревизионные и надзорные функции. Показательно, что надзор осуществлялся и над уездными и земскими судами в губерниях [1, т.26, № 19418] непосредственно, прикрепленными от Сената дворянами.

Из всего этого мы можем сделать несколько выводов. Один из них заключается в том, что Павел I основное внимание уделял не судоустройству, а порядку отправления правосудия, так как нами за столь короткий период его правления насчитано порядка сорока нормативных актов, регулирующих судопроизводство, которые будут рассмотрены в следующем параграфе.

Нельзя не обратить внимание и на то, что император, с одной стороны, понимал важность создания стройной судебной системы, начало которой было положено Екатериной II. Но, скорее всего, отрицание сделанных матерью преобразований, в том числе и в судебной сфере, вынуждало его на определенные шаги, отторгающие и изменяющие целостность судебной системы. Нельзя не учитывать и факт того, что основное направление деятельности Павла I заключалось и в реорганизации военной системы, следствием чего было учреждение специальных военных судов, генерал-аудиториата.

В конечном итоге судебная система представляла собой довольно запутанную схему. Низшие суды были представлены: нижним земским судом, дворянским собранием/дворянской опекой, которые подчинялись верхнему земскому суду; нижняя земская расправа была подведомственна верхней земской расправе; городовой магистрат/словестный суд и городской голова/сиротский суд подчинены губернскому магистрату. В свою очередь верхний земский суд, верхняя земская расправа и губернский магистрат находились под ведомством губернских судебных палат (по гражданским делам и по уголовным делам), под-

чиненных, в свою очередь губернатору и губернскому правлению.

Несмотря на стремление к упорядочению правосудия, итоговая конструкция судебной власти оказалась запутанной: множественность инстанций, пересекающаяся подсудность и зависимость от административной вертикали затрудняли оперативность и единообразие правоприменения.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. — М., 1830.

Некоторые вопросы субъективной стороны террористического акта

Синицын Даниил Викторович, студент магистратуры
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор анализирует проблемы, связанные с вопросами определения субъективной стороны основного состава террористического акта.

Ключевые слова: *террористический акт, взрыв, поджог, цель, дестабилизация, субъективна сторона.*

В юридической литературе принято считать, что субъективная сторона преступления — это отражение в сознании виновного объективных признаков содеянного и отношение к ним субъекта, которая характеризуется конкретной формой вины, мотивом, целью, а в отдельных случаях и эмоциями, то есть она является своеобразной моделью объективной стороны состава в психике субъекта [1].

Субъективная сторона преступления охватывает сознательно-волевую и эмоциональную сферу преступной деятельности и включает в себя психическое отношение лица к совершённому им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности, а также мотивы и цели совершения этого деяния [2].

Российское уголовное право придерживается такой точки зрения, что центральное место в понятии вины принадлежит психическому отношению человека к совершенному им общественно опасному деянию и наступившим общественно опасным последствием.

Виной в уголовном праве признается психическое отношение лица к деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности. Наказание без вины невозможно.

Субъективная сторона террористического акта характеризуется в виде прямого умысла и специальной цели. Формальный состав террористического акта, указывает на то что террористический акт преступление с прямым умыслом. Содержание умысла будет зависеть в зависимости от формы объективной стороны.

При первой форме, в случае совершением лицом взрыва, поджога или иных действий, лицо осознаёт общественную опасность своих действий, которые устрашают население, а также что в результате его действий создаётся опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий. В целях воздействия на принятие решений соответствующими структурами (интеллектуальный момент) и желает так действовать (волевой момент). Таким образом, лицо предвидит наступление общественно опасных последствий.

При второй форме объективной стороны террористического акта, лицо осознаёт общественную опасность угрозы совершения действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействия на принятие ими решений (интеллектуальный момент) и желает угрожать совершением таких действий (волевой момент).

В данном случае, осознание лицом, общественной опасности совершения преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, означает, что оно осознаёт объект, на который направлено преступное посягательство, осознаёт общественно опасный способ совершения преступления. Осознаёт, что последствиями будут выступать: возникновения страха у населения, дестабилизация органов власти или международных организаций либо лицо, своими действиями, окажет воздействие на органы власти или международные организации.

Предвидение лицом возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий акта терроризма, принято определять, как представление о тех событиях и тех последствиях, которые могут произойти в будущем с неизбежностью или с долей вероятности.

Стоит отметить, что в случае совершения террористического акта, желание лица в наступлении тяжких последствий означает, что оно стремится к определённым последствиям — дестабилизации органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений.

Цель, является обязательным признаком субъективной стороны террористического акта. В науке уголовного права принято считать, что цель — это мысленное пред-

ставление лица, совершающего общественно опасное, преступное деяние, о том результате, к достижению которого он стремится.

При совершении террористического акта, можно выделить следующие цели: промежуточная цель и конечная. Промежуточной целью будет являться устрашение населения, возникновения страха, паники в обществе, в результате совершения террористического акта. В качестве конечной цели будет выступать — дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействие на принятие ими решений.

Стоит отметить, если преступная цель не охватывается ст. 205 УК РФ, то изменится квалификация на смежный состав. При отсутствии специальной цели, нет и состава преступления, предусмотренного ст.205 УК РФ.

В законодательстве нет указания на то, что понимается под дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций. Под дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций следует понимать нарушение деятельности, устойчивого состояния этих органов или организаций. Также дополнительными последствиями дестабилизации может выступать снижение авторитета, указанных органов или организаций, в глазах общественности и возрастание нагрузки на эти органы.

Следующей целью совершения террористического акта, выступает воздействие на принятие решений органов власти или международных организаций. Данную цель можно охарактеризовать, как внутреннее стремление лица, повилять на органы власти или международные организации, путём выдвижения требований и побуждения к совершению какого-либо действия (бездействия) в пользу третьих лиц или самих террористов.

Стоит отметить, что есть необходимость расширить диспозицию ст. 205 УК РФ, где указано, что целью совершения террористического акта является воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями. Однако, террористы, могут воздействовать на данные субъекты с целью воздержания от принятия ими решений. Таким образом, целесообразно указать, что целью совершения террористического акта будет являться — дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействия на принятие ими решений или воздержания от принятия ими решений.

В диспозиции ст. 205 УК РФ, выделяется два вида субъектов, на которые направлено преступное посягательство террористов.

Ими выступают органы власти и международные организации. Под органами власти, следует понимать, специально созданные или избранные органы управления, часть государственного аппарата, которая наделена государственно-властными полномочиями, осуществляющими функции государственного управления. К международным организациям принято относить как правительственные, так и неправительственные организации. Указанные организации, создаются, на основании международных соглашений. Целью деятельности данных организаций, является оказание содействия решения международных проблем и развития всестороннего сотрудничества между государствами.

Стоит отметить, что есть необходимость расширить круг субъектов, на которых направлено преступное посягательство. К указанному кругу, можно отнести государство, как субъект, включая РФ или иностранные государства. Также требования террористов могут предъявляться к юридическим лицам.

При совершении террористического акта, оказывается воздействие не только на международные организации и органы власти, но и на физических лиц, являющимися политиками, представителями общественных организаций, должностным лицам.

Также признаком субъективной стороны является мотив.

В науке уголовного права, под мотивом принято понимать, обусловленное определёнными потребностями и интересами внутреннее побуждение, вызывающее у лица решимость совершить преступление [3].

Стоит отметить, что мотив, не выступает обязательным признаком субъективной стороны террористического акта и на квалификацию содеянного не влияет.

Совершение террористического акта, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, будет признаваться, обстоятельством, отягчающим наказание, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ [4].

В условиях противодействия терроризму, необходимо уделять особое внимание практике применения уголовного законодательства, в целях объективной квалификации содеянного.

Литература:

1. Денисов, С. А. Уголовное право. Общая часть: учебник / С. А. Денисов. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2017. — 336 с.
2. Марканян, С. А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ / С. А. Марканян // Пробелы в российском уголовном законодательстве. — 2008. — № 1. — С. 271- 272.
3. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. — Москва: Проспект, 2014. — 420 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [в редакции от 21 ноября 2022 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Стадии процесса в упрощенном производстве

Скокова Татьяна Викторовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Шепелев Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

Процесс как явление по своей природе динамичное представляет собой совокупность последовательных и взаимосвязанных действий для достижения какой-либо цели, результата. Рассмотрение и разрешение судом находящихся в производстве суда общей юрисдикции или арбитражного суда дел также складывается из процессуальных действий, главная, общая и конечная цель которых — защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Гражданский и арбитражный процессы представляют собой движение (переход) дела из одной стадии в другую, каждая из которых характеризуется направленностью к близлежащей цели: принятие заявлений, подготовка дела к судебному разбирательству, судебное разбирательство и т. д. [1, с. 26].

Дела, перечисленные в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ [2] и ч. 1, 2 ст. 227 АПК РФ [3], а при согласии сторон — и иные дела рассматриваются в порядке упрощенного производства мировыми судьями, иными судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Мировыми судьями в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, о признании права собственности, если цена иска не превышает определенной денкжной суммы, установленной законодательством РФ, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности. Иные требования, предусмотренные ст. 232.2 ГПК РФ, рассматриваются районными судами.

В вопросе об установлении общего срока рассмотрения дела в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессах наблюдается единообразие: он не должен превышать двух месяцев со дня поступления искового заявления (заявления) в суд (ч. 3 ст. 232.1 ГПК РФ, ч. 2 ст. 226 АПК РФ). При этом если срок рассмотрения гражданского дела в порядке искового производства судами общей юрисдикции по общему правилу составляет также два месяца со дня поступления заявления в суд, но может быть продлен в зависимости от сложности дела, то в ходе реформирования арбитражного процессуального законодательства, произошедшего в 2018 г., общий срок был увеличен с трех до шести месяцев (ч. 1 ст. 152 АПК РФ). С учетом того, что сроки рассмотрения дел в порядке упрощенного производства не подлежат продлению, за исключением дел, осложненных участием иностранных лиц, находящихся или проживающих вне пределов Российской Федерации (ч. 2 ст. 226, ч. 3 ст. 253 АПК РФ), это свидетельствует о проявлении признака ускорения применительно к арбитражному процессу.

Однако, устанавливая общий двухмесячный срок, законодатель не учел сокращенный месячный срок рассмотрения гражданских дел мировыми судьями, а Верховный Суд РФ также не дал никаких разъяснений по вопросу их соотношения. Между тем даже при соблюдении минимальных сроков (не менее 30 дней) с учетом реального времени доставки судебных извещений и почтовой корреспонденции от сторон, добросовестно реализующих свои процессуальные права, рассмотрение дела в упрощенном порядке у мировых судей будет составлять более одного месяца [4, с. 24]. А это свидетельствует о том, что — в противоречие тактической задаче упрощенного производства, а именно сокращения времени разрешения споров — сроки рассмотрения дел в таком порядке превышают срок рассмотрения гражданских дел мировыми судьями по общим правилам искового производства (ст. 154 ГПК РФ). Таким образом, нельзя говорить об однозначном проявлении признака ускорения в упрощенном производстве в гражданском процессе [5, с. 65].

Очевидно, что специфика упрощенного производства должна проявляться и в стадиях процесса. В таком контексте на первый план выходит вопрос о том, не происходит ли редуцирование стадий процесса при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства.

Далее укажем стадии процесса:

1. Стадия возбуждения дела.

Первой стадией гражданского и арбитражного процесса является стадия возбуждения дела. Именно с нее начинается его движение. Возбуждение дела осуществляется посредством подачи искового заявления (заявления) и вынесения судом определения о принятии искового заявления или заявления по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, к производству. По делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, отсутствуют какие-либо особенности формы и содержания искового заявления (заявления), а также применяются общие правила подсудности.

В отличие от приказного производства, по делам упрощенного производства требуется соблюдать досудебный порядок урегулирования споров, предусмотренный ч. 5 ст. 4 АПК РФ или иным федеральным законом.

2. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству.

Исходя из положений ч. 2 ст. 147 ГПК РФ, ч. 2 ст. 133 АПК РФ, подготовка дела к судебному разбирательству является самостоятельной стадией процесса и обязательна по каждому находящемуся в производстве суда общей юрисдикции или арбитражного суда первой ин-

станции делу. Важность данной стадии процесса сложно переоценить, так как ее надлежащее проведение является одним из основных условий правильного и своевременного разрешения споров в суде.

На первый взгляд может показаться, что подготовка дела к судебному разбирательству не проводится при его рассмотрении в порядке упрощенного производства. Отметим, что было бы ошибочным считать, что никакая подготовка не проводится вовсе. Так, в определении о принятии искового заявления (заявления) к рассмотрению в порядке упрощенного производства суд указывает на подготовку дела к судебному разбирательству, действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроки их совершения, что допускается в соответствии с ч. 4 ст. 127, ч. 1 ст. 134 АПК РФ и ч. 2 ст. 133 ГПК РФ.

3. Стадия судебного разбирательства.

Анализ ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 5 ст. 228 АПК РФ позволяет прийти к выводу, что стадия судебного разбирательства начинается после истечения сроков, предназначенных для обмена состязательными бумагами и доказательствами.

Главная черта данного этапа при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства — отсутствие судебных заседаний — предопределяет наличие ряда других особенностей: лица, участвующие в деле, не извещаются о времени и месте судебного заседания, правила о ведении протокола в письменной форме и с использованием средств аудиозаписи, об отложении судебного разбирательства, о перерыве в судебном заседании и об объявлении судебного решения не применяются.

Что касается возможности приостановления производства по делу, то ни в нормах АПК РФ и ГПК РФ не содержится никаких изъятий относительно упрощенного производства. Представляется, что возникновение предусмотренных законом оснований для приостановления производства по делу следует признать осложняющим рассмотрение дело фактором, в связи с чем в этом случае также должен быть предусмотрен механизм перехода от упрощенного к обычному производству в целях полного и всестороннего рассмотрения дела.

4. Проверочные производства.

Стадия производства в суде апелляционной инстанции также подчинена правилам рассмотрения дела судом первой инстанции в упрощенном производстве с учетом особенностей, предусмотренных ст. 335.1 ГПК РФ, ст. 272.1 АПК РФ (в частности, устанавливается единоличное рассмотрение судьей апелляционной жалобы, представления без проведения по общему правилу судебного заседания, без извещения участвующих в деле лиц о времени и месте проведения судебного заседания, без осуществления протоколирования).

Отметим, что конституционность норм, регламентирующих особенности рассмотрения апелляционных жалоб на решения, вынесенные в порядке упрощенного производства, неоднократно становилась предметом исследования Конституционного Суда РФ. Однако во всех рассматриваемых в связи с анализируемой проблемой делах Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что законодатель в силу принадлежащих ему полномочий вправе установить такой порядок проверки законности и обоснованности судебного решения с целью исправления судебной ошибки, который наиболее соответствовал бы особенностям того или иного вида судопроизводства [6, с. 90].

Литература:

1. Гражданский процесс: учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова и др.; под ред. М. К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — 960 с.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
4. Табак И. А. Влияние некоторых особенностей порядка упрощенного производства на соблюдение процессуальных сроков рассмотрения и разрешения дела судами общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 9. — С. 24–28.
5. Жукова Ю. А. Стадии процесса в упрощенном производстве // Законодательство. — 2020. — № 5. — С. 65–77.
6. Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: Монография. — М.: Зерцало-М, 2022. — 164 с.

Административное наказание как вид юридической ответственности в Российской Федерации: научные основы и цифровые инструменты

Смирнова Софья Дмитриевна, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается административное наказание как самостоятельный вид юридической ответственности в Российской Федерации. Раскрываются его правовая природа, цели, принципы назначения и значение в механизме государственного управления. Особое внимание уделяется цифровизации административно-юрисдикционной деятельности, использованию информационных систем, средств автоматической фиксации правонарушений, электронного документооборота и государственных цифровых сервисов. Анализируются возможности применения мониторинга и информационных технологий для повышения эффективности административного производства, а также проблемы обеспечения законности, достоверности электронных доказательств и защиты прав граждан.

Ключевые слова: *административное наказание, административная ответственность, юридическая ответственность, государственное управление, цифровизация, информационные технологии, административное правонарушение, мониторинг, электронные доказательства.*

Administrative punishment as a type of legal responsibility in the Russian Federation: scientific foundations and digital tools

Smirnova Sofya Dmitriyevna, student
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines administrative punishment as an independent type of legal liability in the Russian Federation. It considers its legal nature, objectives, principles of imposition and importance in public administration. Particular attention is paid to the digitalization of administrative proceedings, the use of information systems, automated offense recording, electronic document management and digital public services. The article analyzes the potential of monitoring and information technologies to improve administrative proceedings, as well as the challenges of ensuring legality, reliability of electronic evidence and protection of citizens' rights.

Keywords: *administrative punishment, administrative liability, legal liability, public administration, digitalization, information technology, administrative offense, monitoring, electronic evidence.*

Административная ответственность — один из ключевых видов юридической ответственности в России. С её помощью государство поддерживает общественный порядок и защищает права и интересы граждан, организаций и самого государства. Административно-правовые нормы охватывают широкий круг отношений: они задают обязательные правила поведения и определяют, какие меры применяются к тем, кто их нарушает. Центральное место в этом механизме занимает административное наказание — установленная законом мера ответственности за административное правонарушение.

Актуальность темы обусловлена изменениями, происходящими в системе государственного управления под влиянием цифровых технологий. Электронные информационные системы, автоматизированные средства фиксации правонарушений и цифровые государственные сервисы постепенно становятся частью административно-юрисдикционной деятельности. В связи с этим возникает необходимость изучения не только правовой природы административного наказания, но и возможностей применения современных информационных инструментов при выявлении и рассмотрении административных правонарушений.

Административное наказание является самостоятельной формой государственного принуждения, которая применяется к лицу, признанному виновным в совершении административного правонарушения. Его правовая основа закреплена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Согласно статье 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признаётся противоправное виновное действие или бездействие физического либо юридического лица, за которое законодательством установлена административная ответственность [1].

Административное наказание нужно прежде всего для того, чтобы новые правонарушения не совершали ни сам нарушитель, ни другие люди. Поэтому административная ответственность выполняет не только карательную, но и профилактическую функцию. Применение наказания должно воспитывать уважение к законодательству, укреплять правовую дисциплину и предупреждать противоправное поведение.

Правовая природа административного наказания раскрывается через ряд признаков. Оно устанавливается государством и применяется исключительно по закону. Назначают его уполномоченные органы и должностные

лица в рамках установленной компетенции. Для лица, совершившего правонарушение, наказание влечёт определённые неблагоприятные правовые последствия. При этом основанием для его применения является не любое нарушение установленных правил, а деяние, содержащее предусмотренный законом состав административного правонарушения.

Система административных наказаний закреплена в статье 3.2 КоАП РФ. К основным видам относятся предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, лишение специального права, административный арест, административное выдворение за пределы Российской Федерации, дисквалификация, административное приостановление деятельности, обязательные работы и административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения [1].

Каждый из перечисленных видов наказания обладает собственным содержанием и особенностями применения. Наиболее распространённым является административный штраф, представляющий собой денежное взыскание. Предупреждение выражается в официальном порицании физического или юридического лица. Лишение специального права применяется в отношении лиц, которым ранее было предоставлено соответствующее право. Административный арест предполагает содержание нарушителя в условиях изоляции от общества и может применяться только в предусмотренных законом случаях.

Выбор конкретного административного наказания должен соответствовать характеру совершённого правонарушения и обстоятельствам дела. В соответствии со статьёй 4.1 КоАП РФ при назначении наказания учитываются характер административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность [1]. Следовательно, административное наказание не должно назначаться формально: его применение требует индивидуальной оценки обстоятельств каждого дела.

При реализации административной ответственности ключевое значение имеют принципы законности, справедливости, соразмерности и индивидуализации. Законность предполагает, что наказание применяется только при наличии предусмотренных законодательством оснований и с соблюдением установленной процедуры. Справедливость означает соответствие меры ответственности характеру и обстоятельствам совершённого деяния. Индивидуализация позволяет учитывать особенности конкретного правонарушителя и обстоятельства дела. Соблюдение этих принципов обеспечивает обоснованность государственного принуждения и способствует защите прав граждан.

Научное исследование административного наказания невозможно без рассмотрения его связи с системой государственного управления. Государственное управление предполагает организацию деятельности органов публичной власти, направленной на реализацию законодательства и обеспечение общественных интересов. Административная ответственность в данном механизме выполняет охранительную и предупредительную функции. Она позволяет государству реагировать на нарушения обязательных требований и поддерживать установленный правопорядок.

Вопросы совершенствования государственного управления и информационного обеспечения деятельности государственных органов рассматриваются в научных работах М. В. Алексеевой. В частности, исследование государственного управления в сфере охраны культурного наследия позволяет обратиться к вопросам реализации управленческих полномочий в отдельной области публичного управления [5]. Для административной ответственности это имеет значение в контексте обеспечения соблюдения обязательных требований в различных сферах общественной жизни.

Особое значение для рассматриваемой темы имеет мониторинг как инструмент оценки деятельности органов управления и результатов государственного регулирования. М. В. Алексеева рассматривает мониторинг в качестве научной категории и правового института, а также исследует его применение в рамках институтов оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия в Российской Федерации [6; 7]. Применительно к административной ответственности мониторинг может использоваться для анализа количества выявленных правонарушений, динамики применения наказаний, повторности нарушений и результативности профилактических мероприятий.

Мониторинг даёт возможность судить не только о работе отдельных госорганов, но и о том, насколько эффективны действующие административно-правовые механизмы. Скажем, если посмотреть статистику административных правонарушений, можно увидеть, где нарушения происходят чаще всего. Эти данные полезно учитывать, когда дорабатывают систему государственного контроля, готовят профилактические меры и уточняют правовое регулирование. Но опираться только на цифры при оценке работы органов нельзя: рост выявленных нарушений ещё не говорит о том, что правоприменение стало лучше.

В современных условиях важнейшим направлением развития административной ответственности становится цифровизация государственного управления. Информационные технологии обеспечивают более оперативный обмен сведениями между государственными органами, позволяют автоматизировать отдельные административные процедуры и повышают доступность информации для граждан. М. В. Алексеева в работе, посвящённой законодательным основам информационной деятельности в современных условиях, обращает внимание на правовые аспекты информационного обеспечения деятельности государства [8]. Данная проблематика непосредственно свя-

зана с использованием цифровых инструментов в административном производстве.

Одним из наиболее заметных примеров цифровизации является автоматическая фиксация административных правонарушений в области дорожного движения. Специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме, позволяют фиксировать отдельные нарушения с использованием фото- и видеозаписи. Полученные материалы могут выступать доказательствами по делу и использоваться при вынесении постановления в порядке, предусмотренном КоАП РФ.

Автоматизированные системы помогают быстрее выявлять нарушения и снижают надобность того, чтобы должностное лицо лично фиксировало каждое из них. Но цифровая фиксация не отменяет процессуальных требований. Сведения, полученные таким путём, должны быть достоверными, относимыми и допустимыми доказательствами. Ошибки распознавания номеров, сбои оборудования или неправильная обработка информации могут привести к тому, что человека привлекут к ответственности без оснований.

Ещё одно направление цифровизации — электронное общение граждан с госорганами. Через государственные цифровые сервисы люди могут узнавать о начисленных штрафах, оплачивать их, отправлять обращения и получать информацию о результатах рассмотрения отдельных вопросов. Развитие таких инструментов связано с общей тенденцией делать госуслуги доступнее и улучшать информационную работу органов публичной власти.

В работе М. В. Алексеевой, посвящённой возможностям реализации права на доступ к информации в современных российских условиях, рассматриваются вопросы обеспечения информационной открытости государства [9]. Автор также исследует обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов [10]. Указанные направления имеют непосредственное значение для административного производства, поскольку лицо, привлекаемое к ответственности, должно иметь возможность своевременно получать сведения о вынесенном постановлении, основаниях его принятия и порядке обжалования.

Право на защиту невозможно реализовать без доступа к информации. Когда гражданин не может ознакомиться с материалами административного дела или получить сведения о доказательствах, на которых построено постановление, его процессуальные права урезаются. Значит, цифровые сервисы обязаны обеспечивать не просто удобство получения сведений, но и реальную возможность полноценно участвовать в административном производстве.

Значительное влияние на развитие рассматриваемой сферы оказывает трансформация государственного управления под воздействием цифровых технологий. М. В. Алексеева и Е. А. Филимонова исследуют особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий [11]. М. В. Алексеева и И. А. Подройкина рассматривают современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики [12]. Эти научные работы позволяют рассматривать цифровизацию административной ответственности как часть более широкого процесса преобразования публичного управления.

Важным направлением такого преобразования является формирование цифрового государства. В исследовании М. В. Алексеевой и С. В. Рыбака рассматривается трансформация государственного управления к модели цифрового государства [13]. В контексте административной ответственности данное направление предполагает развитие электронного документооборота, совершенствование межведомственного информационного обмена и внедрение цифровых механизмов взаимодействия с гражданами.

При этом цифровизация не должна приводить к ограничению прав и свобод человека. В научной работе М. В. Алексеевой, И. А. Подройкиной, посвящённой правовому аспекту формирования безопасной информационной среды, рассматриваются вопросы обеспечения информационной безопасности и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей [14]. Для административно-юрисдикционной деятельности значение данных вопросов проявляется прежде всего в необходимости защиты информации, обрабатываемой государственными органами, и предотвращения неправомерного использования персональных данных.

Стоит отдельно остановиться на автоматизированной обработке информации при анализе административных правонарушений. Современные информационные системы способны перерабатывать большие объёмы данных, находить повторяющиеся нарушения и собирать статистику. С их помощью можно выявлять самые частые виды правонарушений, оценивать, насколько эффективна профилактика, и планировать работу органов государственного контроля.

Однако автоматизация не должна подменять правовую оценку обстоятельств дела. Принятие решения о привлечении лица к административной ответственности требует установления события правонарушения, проверки доказательств, определения виновности и учёта обстоятельств, имеющих юридическое значение. Алгоритмическая обработка информации может помогать должностному лицу, но не должна исключать предусмотренные законом гарантии объективного рассмотрения дела.

Одной из наиболее значимых проблем цифровизации административной ответственности является обеспечение защиты персональных данных. При использовании информационных систем могут обрабатываться сведения о гражданах, их имуществе, транспортных средствах, месте и времени совершения предполагаемого правонарушения. Обработка таких сведений должна осуществляться с соблюдением требований законодательства о персональных данных [3]. Государственные органы обязаны обеспечивать надлежащую защиту информации и не допускать её неправомерного распространения.

Не менее острой остаётся проблема цифрового неравенства. Люди обладают разными навыками использования электронных сервисов, и доступ к интернету есть не у каждого. Значит, развивая цифровые способы взаимодействия, не стоит совсем отказываться от традиционных вариантов получения государственных услуг и подачи обращений. Сохранение альтернативных процедур помогает обеспечить равенство граждан при реализации прав и исполнении обязанностей.

Перспективным направлением развития административной ответственности является совершенствование информационного обеспечения государственного контроля и надзора. М. В. Алексеева в работе, посвящённой информационной деятельности таможенных органов, рассматривает особенности информационного обеспечения деятельности соответствующих государственных структур [15]. Данная проблематика может быть соотнесена с вопросами использования информационных ресурсов при выявлении и предупреждении административных правонарушений в сфере государственного контроля.

Кроме того, М. В. Алексеева исследует особенности административно-правового статуса субъектов государственного управления, осуществляющих международно-правовой мониторинг в условиях ЕАЭС [16]. Рассмотрение правового статуса соответствующих субъектов имеет значение для понимания компетенции органов управления и пределов их полномочий. В сфере административной ответственности соблюдение компетенции особенно важно, поскольку назначение наказания допускается только уполномоченными органами и должностными лицами.

Дальнейшее развитие цифровых инструментов в сфере административной ответственности должно служить улучшению правоприменительной практики, прозрачности работы государственных органов и усилению гарантий защиты прав граждан. Для этого нужно повышать техническую надёжность средств автоматической фиксации, обеспечивать доступ к электронным материалам дела, совершенствовать порядок обжалования постановлений и поднимать цифровую грамотность государственных служащих.

Административное наказание остаётся ключевым звеном механизма юридической ответственности в Российской Федерации. Оно выполняет карательную, предупредительную и охранительную функции и служит соблюдению установленных государством правил поведения. Насколько эффективно оно применяется, зависит от соблюдения законности, справедливости, соразмерности и индивидуализации.

Цифровизация государственного управления открывает дополнительные возможности для административно-юрисдикционной деятельности. Автоматическая фиксация правонарушений, электронные государственные сервисы, мониторинг и обмен информацией между ведомствами делают административные процедуры быстрее. Но использовать эти инструменты можно только при соблюдении процессуальных гарантий, достоверности доказательств и защите персональных данных.

Поэтому цифровые технологии не заменяют правовые механизмы административной ответственности, а служат средством их улучшения. Главный критерий эффективности цифровизации — не только ускорение административного производства, но и рост законности, обоснованности и доступности принимаемых решений. Только сочетание правовых гарантий и современных информационных инструментов позволит институту административного наказания в России развиваться дальше.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в действующей редакции).
2. Конституция Российской Федерации (с учётом действующих поправок).
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».
4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
5. Алексеева М. В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. — Ростов-на-Дону, 2007.
6. Алексеева М. В. Общее понятие о мониторинге как научной категории и правовом институте // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2015. — № 1 (18). — С. 9–14.
7. Алексеева М. В. Мониторинг в рамках институтов оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. — 2017. — № 2. — С. 20–25.
8. Алексеева М. В. Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2012. — № 1 (12). — С. 69–74.
9. Алексеева М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях // Современное общество и право. — 2012. — № 3 (8). — С. 29–36.
10. Алексеева М. В. Обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2011. — № 9 (15). — С. 58–64.

11. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. — 2024. — Т. 2. — № 2. — С. 14–21.
12. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1. — № 4. — С. 9–15.
13. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12. — № 2. — С. 16–23.
14. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1. — № 2. — С. 24–33.
15. Алексеева М. В. Информационная деятельность таможенных органов: монография. — Ростов-на-Дону, 2013.
16. Алексеева М. В. Особенности административно-правового статуса субъектов государственного управления, осуществляющих международно-правовой мониторинг в условиях ЕАЭС // Проблемы в российском законодательстве. — 2017. — № 5. — С. 168–171.

Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования ответственности за похищение человека: сравнительный анализ законодательства России, Казахстана, Украины, Беларуси, Таджикистана и Туркменистана

Снегирева Юлия Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Аксёнов Дмитрий Васильевич, кандидат юридических наук, доцент
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье рассматриваются особенности уголовно-правового регулирования ответственности за похищение человека в Казахстане, Украине, Беларуси, Таджикистане и Туркменистане. На основе сравнительно-правового анализа исследуются законодательные конструкции соответствующих составов, способы описания объективной стороны, квалифицирующие признаки и специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Отдельное внимание уделяется разграничению похищения человека со смежными преступлениями и оценке возможностей использования зарубежных законодательных решений при совершенствовании статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: *похищение человека, уголовная ответственность, сравнительно-правовой анализ, личная свобода, квалифицирующие признаки, добровольное освобождение похищенного, зарубежное уголовное законодательство, статья 126 УК РФ.*

Обращение к зарубежному опыту уголовно-правовой охраны личной свободы важно не само по себе, а прежде всего потому, что позволяет увидеть разные способы решения одних и тех же законодательных задач. Речь идёт о том, как определить содержание похищения человека, отграничить его от смежных преступлений, учесть обстоятельства, повышающие общественную опасность содеянного, и установить условия, при которых добровольное освобождение потерпевшего может повлечь освобождение виновного от уголовной ответственности.

В настоящей статье рассматриваются уголовные кодексы Казахстана, Украины, Беларуси, Таджикистана и Туркменистана. Выбор этих государств связан с общностью исторических предпосылок развития их уголовного законодательства и одновременно с различиями в современных подходах к конструированию норм об ответственности за посягательства на личную свободу. Сравнение проводится по нескольким критериям: законодательное описание похищения, способы совершения деяния, квалифицирующие признаки, санкции и специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

В Республике Казахстан ответственность за похищение человека установлена статьёй 125 УК. Основной состав предусматривает лишение свободы на срок от четырёх до семи лет. В частях второй и третьей статьи законодатель усиливает ответственность в зависимости от способа совершения преступления, характеристик потерпевшего, особенностей субъекта и направленности умысла виновного [1].

К числу квалифицирующих обстоятельств отнесены совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, с применением опасного насилия или оружия, в отношении беременной женщины, двух или более лиц, из корыстных побуждений, с использованием служебного положения, а также с фальсификацией, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего. Особо квалифицированный состав охватывает совершение преступления преступной группой, с целью эксплуатации похи-

щенного, в отношении заведомо несовершеннолетнего, а также случаи наступления по неосторожности смерти потерпевшего или иных тяжких последствий.

Для российского законодателя интерес представляет не столько сам по себе широкий перечень признаков, сколько стремление учитывать последующее использование потерпевшего и действия виновного, направленные на сокрытие его личности. Вместе с тем каждый дополнительный квалифицирующий признак должен иметь самостоятельное значение и не дублировать признаки иных составов. Цель эксплуатации, например, требует чёткого разграничения похищения человека и торговли людьми: совпадение фактических обстоятельств ещё не означает тождества составов.

Важной особенностью казахстанской нормы является сохранение неоднократности в числе квалифицирующих признаков. Российский законодатель отказался от этого признака при изменении УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [2]. Однако это не означает, что предшествующее совершение аналогичного преступления полностью утрачивает уголовно-правовое значение: при наличии предусмотренных законом условий оно может учитываться, в частности, при решении вопроса о рецидиве и назначении наказания.

В отличие от казахстанской модели, статья 182 УК Республики Беларусь содержит развёрнутое описание объективной стороны похищения человека. В ней перечислены тайный и открытый способы, обман, злоупотребление доверием, насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, угроза такого насилия и иные формы принуждения. Существенно и то, что противоправное завладение человеком должно быть связано с его перемещением в другое место; норма также исключает случаи, содержащие признаки захвата заложника, предусмотренного статьёй 291 УК [3].

Такое описание помогает определить границы состава, однако не снимает всех вопросов квалификации. В каждом конкретном случае требуется установить, имело ли место завладение человеком и его перемещение либо виновный лишь ограничил возможность потерпевшего свободно передвигаться. Разграничение похищения человека и незаконного лишения свободы имеет принципиальное значение и для российского права.

Часть вторая статьи 182 УК Беларуси предусматривает повышенную ответственность, среди прочего, за похищение заведомо несовершеннолетнего, двух или более лиц, из корыстных побуждений, в целях эксплуатации, с целью изъятия органов или тканей для трансплантации, группой лиц по предварительному сговору, а также с применением опасного насилия либо при мучениях или истязании. Часть третья охватывает случаи наступления по неосторожности смерти, причинения тяжких телесных повреждений или иных тяжких последствий, а также совершение преступления организованной группой.

Белорусская модель заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, законодатель подробно описывает способы завладения потерпевшим и связывает похищение с его перемещением. Во-вторых, в квалифицированном составе отдельно названы цель эксплуатации и цель изъятия органов или тканей. При этом специального примечания об освобождении лица, добровольно освободившего похищенного, статья 182 не содержит.

В Украине статья 146 УК объединяет ответственность за незаконное лишение свободы и похищение человека [4]. Такое построение не означает, что эти деяния юридически тождественны. Они посягают на личную свободу, но могут различаться по механизму совершения: похищение предполагает завладение потерпевшим и его перемещение, тогда как незаконное лишение свободы может выражаться в удержании лица без такого перемещения.

Квалифицирующие обстоятельства статьи 146 УК Украины включают совершение деяния в отношении малолетнего, из корыстных мотивов, в отношении двух или более лиц, по предварительному сговору группой лиц, способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, с причинением ему физических страданий, с применением оружия, а также осуществление незаконного лишения свободы или похищения в течение длительного времени. Более строгая ответственность предусмотрена за деяния, повлекшие тяжкие последствия, либо совершённые организованной группой.

Для российского права украинский опыт интересен тем, что два близких по объекту посягательства объединены в одной статье, но сохраняют самостоятельное обозначение. Вопрос о целесообразности подобного объединения для УК РФ не является первостепенным. Гораздо важнее, чтобы законодательные признаки позволяли правоприменителю последовательно отличать похищение от незаконного лишения свободы.

В Республике Таджикистан статья 130 УК содержит определение похищения человека через перечисление способов противоправного завладения лицом: тайно, открыто, путём обмана или злоупотребления доверием, с применением насилия либо угрозой его применения. Одновременно законодатель указывает на отсутствие признаков захвата заложника, предусмотренного статьёй 181 УК [5].

Статья 130 УК Таджикистана предусматривает дифференциацию ответственности с учётом совершения преступления группой лиц по предварительному сговору, повторно либо лицом, ранее совершившим ряд указанных в законе преступлений, применения опасного насилия или угрозы его применения, использования оружия, особенностей потерпевшего, цели изъятия органов или тканей для трансплантации, корыстных побуждений, а также особо опасного рецидива и наступления тяжких последствий. Примечание распространяет специальное основание освобождения не только на добровольное освобождение похищенного, но и на освобождение лица, незаконно лишённого свободы.

Статья 124 УК Туркменистана предусматривает ответственность за похищение человека. В основном составе не перечислены способы совершения похищения человека в отличие от УК Таджикистана, часть вторая статьи

предусматривает ответственность за совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, повторно, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, или угрозой применения такого насилия, с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, в отношении двух и более лиц, связанное с незаконным вывозом похищенного лица за пределы Государственной границы Туркменистана или незаконным возвращением его из-за Государственной границы Туркменистана, в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в целях изъятия у похищенного лица органов или тканей для трансплантации, из корыстных побуждений. Часть третья предусматривает ответственность за совершение преступления преступным сообществом, наступление по неосторожности смерти потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью либо иные тяжкие последствия, в отношении несовершеннолетнего лица [6].

Особого внимания заслуживает статья 125 УК Туркменистана, предусматривающая ответственность за похищение женщины с целью вступления в фактически брачные отношения. Нельзя не согласиться с мнением О. Н. Бибика о том, что совершение культурно мотивированного преступления можно трактовать как отсутствие у лица желания интегрироваться в доминирующую культуру, принимать и соблюдать установленные в ней нормы. Он обоснованно отмечает, что такие преступления могут представлять угрозу для конституционного государства [7]. Это свидетельствует о характере общественной опасности похищения невесты как многообъектного преступления.

Сравнение рассмотренных норм показывает, что законодательные модели различаются не только по объёму диспозиции, но и по тому, какие обстоятельства законодатель считает достаточными для усиления ответственности. В одних государствах акцент сделан на способе завладения потерпевшим и его перемещении, в других — на свойствах потерпевшего, мотивах виновного, специальных целях или последствиях преступления.

Сведем данные нашего исследования в таблице 1.

Таблица 1. **Сравнительная характеристика отдельных признаков составов похищения человека**

Критерий	**Казахстан ст. 125**	**Украина ст. 146**	**Беларусь ст. 182**	**Таджикистан ст. 130**	**Туркменистан ст. 124**
Подробное описание способов в диспозиции	Нет	Частично	Да	Да	Нет
Перемещение потерпевшего прямо указано	Нет	Не выделено отдельно	Да	Отдельно не указано	Нет
Групповой способ	Да	Да	Да	Да	Да
Повторность как квалифицирующий признак	Да	Нет	Нет	Да	Да
Похищение несовершеннолетнего	Да	Да (малолетнего)	Да	Да	Да
Цель эксплуатации	Да	Не указана в ст. 146	Да	Не выделена в ст. 130	Не указана в ст. 124
Цель изъятия органов или тканей	Не указана	Не указана	Да	Да	Да
Специальное освобождение при добровольном освобождении	Да	Нет	Нет	Да	Да

Из таблицы видно, что групповой способ как квалифицирующий признак предусмотрен во всех рассмотренных уголовных кодексах, в том время как повторность прямо предусмотрена в законодательстве Казахстана, Таджикистана и Туркменистана. Она не включена в статьи Украины и Беларуси. Это различие не позволяет утверждать, что данное преступное поведение не учитывается: его значение определяется общими положениями уголовного законодательства.

Включение цели изъятия органов или тканей для трансплантации в уголовных кодексах Беларуси, Таджикистана и Туркменистана позволяет учитывать особую опасность противоправного поведения, поскольку потерпевший выступает для виновного источником для получения биологического материала. В российском УК подобная цель не предусмотрена среди квалифицирующих признаков похищения человека, однако отдельные действия, связанные с незаконным изъятием органов или тканей, могут получать самостоятельную уголовно-правовую оценку.

Введение такого квалифицирующего признака в статью 126 УК РФ [8] является спорным решением, поскольку в данном случае появляется необходимость в определении конечной цели: будет ли он охватывать данную цель изъятия органов или тканей для трансплантации либо иные цели незаконного использования биологического материала. Кроме того, необходимо согласовать

его с нормами о преступлениях против жизни и здоровья, торговле людьми. Отсутствие такого согласования может привести к дублированию уголовного-правовых норм.

Сопоставление норм позволяет прийти к выводу, что цель эксплуатации, корыстная заинтересованность, намерение изъять органы или ткани характеризуют повышенную опасность данного преступного поведения.

Существенное сходство законодательства Казахстана, Таджикистана и Туркменистана состоит в наличии специальных положений, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно освободившего похищенного, если в его действиях не содержится иного состава преступления. В Таджикистане примечание действует также на добровольное освобождение лица, незаконно лишённого свободы. В УК Беларуси и Украины данное примечание отсутствует.

Сходство этих норм с примечанием к статье 126 УК РФ позволяет рассматривать добровольное освобождение потерпевшего как инструмент уголовно-правового стимулирования. Его назначение состоит в том, чтобы побудить виновного на прекращения удержания потерпевшего, восстановлении его свободы. Норма ориентирована не только на оценку уже совершённого деяния, но и на предотвращение дальнейшего противоправного деяния.

При применении такого основания принципиальное значение имеет добровольность освобождения, которая предполагает самостоятельность решения виновного лица, отсутствие вынужденности вследствие вмешательства органов, невозможности продолжать удерживать потерпевшего или иных обстоятельств, исключающих свободный выбор. Одновременно необходимо установить, что в действиях лица отсутствует иной состав преступления: специальное освобождение не должно исключать ответственность за самостоятельные преступные деяния, совершённые в отношении потерпевшего.

Анализ примечаний показывает отсутствие конкретного срока, по истечении которого добровольное освобождение перестаёт иметь правовое значение. Такой подход представляется обоснованным. Продолжительное удержание повышает общественную опасность содеянного, однако не всегда устраняет стимулирующее значение добровольного прекращения преступного поведения. Поэтому при оценке оснований освобождения следует исходить прежде всего из реальной добровольности действий виновного, а не из формального временного критерия. В связи с чем, введение в примечание ст. 126 УК РФ фиксированного периода, в течение которого лицо обязано освободить похищенного представляется нецелесообразным, поскольку подобное ограничение может ослабить стимул к освобождению потерпевшего в тех случаях, когда решение об этом принято позднее. Более обоснованным представляется сохранение оценки добровольности в каждом конкретном случае с учётом фактических обстоятельств дела и поведения виновного.

Если сопоставить данные модели, это не позволяет признать какую-либо из них безусловно более удачной. Каждая отражает особенности собственной системы уголовного законодательства. Зарубежный опыт полезен не как готовый образец. Он является материалом для оценки данных конкретных законодательных решений.

Анализ представленных национальных моделей не дает оснований утверждать превосходство какой-либо из них. Каждая модель является отражением специфики своей национальной системы уголовного права. Следовательно, зарубежный опыт ценен не как универсальный шаблон, а как источник для критического осмысления и оценки отдельных законодательных подходов.

Представляется целесообразным ввести в статью 126 УК РФ квалифицирующий признак — совершение похищения человека с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации. Такой подход уже применяется в законодательстве Беларуси, Таджикистана и Туркменистана. Введение этой нормы в российское право позволило бы более точно отражать направленность умысла виновного. Однако, необходимо учесть и согласовать это предложение с существующими статьями УК РФ, касающимися незаконного изъятия органов или тканей, причинения вреда здоровью и торговли людьми.

Также необходимо обратить внимание на дифференциацию ответственности за похищение несовершеннолетних с учетом их возраста. Принимая во внимание положения ст. 125 УК Республики Казахстан, предлагается выделить похищение заведомо малолетнего в качестве особо квалифицированного состава преступления. Такое решение позволит учитывать повышенную уязвимость детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и обеспечить более высокий уровень их уголовно-правовой защиты. Предлагается включить данный особо квалифицирующий признак в ч. 3 ст. 126 УК РФ.

В рамках третьего направления предлагается сохранить специальное основание освобождения от уголовной ответственности при добровольном освобождении похищенного. Международный опыт, в частности законодательство Казахстана, Таджикистана и Туркменистана, подтверждает наличие подобных механизмов за пределами России. Изученные примеры не дают оснований для установления в примечании жестких временных ограничений в российском законодательстве. Поэтому российскому законодателю целесообразно оставить добровольность как главный критерий, не устанавливая при этом конкретные временные рамки (часы или сутки).

Исследование, проведенное путем сравнительно-правового анализа уголовного законодательства Казахстана, Украины, Беларуси, Таджикистана и Туркменистана, выявило существенные различия в подходах к конструированию ответственности за похищение человека. Государства применяют разнообразные законодательные механизмы, которые отличаются степенью детализации описания преступного деяния (диспозиции), перечнем квалифицирующих обстоятельств, методами разграничения смежных составов преступлений, а также усло-

виями, при которых возможно освобождение от уголовной ответственности.

Основное различие кроется в описании объективной стороны преступления. Беларусь и Таджикистан прямо указывают на основные способы незаконного завладения человеком, в то время как Казахстан и Туркменистан дают более общие формулировки. Украинское законодательство выделяется тем, что объединяет незаконное лишение свободы и похищение в одной статье. Сравнивая эти подходы, можно заключить, что ключевым является не структура статьи, а ясность признаков, позволяющих правоприменителям различать эти преступления.

Исследование выявило еще один существенный аспект: вариативность в дифференциации уголовной ответственности. Анализ зарубежных уголовных кодексов показал, что при определении ответственности учитываются различные обстоятельства, включая групповой способ совершения преступления, его повторность, особенности потерпевшего, применение опасного насилия, корыстные побуждения, использование служебного положения и наличие специальных целей. При этом, как выяснилось, не все страны, участвовавшие в исследовании, предусматривают ответственность за похищение с целью эксплуатации или, изъятия органов или тканей. Это подчеркивает, что законодательная трактовка специальных целей обусловлена выбранной моделью защиты личной свободы и тем, как эти цели соотносятся с нормами, регулирующими торговлю людьми и преступления против здоровья.

В ходе исследования было установлено, что российское законодательство в части освобождения от уголовной ответственности за похищение при добровольном освобождении похищенного имеет общие черты с законодательством Казахстана, Таджикистана и Туркменистана. Сравнение этих правовых норм подтверждает правильность подхода, согласно которому решающую роль играют добровольность освобождения и отсутствие в действиях виновного других составов преступлений. Нет необходимости устанавливать определенный временной интервал для применения такого основания освобождения.

Анализ зарубежной практики позволяет сформулировать два предложения для дальнейшей дискуссии в рамках российского уголовного права. Во-первых, предлагается внести в статью 126 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирующий признак, касающийся изъятия органов или тканей с целью их последующей трансплантации. Во-вторых, представляется целесообразным выделить похищение заведомо малолетнего в отдельный, особо квалифицированный состав преступления. Внедрение данных предложений потребует тщательной оценки их соответствия существующим положениям Особенной части УК РФ и принципу соразмерности назначаемого наказания.

Таким образом, изучение зарубежного опыта имеет практическое значение не в качестве готового набора правил для непосредственного внедрения в российское законодательство, а как инструмент для сравнения различных подходов к уголовно-правовой защите личной свободы. Применение такого опыта требует избирательности, учета специфики российской системы уголовного права, устоявшихся правоприменительных практик и необходимости обеспечения ясности и предсказуемости уголовного закона.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: указать фактическую дату проверки).
2. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: указать фактическую дату проверки).
4. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 р. № 2341-III. Верховная Рада Украины. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341–14 (дата обращения: указать фактическую дату проверки).
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574. Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://ncz.tj/ (дата обращения: указать фактическую дату проверки).
6. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I. Министерство Адалат Туркменистана, информационная база «Адалат». URL: https://law.minjust.gov.tm/ (дата обращения: указать фактическую дату проверки).
7. Бибик О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2015. 531 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Налоговые риски корпоративной реструктуризации

Соколов Владислав Сергеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуется проблема разграничения законного структурирования корпоративных групп и противоправного дробления бизнеса в контексте ст. 54.1 НК РФ и положений Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ. Автор анализирует законодательную дефиницию «дробление бизнеса», условия налоговой амнистии, критерии организационной и производственной самостоятельности субъектов холдинга, а также доктрину деловой цели. На основе позиций Верховного Суда РФ исследованы принципы налоговой реконструкции консолидированных обязательств и предложен практический алгоритм формирования защитного файла (defense file).

Ключевые слова: *дробление бизнеса, налоговая выгода, статья 54.1 НК РФ, корпоративное структурирование, деловая цель, налоговая реконструкция, налоговая амнистия, взаимозависимость.*

Tax risks of corporate restructuring

Sokolov Vladislav Sergeevich, master's degree student
Moscow University «Synergy»

The article examines the demarcation between legitimate corporate structuring and unlawful business splitting under Article 54.1 of the Russian Tax Code and Federal Law No. 176-FZ of July 12, 2024. The author analyzes the statutory definition of «business splitting», tax amnesty conditions, criteria for operational autonomy, and the business purpose doctrine. Based on Supreme Court case law, the principles of tax reconstruction are reviewed and a defense file framework for business protection is proposed.

Keywords: *business splitting, tax benefit, Article 54.1 of the Russian Tax Code, corporate structuring, business purpose, tax reconstruction, tax amnesty, interdependence.*

Введение

Конституционный принцип свободы экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ) гарантирует предпринимателям автономию в выборе корпоративной структуры управления активами. Учреждение дочерних обществ, выделение специализированных операционных центров и региональная экспансия выступают стандартными механизмами диверсификации рисков. Однако данная свобода ограничена публично-правовой обязанностью платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ).

Длительное время институт «дробления бизнеса» развивался исключительно судебно-арбитражной практикой через доктрину необоснованной налоговой выгоды (Постановление Пленума ВАС РФ № 53 [4]) и положения статьи 54.1 Налогового кодекса РФ (НК РФ) [1]. Контрольные органы нередко трактовали любое разделение функций между взаимозависимыми лицами на специальных налоговых режимах как налоговое правонарушение.

Принятие Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ [2] впервые закрепило легальное определение дробления и ввело механизм налоговой амнистии за 2022–2024 годы. Тем не менее оценочный характер признаков правонарушения сохраняет высокие риски для добросовестных участников оборота.

Цель настоящего исследования — выявить правовые критерии, разграничивающие противоправное дробление и законное структурирование, проанализировать доктрину налоговой реконструкции в практике Верховного Суда РФ и разработать прикладные рекомендации по защите корпоративной структуры.

1. Нормативное регулирование и маркеры противоправного дробления

В статье 6 Федерального закона № 176-ФЗ законодатель установил, что дробление бизнеса представляет собой разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами под общим контролем, направленное преимущественно на занижение налогов посредством неправомерного применения спецрежимов (УСН, ПСН) с превышением установленных лимитов.

Конструкция состава правонарушения включает три взаимосвязанных признака:

1) субъектный: подконтрольность лиц единому бенефициару (взаимозависимость по ст. 105.1 НК РФ);
2) функциональный: искусственное расчленение звеньев единого производственно-хозяйственного процесса;
3) целевой (animus): преобладание фискальной экономии над хозяйственной целесообразностью.

Юридическая самостоятельность участников оборота презюмируется (ст. 48 ГК РФ [3]). В силу разъяснений ФНС России (письмо от 11.08.2017 № СА-4–7/15895@ [6], Методические рекомендации от 18.10.2024 № СД-4–2/11836@ [5]) доказательствами фиктивности выступают три группы маркеров:

— Организационные маркеры: единые IP- и MAC-адреса клиент-банков; единая бухгалтерия и кадровая служба без возмездных договоров; использование общих помещений и складов без реальной субаренды; формальное перераспределение штата без смены рабочих мест и фактических трудовых функций.

— Производственные маркеры: выделение звеньев, не способных автономно функционировать на открытом рынке без внутригрупповых заказов; использование единого бренда, доменного имени, телефонных линий и рекламных каналов; отсутствие у подконтрольных лиц собственных производственных мощностей.

— Финансовые маркеры: систематическое предоставление беспроцентных невозвратных займов («общий кошелек»); несение текущих расходов друг за друга; замкнутый транзитный расчетный контур без несения реального предпринимательского риска.

Следовательно, правонарушением признается не структурирование само по себе, а утрата участниками группы имущественной и операционной автономии ради налоговой оптимизации.

2. Деловая цель и доктрина налоговой реконструкции в судебной практике

Главным водоразделом между законной оптимизацией и дроблением выступает доктрина деловой цели (business purpose test, пп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ). Налоговая выгода признается правомерной, если создание обособленных структур обусловлено неналоговыми экономическими причинами, проверяемыми через тест гипотетического поведения: «Была бы создана данная модель при равенстве налоговых ставок?».

Арбитражная практика признает обоснованными следующие деловые мотивы разукрупнения:

— Локализация рисков: защита активов базового общества путем вывода опасных, подрядных или логистических операций в отдельные компании;

— Отраслевая дифференциация: разделение оптовой и розничной торговли, лицензируемых и нелицензируемых направлений деятельности;

— Инвестиционные требования: учреждение SPV (проектных компаний) под требования кредиторов и внешних инвесторов;

— Мотивация менеджмента: передача долей в уставном капитале дочерних обществ региональным партнерам с привязкой дивидендов к локальным KPI.

Для подтверждения добросовестности налогоплательщик обязан подтвердить ресурсную оснащенность участников группы, возмездность расчетов по рыночным ценам (ст. 105.3 НК РФ) и принятие самостоятельной ответственности перед третьими лицами.

При доказанности фиктивности разделения ключевую роль играет доктрина налоговой реконструкции, сформированная Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ:

1. Запрет карательного доначисления: цель статьи 54.1 НК РФ — определение действительного размера налоговых обязательств, а не наказание налогоплательщика. Исключение реальных расходов и вычетов по НДС недопустимо (Определение ВС РФ от 23.03.2022 № 307-ЭС21–17087, дело «Монэкс Трейдинг» [7]).

2. Обязательное сальдирование налогов: суммы налогов, уплаченные участниками группы на спецрежимах (УСН), подлежат обязательному зачету при расчете недоимки по ОСНО консолидированной компании, иначе возникает неосновательное обогащение бюджета (Определение ВС РФ от 21.07.2022 № 301-ЭС22–4481, дело «Мастер-Инструмент» [8]).

3. Автономия партнерских сетей: франчайзинговые и дилерские сети не признаются дроблением, если контрагенты инвестируют личные средства и несут предпринимательский риск (Определение ВС РФ от 17.10.2022 № 301-ЭС22–11144, дело «Зенден интернешнл» [9]).

Таким образом, налоговый орган обязан полностью реконструировать финансовый результат группы с признанием расходов, входящего НДС и зачетом спецналогов.

3. Формирование защитного файла (defense file) и превентивный комплаенс

Для предотвращения налоговых претензий юридической службе холдинга необходимо заблаговременно формировать комплекс доказательств непосредственной деловой цели реструктуризации (ex-ante подход).

Блок defense file	Содержание доказательственной базы	Нивелируемый риск
Корпоративный	Протоколы ОСУ/СД с фиксацией целей реорганизации; ТЭО; инвестиционные бизнес-планы; карты оценки рисков	Опровержение презумпции отсутствия деловой цели

Блок defense file	Содержание доказательственной базы	Нивелируемый риск
Имущественный	Договоры аренды по рыночным ставкам; акты ОС; свидетельства о праве собственности на оборудование; допуски и лицензии	Устранение обвинений в статусе «фирмы-оболочки»
Кадровый	Раздельные штатные расписания; трудовые договоры; выплата зарплаты со своих счетов; договоры аутсорсинга услуг	Опровержение фиктивной миграции и скрытого найма
Цифровой и финансовый	Раздельные договоры РКО и ключи ЭЦП; раздельные IP/MAC-адреса; отсутствие беспроцентных невозвратных займов	Ликвидация маркеров «общего кошелька» и единого IP

Практический алгоритм аудита корпоративной группы включает:

1) Исключение нерыночных перетоков ликвидности: оформление займов по рыночной ставке с обеспечением, запрет на несение общих расходов без зеркального перевыставления счетов;

2) Разграничение цифровой инфраструктуры: администрирование счетов строго директорами с персональных рабочих станций;

3) Обособление внешнего контура: разведение доменных имен, эквайринговых терминалов, контактных линий и рекламных кампаний;

4) Применение налоговой амнистии: правовой аудит за 2022–2024 годы и при наличии дефектов структуры — добровольный отказ от дробления в 2025–2026 годах (ст. 6 Закона № 176-ФЗ) со списанием ретроспективных санкций.

Заключение

Институт дробления бизнеса получил легальное закрепление в Федеральном законе № 176-ФЗ, связав противоправность деяния с искусственным разделением единого цикла ради сохранения спецрежимов. Разграничение со структурированием основывается на тесте деловой цели и подтверждении хозяйственной обособленности участников. Практика ВС РФ окончательно закрепила обязанность фискальных органов проводить налоговую реконструкцию с сальдированием уплаченных налогов.

В целях совершенствования законодательства (de lege ferenda) представляется целесообразным:

1. Закрепить в части первой НК РФ закрытый порядок проведения налоговой реконструкции при квалификации схем дробления бизнеса с обязательным зачетом спецналогов;

2. Ввести в статью 54.1 НК РФ институт презумпций правомерности («безопасных гаваней» / safe harbors) при доказанности обособления лицензируемых видов деятельности и отсутствии нерыночного внутригруппового финансирования.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
2. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации.».. // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 29 (часть I). — Ст. 4101.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 12.
5. Письмо ФНС России от 18.10.2024 № СД-4–2/11836@ «О направлении Рекомендаций по применению статьи 6 Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ» // Официальные документы. — 2024. — № 41.
6. Письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4–7/15895@ «О направлении обзора судебной арбитражной практики.».. // Документы и комментарии. — 2017. — № 17.
7. Определение СКЭС ВС РФ от 23.03.2022 № 307-ЭС21–17087 по делу № А21–11910/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение СКЭС ВС РФ от 21.07.2022 № 301-ЭС22–4481 по делу № А43–21183/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение СКЭС ВС РФ от 17.10.2022 № 301-ЭС22–11144 по делу № А41–76483/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Брызгалин, А. В. Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы: практика применения статьи 54.1 НК РФ / А. В. Брызгалин // Налоги и финансовое право. — 2023. — № 4. — С. 18–34.

Противодействие отмыванию доходов: баланс публичных интересов и прав клиентов финансовых организаций

Сударкина Софья Владимировна, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Статья посвящена анализу коллизии в валютном регулировании: между валютной стабильностью и защитой национальных интересов и гарантиями свободы внешнеэкономической деятельности и исполнения договорных обязательств. По разбору Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ, актов Банка России и изменений 2023–2024 гг. выявлена тенденция усиления публично-правовых начал и дискреционных полномочий регуляторов, формирующая дисбаланс в пользу контроля. Аргументируется, что меры валютного контроля действуют как ограничительные инструменты с санкционным эффектом, реализуемые административно без судебной проверки. Обосновывается необходимость дифференцированных режимов валютного контроля, расширения процедурных гарантий и усиления судебного обжалования для пропорциональности ограничений и защиты прав добросовестных субъектов.

Ключевые слова: *финансовый мониторинг, противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, баланс публичных и частных интересов, блокировка денежных средств, права клиентов кредитных организаций, соразмерность ограничений.*

Институт противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ) в российском законодательстве, получивший нормативное закрепление с принятием Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ, сильно изменился: из локального уголовно-превентивного средства он превратился в одну из наиболее активно развивающихся подотраслей финансового права. Сегодня его действия распространяются практически на все элементы финансового рынка и возлагает на частных субъектов — кредитные организации, некредитные финансовые организации, а также некоторые нефинансовые профессии — возлагаются публично-правовые обязанности большого объёма. Подобное расширение контроля неизбежно вступает в противоречие с основополагающими частноправовыми принципами.

Актуальность темы дополнительно обусловлена постоянным реформированием законодательства. Принятие Федерального закона от 28.12.2024 № 522-ФЗ обозначило очередной этап корректировки правил ПОД/ФТ. В ситуации, когда банки, выступая агентами финансового контроля, вынуждены применять превентивные меры (отказ в проведении операции, приостановление операций, расторжение договора) на основе внутренних правил и субъективных оценок степени риска, вероятность необоснованного ограничения прав хозяйствующих субъектов и граждан многократно возрастает.

Правовая природа ПОД/ФТ определяется делегированием государством части контрольных полномочий частным субъектам. Кредитная организация в силу прямого указания закона обязана осуществлять идентификацию клиентов, их представителей, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в соответствии с Положением Банка России от 15.10.2015 № 499-П. При этом российские кредитные организации исторически рассматриваются не только как коммерческие предприятия, но и как элементы финансовой инфраструктуры, наделённые специфическими публичными функциями. В контексте ПОД/ФТ эта двойственность проявляется наиболее заметно: банк одновременно является стороной по договору банковского счёта и агентом финансового контроля, обязанным оценивать собственного контрагента на предмет риска вовлечения в легализацию преступных доходов.

С позиций теории финансового права подобный пример не является чем-то неизвестным. ПОД/ФТ квалифицируется как самостоятельный вид финансового контроля, обладающий специфическим предметом (операции с денежными средствами и иным имуществом), особым кругом контрольно-надзорных субъектов и собственным инструментарием, включающим риск-ориентированный подход. [1] Банковская деятельность затрагивает интересы неопределённого круга лиц и стабильность денежной системы в целом, что служит основанием для возложения на кредитные организации дополнительных обязанностей публично-правового характера.

Однако законность цели не отменяет требования соразмерности средств её достижения. Проблема заключается в том, что реализация контрольной функции на практике приобретает формы, выходящие за пределы собственных задач. В 2011 году коллектив авторов под руководством Б. В. Орлова, гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты ПОД/ФТ находятся в состоянии перманентного напряжения, и игнорирование частноправовых гарантий при конструировании системы контроля способно дискредитировать саму идею борьбы с преступными доходами. [2] Спустя более десяти лет этот тезис не только не утратил актуальности, но и приобрёл новое звучание в свете законодательных новелл 2024 года.

Центральным звеном ограничительных механизмов выступают статья 7 Федерального закона № 115-ФЗ, которая наделяет организацию правом отказать в выполнении распоряжения клиента при возникновении подозрений,

и статья 7.5, предусматривающая приостановление операций в отношении лиц, включённых в перечень Росфинмониторинга. Ключевая проблема состоит в том, что право на отказ по статье 7 закреплено в общих формулировках: закон не устанавливает чёткого перечня оснований, ограничиваясь указанием на «подозрения». [3] В результате решающее значение приобретают внутренние правила кредитных организаций и методические рекомендации Банка России. Это ведёт к чрезмерно осторожной практике: опасаясь мер воздействия вплоть до отзыва лицензии, банк отказывает в обслуживании операций, которые формально не противоречат закону. В такой ситуации можно прямо говорить о дисбалансе между публичными интересами и частными правами хозяйствующих субъектов, а число необоснованных отказов растёт.

Ситуация усугубляется запретом на информирование клиентов о мерах ПОД/ФТ, установленным статьёй 4 Федерального закона № 115-ФЗ. Клиент зачастую лишён возможности понять, какие именно его действия вызвали подозрения, что усложняет возможность исправления ситуации. Механизм реабилитации, предусмотренный пунктом 13.4 статьи 7, появился относительно недавно и был призван защитить добросовестных участников оборота, однако закон не устанавливает конкретного срока рассмотрения заявления клиента; рекомендательный десятидневный срок, закреплённый в информационном письме Банка России, не имеет обязательной силы. [4] На практике клиенты нередко ожидают ответа неделями, а то и месяцами, будучи лишёнными возможности распоряжаться собственными средствами.

Федеральный закон от 28.12.2024 № 522-ФЗ внёс изменения, касающиеся расширения предметной сферы законодательства о ПОД/ФТ. В название и текст Федерального закона № 115-ФЗ последовательно введена категория «финансирование экстремистской деятельности», а корректировки затронули смежные законодательные акты, распространив соответствующую составляющую на всё поле финансового мониторинга.

Увеличение числа оснований для квалификации операции как подозрительной повышает вероятность применения ограничительных мер к клиентам, чья деятельность не имеет отношения к финансированию экстремизма, но чьи операции попадают в зону автоматического риска. Система ПОД/ФТ должна строиться с учётом баланса между эффективностью контроля и гарантиями прав добросовестных участников оборота;

Решение о блокировке или отказе принимается кредитной организацией в административном порядке, без предварительного судебного акта. Клиент фактически лишается возможности распоряжаться средствами до момента, пока не докажет легальность их происхождения. С позиций конституционного принципа соразмерности, сформулированного в постановлениях Конституционного Суда РФ, такие меры допустимы лишь постольку, поскольку они необходимы и пропорциональны защищаемому публичному интересу.

Однако в системе ПОД/ФТ необходимо чётко разграничивать превентивные меры, которые по своей природе должны быть оперативными, и меры юридической ответственности, применение которых требует полноценной процедуры доказывания. В действующем регулировании эта грань стирается: отказ воспринимается банком не как техническая превенция, а как санкция, применяемая к лицу, добросовестность которого не доказана, но и вина которого не установлена. Бремя доказывания добросовестности фактически возлагается на клиента, тогда как банк действует в условиях презумпции правильности своих подозрений. Как показывает анализ судебной практики, суды не всегда встают на сторону клиента даже при отсутствии доказательств его причастности к легализации доходов, признавая подозрения банка «изначально небезосновательными». Такой подход иллюстрирует фундаментальное неравенство процессуального положения сторон.

Отдельного внимания требует адаптация системы ПОД/ФТ к новым объектам оборота. Контроль за оборотом цифровых активов сталкивается с проблемой неопределенной ответственности между участниками экосистемы и требует выработки новых критериев идентификации бенефициарных владельцев. [5] Российское законодательство усиливает требования к прозрачности таких операций.

В условиях, когда правовая квалификация операций с цифровыми активами остаётся не до конца определённой, а подразделения банков не располагают устоявшимися методиками оценки, вероятность ошибочной блокировки возрастает. Это делает особенно востребованной дифференциацию режимов контроля в зависимости от типа клиента и характера его деятельности.

Преодоление выявленного дисбаланса предполагает движение по трём взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить требование к кредитным организациям аргументировать решения об отказе или о расторжении договора со ссылкой на конкретные нормы Федерального закона № 115-ФЗ или акты Банка России, а не на внутренние правила. Расширение обязанностей банков по информированию клиентов позволило бы клиенту подготовить возражение. В настоящее время он зачастую лишён даже этой возможности.

Во-вторых, необходима потребность в ускоренной судебной процедуре проверки обоснованности блокировки. Существующий порядок оспаривания в рамках искового производства с его сроками рассмотрения не соотвествует характеру нарушенного права: средства оказываются «замороженными» на срок, в течение которого бизнес может понести невосполнимые потери. Введение упрощённого производства по таким спорам позволило бы обеспечить более надежную судебную защиту.

В-третьих, требуется дальнейшая точность критериев подозрительности. Универсальные алгоритмы, ориентированные на среднестатистического нарушителя, неэффективны и несправедливы по отношению к категориям

клиентов с объективно различным уровнем риска. Появилась необходимость пересмотра подходов к оценке риска с учётом специфики различных элементов финансового рынка.

Институт ПОД/ФТ в России сформировался, но не достиг оптимального баланса публичных и частных интересов. Изменения 2024 года расширили сферу действия законодательства и скорректировали полномочия субъектов финансового мониторинга. При этом отчасти усилили проблему чрезмерности ограничений. Ссылка на публичный интерес в предотвращении легализации преступных доходов и финансирования экстремизма не может служить универсальным оправданием для необоснованного ограничения прав добросовестных клиентов.

Литература:

1. Яковлев А. Б. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма как вид финансового контроля //Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5 (102). — С. 86–92. — URL: http://elib.fa.ru/art2019/bv1694.pdf (дата обращения: 12.10.2026).
2. Орлов Б. В., Ручкин О. Ю., Трунцевский Ю. В. Гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия легализации преступных доходов в банковской системе Российской Федерации: научно-практическое пособие. — М.: Юрист, 2011. — 94 с. — Цит. по: С. 45–52. — Доступ к описанию и полному тексту: URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/451/ (дата обращения: 12.10.2026).
3. Зайцева Д. А. Правовые механизмы блокировки операций в системе ПОД/ФТ: баланс публичных интересов и прав хозяйствующих субъектов//Молодой учёный. — 2026. — № 21 (624). — С. 393–395: URL: https://moluch.ru/archive/624/136894 (дата обращения: 12.10.2026).
4. Информационное письмо Банка России от 12.09.2018 № ИН-014–12/61 «О подходах к порядку реализации кредитными организациями права, предусмотренного пунктом 13.4 статьи 7 Федерального закона № 115-ФЗ» (цит. по: Зайцева Д. А. Указ. соч. — С. 394).
5. Криворучко С. В., Понаморенко В. Е. Тенденции международной практики контроля за оборотом цифровых активов в контексте политики ПОД/ФТ и антикоррупционной политики//Банковское право. — 2023. — № 1. — С. 68–76. — Цит. по: С. 70–71. — Доступ к полному тексту: URL: https://lawinfo.ru/articles/1692/tendencii-mezdunarodnoi-praktiki-kontrolya-za-oborotom-cifrovyx-aktivov-v-kontekste-politiki-podft-i-antikorrupcionnoi-politiki — DOI: 10.18572/1812–3945–2023–1–68–76. (дата обращения: 12.10.2026).
6. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (ред. от 28.12.2024)// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 12.10.2026).
7. Положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (ред. от 28.06.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189731/ (дата обращения: 12.10.2026).
8. Федеральный закон от 28.12.2024 № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494849/ (дата обращения: 12.10.2026).

Порядок создания и государственная регистрация коммерческих организаций по законодательству Российской Федерации

Тарчуков Вадим Олегович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Исследуется порядок создания коммерческих организаций на примере учреждения общества с ограниченной ответственностью. Разграничены решение о создании, договор об учреждении и устав; показано значение каждого документа для подготовки к государственной регистрации. На материале опубликованной практики и разъяснений ФНС России 2026 года рассмотрены ошибки в адресных сведениях и пределы регистрационной проверки. Обоснован вывод о том, что количество организаций по одному адресу само по себе не доказывает недостоверность сведений. Предложен порядок предварительной проверки документов и определены возможности его применения в электронной процедуре. Эффективность этого порядка требует дальнейшей эмпирической проверки.

Ключевые слова: *коммерческая организация, учреждение юридического лица, государственная регистрация, ЕГРЮЛ, общество с ограниченной ответственностью, устав, достоверность сведений, отказ в регистрации.*

Введение

Учредители могут подготовить формально полный комплект документов и все же столкнуться с отказом: например, если адрес в заявлении не соответствует данным Государственного реестра. Возможна и другая ситуация: регистрация состоялась, но условия устава расходятся с договоренностями участников об управлении бизнесом. Эти проблемы возникают на разных стадиях и требуют разных решений. Первая связана с качеством сведений, представляемых государству, вторая — с оформлением отношений между учредителями. Поэтому оценка процедуры только по сроку внесения записи и числу необходимых документов оставляет за пределами внимания существенную часть юридической работы.

Цель настоящей статьи — определить, как правовая конструкция создания коммерческой организации позволяет согласовать доступность регистрации с достоверностью ЕГРЮЛ. Основным примером выступает учреждение ООО; особенности других форм показывают пределы применимости общей модели. Используются формально-юридический и системный методы, анализ научной литературы и опубликованной судебно-административной практики. Исследование проведено применительно к нормам и разъяснениям, доступным на 19 ноября 2026 года. Автор не использует результаты собственного статистического наблюдения и не распространяет выводы отдельных дел на все регистрационные споры.

1. Учреждение и регистрация: разные элементы единого процесса

Понятие коммерческой организации определяется прежде всего основной целью деятельности — извлечением прибыли. Перечень допустимых форм закреплен в статье 50 ГК РФ. Он включает хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия [1, ст. 50]. Само получение дохода еще не делает любую организацию коммерческой: закон допускает при соблюдении условий приносящую доход деятельность и для некоммерческих организаций. Индивидуальный предприниматель, в свою очередь, не является юридическим лицом и не образует отдельную организационно-правовую форму коммерческой организации.

Учреждение начинается с выражения воли учредителей. Согласно статье 50.1 ГК РФ решение единственного учредителя принимается единолично, а решение двух и более учредителей — единогласно. Его содержание охватывает создание юридического лица, утверждение устава либо использование типового устава, формирование имущества и организацию управления. Для конкретной формы действуют специальные правила. Поэтому государственная регистрация не заменяет корпоративного согласования и не устраняет дефекты отношений между учредителями.

И. Р. Минакова исследует соотношение договора об учреждении и решения о создании хозяйственного общества [5]. Различие этих актов особенно заметно при подготовке ООО с несколькими учредителями. В договоре они определяют совместные действия, размер капитала, доли и порядок их оплаты. Решением выражают волю на создание общества. Устав устанавливает устройство самой организации и служит ее учредительным документом [3, ст. 11–12]. Следовательно, наличие подписанного договора об учреждении не устраняет необходимости принять решение и определить, на основании какого устава будет действовать общество.

Завершающий юридический факт — внесение записи о создании в ЕГРЮЛ. Именно с ним закон связывает возникновение юридического лица [1, ст. 51; 2, ст. 11]. Дата подписания устава, выдачи электронной подписи или открытия банковского счета не заменяет этот момент. Обязательства, возникшие у учредителей до регистрации в связи с учреждением ООО, первоначально относятся к учредителям; возможность принятия ответственности обществом регулируется специальными условиями статьи 11 Закона об ООО. Имущественное обособление организации поэтому не действует задним числом автоматически.

Создание путем учреждения необходимо отличать от реорганизации. В первом случае новое лицо возникает на основании учредительного решения; во втором — в рамках изменения организационной структуры существующих субъектов с правопреемством. При этом не каждая форма реорганизации сопровождается появлением нового лица: при присоединении сохраняется принимающая организация. Такое разграничение существенно для состава документов и защиты кредиторов, а не только для терминологии.

2. Подготовка корпоративной модели и регистрационных документов

Выбор ООО предполагает определение состава учредителей, размера капитала, соотношения долей и порядка управления. Минимальный уставный капитал составляет 10 000 рублей; каждый учредитель оплачивает долю в срок, определенный договором об учреждении либо решением единственного учредителя, но не позднее четырех месяцев после государственной регистрации [3, ст. 14, 16]. Этот срок нельзя заменять встречающимся в старых инструкциях требованием оплатить половину капитала до

регистрации. Сам по себе минимальный размер капитала также не означает, что кредитор гарантированно получит соответствующую сумму: реальные активы и обязательства компании изменяются в ходе ее деятельности.

Важное изменение касается структуры участия. Действующая редакция статьи 7 Закона об ООО допускает наличие в качестве единственного участника другого хозяйственного общества, состоящего из одного лица, если законом не установлено иное. Следовательно, прежний общий запрет нельзя использовать как универсальное препятствие учреждению. Вместе с тем допустимость конкретного учредителя необходимо проверять с учетом специальных ограничений, а не только по организационной форме.

Выбор между типовым и индивидуальным уставом зависит от того, как участники намерены управлять обществом. Доктринальные вопросы правовой природы устава рассматривает П. В. Дроздов [6], его охранительную функцию — А. Э. Гаджиев [7]. Для подготовки к регистрации эти исследования важны прежде всего тем, что обращают внимание на действие устава после учреждения компании. Если подходящий типовой вариант отвечает договоренностям участников, составление отдельного текста может оказаться излишним. Когда требуются специальные положения, допустимые законом, их следует закрепить в индивидуальном уставе. Сам по себе выбор индивидуального документа качества регулирования не гарантирует.

Функцию устава нельзя полностью передать корпоративному договору. Последний позволяет участникам согласовать осуществление корпоративных прав, но не подменяет обязательные положения учредительного документа и не отменяет императивные нормы. Например, распределение между партнерами организационных обязанностей не освобождает от надлежащего формирования органов общества. На стадии учреждения полезно отдельно проверить, какой документ регулирует каждый существенный вопрос: решение, устав, договор об учреждении или последующее корпоративное соглашение.

Перечень документов для первоначальной регистрации установлен статьей 12 Закона № 129-ФЗ. Базовый комплект включает заявление по форме Р11001, решение о создании, учредительный документ, если не применяется допустимый типовой устав, и предусмотренные законом специальные документы. При участии иностранного юридического лица требуется подтверждение его статуса. Для АО предусмотрен документ о присвоении регистрационного номера выпуску акций [2, ст. 12; 4]. Регистратор не вправе произвольно расширять установленный законом перечень. Однако закрытость перечня не означает отсутствия требований к достоверности представленных данных.

Решение об учреждении ООО и свидетельствование подписи на регистрационном заявлении — различные юридические действия. Отсутствие обязательного нотариального удостоверения самого решения о создании не означает, что во всех способах подачи можно обойтись без нотариального подтверждения подписи. Порядок зависит от канала представления документов; при личной подаче с удостоверением личности и в предусмотренном законом электронном порядке действуют исключения. Правила регистрации смены руководителя уже действующего общества также не следует автоматически переносить на его первоначальное учреждение.

Срок регистрации при создании по общему правилу составляет не более трех рабочих дней со дня представления документов в регистрирующий орган [2, ст. 13]. Общий пятидневный срок из статьи 8 нельзя применять вместо специального правила статьи 13. Государственная пошлина при обычной платной подаче составляет 4 000 рублей; при предусмотренном законом электронном направлении, в том числе через нотариуса, пошлина не уплачивается [15]. Освобождение от пошлины не равнозначно бесплатности любых сопутствующих услуг.

3. Достоверность адреса и пределы проверки

Адрес выполняет функцию связи с юридическим лицом. Он не обязательно совпадает с местом размещения всех производственных мощностей и торговых объектов. Пленум ВАС РФ в постановлении от 30.07.2013 № 61 разграничил пригодность помещения для деятельности и возможность связи с организацией [10]. Из этого следует, что регистрационная проверка не должна превращаться в оценку хозяйственной целесообразности выбранного места ведения бизнеса.

При проверке адреса необходимо установить, какое именно обстоятельство вызывает сомнение и чем оно подтверждается. А. В. Габов рассматривает основания и последствия записи о недостоверности как самостоятельную проблему правового регулирования ЕГРЮЛ [8]. В настоящей статье внимание сосредоточено на более ранней стадии — представлении сведений при учреждении организации. Здесь принципиально различать повод для проверки и результат этой проверки. Необычная структура участия или общий адрес нескольких компаний могут требовать пояснений, но вывод о недостоверности должен опираться на конкретные факты и предусмотренное законом основание.

Это различие отражено в письме ФНС России от 13.08.2026 № КВ-36–14/6965@ [9]. Отмена отдельного основания проверки, связанного с адресом пяти и более юридических лиц, не исключает проверки по другим сохраняющимся основаниям. Следовательно, количество зарегистрированных компаний нельзя использовать как готовое доказательство недостоверности. Например, для адреса в деловом центре имеет значение возможность связи с конкретной организацией. При этом отмена количественного критерия не освобождает заявителя от обязанности представить достоверные сведения.

Практика демонстрирует и самостоятельное значение корректного указания адресных элементов. В пункте

1.2 Обзора ФНС № 2 (2024) рассмотрено дело № А40–267955/2023. Суды поддержали отказ во внесении изменений из-за несоответствия заявленного адреса сведениям ГАР; обсуждалось указание офиса, отсутствовавшего в реестре адресов [11]. Это дело касается изменения сведений, а не учреждения. Его значение для первоначальной регистрации ограничено общей обязанностью правильно структурировать адрес. Из него нельзя выводить, что любые дополнительные сведения об офисе всегда запрещены независимо от действующих требований и содержания ГАР.

Для учредителей рациональна предварительная проверка трех обстоятельств: существует ли соответствующий адресный объект, вправе ли создаваемая организация использовать помещение для связи и обеспечен ли прием корреспонденции. Договор аренды либо согласие собственника могут иметь доказательственное значение. Вместе с тем нельзя объявлять любой такой документ универсальным обязательным приложением к Р11001: правовой режим доказательств достоверности не тождествен перечню статьи 12 Закона № 129-ФЗ.

4. Отказ и способы защиты заявителя

Отказ должен быть связан с предусмотренным законом основанием и содержать объяснение препятствия. В заявлении могут отсутствовать необходимые сведения, документы могут быть подписаны ненадлежащим лицом, а включаемые данные — оказаться недостоверными. Разные нарушения требуют разных способов реакции. Исправление собственной ошибки и оспаривание незаконного ограничения представляют собой самостоятельные стратегии, которые необходимо выбирать после анализа мотивировки.

Пределы требований регистратора видны на примере дела № А70–20196/2023, изложенного в пункте 1.3 Обзора ФНС № 2 (2024) [11]. Инспекция и общество по-разному истолковали условия увеличения уставного капитала; суд удовлетворил требования общества. Этот спор возник при изменении сведений о действующей компании, поэтому он не подтверждает непосредственно порядок ее учреждения. Однако он показывает, почему в споре об отказе недостаточно общей ссылки на строгость корпоративных процедур: необходимо установить применимую норму и проверить, следует ли из нее требование инспекции.

Глава VIII.1 Закона № 129-ФЗ устанавливает специальный порядок обжалования. Для отказа территориального регистрирующего органа предусмотрен обязательный этап обращения в вышестоящий регистрирующий орган до судебного оспаривания с установленными законом исключениями. Обычно жалоба на отказ подается в течение трех месяцев с момента его получения; при дальнейшем обращении необходимо отдельно учитывать процессуальный срок [2, ст. 25.2–25.6]. А. В. Габов указывает на несогласованность отдельных правил досудебной защиты [12]. Это повышает значение точного определения предмета жалобы и применимого порядка.

5. Направления совершенствования

Результаты анализа можно использовать при подготовке регистрационного комплекта. Проверку следует начинать с допустимости учреждения: выбранной формы, состава учредителей, ограничений и необходимых согласований. Затем сопоставляются решение, устав, доли, капитал и порядок управления. После этого проверяются сведения, предназначенные для ЕГРЮЛ. Такая последовательность помогает установить источник ошибки: недостаток корпоративного решения нельзя исправить одним изменением поля в заявлении, а неверную структуру адреса — согласованием нового условия устава. Предложение касается организации подготовки документов и не меняет установленного законом перечня обязанностей заявителя.

В электронной процедуре полезной была бы проверка расхождений между документами до их отправки. Например, при несовпадении размеров долей в решении и заявлении сервис мог бы показать заявителю оба значения и предложить их сверить. Для правовой оценки такого инструмента существенно, что именно происходит после предупреждения. Если вопрос допускает несколько законных вариантов, заявителю нужна возможность пояснить свой выбор. Автоматически выявленный риск не может становиться дополнительным основанием отказа, которого нет в законе. Это предложение по устройству сервиса; работа действующих информационных систем в таком режиме в исследовании не проверялась.

Правовые последствия цифровизации корпоративных отношений исследуются М. А. Дроновым и Е. В. Олейник [13; 14]. Применительно к регистрации сохраняет значение различие между успешной отправкой файлов и надлежащим оформлением воли учредителей. Электронный канал сокращает затраты на передачу документов, но не разрешает противоречие между подписанным решением и уставом. Поэтому развитие предварительных технических проверок следует связывать с возможностью исправить конкретную ошибку до подачи, сохраняя правовую оценку в пределах компетенции регистрирующего органа.

Заключение

Рассмотренные нормы и примеры практики показывают, что подготовка к созданию организации охватывает два связанных круга вопросов. Учредителям необходимо оформить отношения между собой и представить государству достоверные сведения о будущем юридическом лице. Регистрация завершает создание организации внесением записи в ЕГРЮЛ, однако не заменяет согласования корпоративных документов. Поэтому проверять требуется и содержание заявления, и соответствие ему решения, устава и данных об участниках.

На примере адресных сведений установлено, что повод для проверки следует отличать от доказанного нарушения. Отказ требует конкретного правового и фактического обоснования; возможность обжалования позволяет проверить, не вышел ли регистратор за пределы своих полномочий. Предложенный порядок подготовки документов может помочь выявить устранимые ошибки до подачи. Этот вывод имеет нормативно-аналитический характер: влияние порядка на число отказов в работе не измерялось. Для оценки его эффективности необходимо сопоставить причины отказов в группе заявлений, подготовленных с такой проверкой, и в сопоставимой группе без нее.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 48–54, 65.1, 66. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.11.2026).
2. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 19.11.2026).
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 19.11.2026).
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
5. Минакова И. Р. Договор об учреждении и решение о создании хозяйственного общества: проблемы соотношения // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 4. С. 113–120. DOI: 10.17816/RJLS641929.
6. Дроздов П. В. О проблеме правовой природы устава юридического лица // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 3–10. DOI: 10.18572/0134–2398–2023–5–3–10.
7. Гаджиев А. Э. Охранительная функция устава коммерческой корпорации // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 33–38. DOI: 10.18572/2712–8865–2025–2–33–38.
8. Габов А. В. Запись о недостоверности сведений в ЕГРЮЛ: сущность, основания внесения и последствия // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 5. С. 52–79.
9. Письмо ФНС России от 13.08.2026 № КВ-36–14/6965@ «По вопросам обеспечения достоверности сведений ЕГРЮЛ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_542076/ (дата обращения: 19.11.2026).
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица». URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/17930 (дата обращения: 19.11.2026).
11. Обзор судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2024), направленный письмом ФНС России от 28.12.2024 № КВ-4–14/14787@. П. 1.2, 1.3. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411155421/ (дата обращения: 19.11.2026).
12. Габов А. В. Досудебное обжалование решений государственного регистрирующего органа в процедуре государственной регистрации юридического лица // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 3 (282). С. 81–94. DOI: 10.24412/2072–4098–2025–3282–81–94.
13. Dronov M. A. Corporations and Quasi-Corporate Entities in the Digital Age: Regulatory Experience in Russia and Elsewhere // Legal Issues in the Digital Age. 2026. Vol. 7. No. 2. P. 93–112. DOI: 10.17323/2713–2749.2026.2.93.112.
14. Олейник Е. В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции // Гражданское право. 2023. № 4. С. 32–36. DOI: 10.18572/2070–2140–2023–4–32–36.
15. ФНС России. Порядок регистрации юридического лица. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/registration_ip_yl/reg_yl/order/ (дата обращения: 19.11.2026).

Цифровизация государственного управления в Республике Беларусь

Тишевич Маргарита Андреевна, студент
Научный руководитель: Телятицкая Татьяна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)

Актуальные правовые и организационные аспекты цифровизации государственного управления в Республике Беларусь. Анализируется эволюция национальной нормативной правовой базы в сфере электронного правительства, включая внедрение автоматизированных информационных систем нормотворчества (АИС НРПА), развитие Единого портала электронных услуг (ЕПЭУ) и переход на биометрические документы. Особое внимание уделяется гарантиям защиты персональных данных, имплементации международных стандартов (по аналогии с GDPR) и деятельности На-

ционального центра защиты персональных данных. Выявлен ключевой проблемный аспект современной практики — разрыв между высокими темпами технологического внедрения и уровнем правовой грамотности населения, в связи с чем обоснована необходимость комплексной правовой адаптации граждан и активизации просветительской деятельности государства.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, государственное управление, электронное правительство, административные процедуры, защита персональных данных, биометрические документы, Республика Беларусь.*

Digitalization of public administration in the Republic of Belarus

Tishevich Margarita Andreevna, student
Scientific advisor: Telyatitskaya Tatiana Vladimirovna, candidate of economic sciences, associate professor
Belarusian State Economic University (Minsk)

The article examines current legal and organizational aspects of the digitalization of public administration in the Republic of Belarus. It analyzes the evolution of the national regulatory framework in the field of e-government, including the introduction of automated information systems for law-making (AIS NRPA), the development of the Single Portal of Electronic Services (SPES), and the transition to biometric documents. Special attention is paid to personal data protection guarantees, the implementation of international standards (analogous to the GDPR), and the activities of the National Center for Personal Data Protection. The study identifies a key problematic aspect of modern practice-the gap between the high pace of technological implementation and the level of public legal literacy, thereby substantiating the need for comprehensive legal adaptation of citizens and enhanced educational activities by the state.

Keywords: *digital transformation, public administration, e-government, administrative procedures, personal data protection, biometric documents, Republic of Belarus.*

Административное право выступает правовой основой для координирующей деятельности государства в процессе реализации законов. Оно консолидирует государственное управление, из-за чего прямо влияет на все юридические и практические аспекты общественной жизни. Кроме того, административное право фокусируется на отдельных отраслях государственного управления, регулируя процессы распределения делегирования полномочий между органами государственной власти [2, с. 3, 12, 25, 44].

В сфере цифровизации государственного управления Республика Беларусь развивается последовательно, внедряя передовые ИТ-решения. Первые шаги были сделаны еще в 2004 году, когда проекты законов стали открыто публиковать в интернете, чтобы каждый гражданин мог с ними ознакомиться. Новый импульс процессу дал ныне утративший силу Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», который потребовал перевести в цифровой формат абсолютно все этапы разработки и принятия документов. Логическим продолжением и институциональной заменой названного акта стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 16 апреля 2026 г. № 130 «О нормотворческой деятельности». Главным куратором этой работы стал Национальный центр правовой информации (НЦПИ). Уже с весны 2021 года все важнейшие государственные решения — от указов до постановлений правительства — проходят согласование и экспертизу онлайн через автоматизированную информационную систему, обеспечивающую формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее — АИС НРПА). АИС НРПА размещена на официальном сайте pravo.by, а Положение о порядке функционирования АИС НРПА утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 770 «Об автоматизированной информационной системе, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь», на смену которому пришло Постановление Совета Министров от 27 июня 2025 г. № 360 «Нормотворчество».

Сегодня понятия «электронное государство» и «электронное правительство» прочно вошли в нашу жизнь. Большинство исследователей сходятся во мнении, что цифровизация госсектора приносит огромную пользу. Она упрощает и ускоряет административные процедуры, снижает риски коррупции и делает работу чиновников более эффективной. Однако создать современное «государство-платформу» невозможно без серьезных реформ. Зарубежный опыт показывает, что для этого государству необходима глобальная перестройка двух ключевых элементов:

– Единая цифровая платформа, которая объединяет все государственные данные в одну систему [5, с. 74–77].

– Полный перевод госуслуг в онлайн, где личность гражданина подтверждается удаленно с помощью биометрии [5, с. 71–73].

В Республике Беларусь этот путь начался с Директивы Президента от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества

обеспечения жизнедеятельности населения» (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 23.03.2015 № 135). Этот документ поручил Правительству перевести государственные органы на электронный документооборот. Речь шла о цифровизации всех процессов: от внутреннего взаимодействия ведомств до оказания конкретных услуг гражданам и бизнесу.

Закон Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 17-З внес дополнения и изменения в базовый Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур», закрепляя возможность для граждан и субъектов хозяйствования подавать заявление на административные процедуры в электронном виде через Единый портал электронных услуг (ЕПЭУ), являющийся частью ОАИС. Правительство получило право определять перечень таких процедур и сроки внедрения. Согласно изменениям в пункте 6 части 1 статьи 4 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2023 г. № 314-З «Об основах административных процедур», подать через ЕПЭУ можно тремя способами:

– Без средств идентификации.

– С помощью уникального идентификатора заявителя (этот вариант не доступен для юридических лиц).

– С использованием личного ключа электронной подписи (ЭЦП), сертификат которой выдан республиканским удостоверяющим центром ГосСУОК [4].

На основании Указа Президента Республики Беларусь от 24 мая 2018 г. № 202 «О службе „одно окно"», а также в целях совершенствования организации работы с гражданами и юридическими лицами, в целях обеспечения доступа к ЕПЭУ, выдается уникальный идентификатор.

Как подчеркивают М. С. Абламейко и Н. В. Шакель в своем исследовании, посвященном цифровым правам человека и перспективам их введения в законодательство, поэтапная трансформация управления данными на основе цифровых технологий и разработка комплексных сервисов для получения гражданами и бизнесом услуг в электронном виде образуют основу современного цифрового государственного управления. Авторы отмечают, что с развитием информационного общества традиционные права человека наполняются новым содержанием, формируя категорию цифровых прав, в числе которых ключевое значение приобретает право на доступ к информации и электронным сервисам [1, с.21].

Вопросы развития электронного правительства в Республике Беларусь смещаются из сферы нормотворчества в область правоприменения. Хотя нормативная правовая база сформирована, а успехи страны отмечены в международных рейтингах, количественные показатели доступных на Едином портале электронных услуг (ЕПЭУ) сервисов требуют дальнейшего расширения для полноценного охвата всех сфер жизнедеятельности. Согласно официальным данным Единого портала электронных услуг (e-pasluga.by), на платформе задействованы десятки государственных информационных ресурсов и функционируют сотни цифровых сервисов: в частности, для граждан в электронном виде доступно более 200 административных процедур, а общее количество сервисов для физических и юридических лиц исчисляется сотнями, активно пополняясь за счет цифровизации ведомственных направлений, включая налоговую сферу. Требуется активизировать перевод оставшихся госуслуг в цифровой формат, уделив особое внимание взаимодействию с населением для повышения востребованности электронных каналов.

Новый этап в развитии исследуемых правоотношений связан с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 25 июня 2021 г. № 240 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования» и пришедшего ему на смену Указа Президента Республики Беларусь от 12 августа 2024 г. № 313 «О регулировании административных процедур».

Данный акт закрепил трехступенчатую систему регулирования:

– Глава государства определяет базовые принципы и подходы к организации процедур.

– Правительство утверждает Единый перечень административных процедур.

– Министерство экономики совместно с РУП Национальный центр электронных услуг как назначенным оператором профильной ГИС выступают ключевыми регуляторами технологической модернизации и цифровизации административного процесса.

С 1 сентября 2021г. в Республике Беларусь ввели биометрические документы, которые содержат персональные и биометрические данные владельца. Это решение закреплено Указом Президента от 16 марта 2021г. № 107 «О биометрических документах». Внедрение новых паспортов и ID-карт стало закономерным шагом в рамках реализации государственной стратегии цифровизации экономики.

Предоставление данных физических лиц между государственными информационными системами осуществляется в автоматическом режиме по технологии «система-система» через ЕПЭУ. Данные передаются:

– Без согласия гражданина — в случаях, предусмотренных законодательством.

– С согласия гражданина — во всех остальных случаях. Для этого пользователь подписывает согласие своей ЭЦП с помощью личного ключа на ID-карте.

Вместе с тем темпы технологического развития нередко опережают динамику правосознания и уровень цифровой грамотности населения. Как отмечает Л. Е. Можаева, статистические данные свидетельствуют об относительно невысокой активности взаимодействия граждан с органами государственного управления посредством сети Интернет (например, в 2020 году этот показатель составлял лишь 23,6 %) [3, с. 289].

Стремительное внедрение цифровых документов и онлайн-процедур актуализирует риски обеспечения защиты прав граждан и сохранения социальной стабильности. Все еще остается определенный уровень недоверия со стороны населения, обусловленный опасениями утечки пер-

сональных данных и недостаточной осведомленностью о принципах работы информационных систем. В связи с этим первостепенное значение приобретает не только техническая модернизация инфраструктуры и внедрение передовых IT-решений, но и активная информационно-разъяснительная работа государства с гражданами о преимуществах использования биометрических документов, цифровых сервисов и повышения общей цифровой грамотности.

7 мая 2021 года в Республике Беларусь вступил в силу Закон № 99-З «О защите персональных данных», появление которого обусловлено цифровизацией общества и необходимостью правового регулирования автоматизированной обработки личной информации. При разработке данного нормативного правового акта учитывался передовой мировой опыт, в силу чего Закон концептуально и содержательно близок к европейскому Генеральному регламенту о защите персональных данных (GDPR). В частности, в белорусское правовое поле были имплементированы такие принципы, как прозрачность и минимизация обработки данных, а также комплекс прав субъектов, включая аналоги «права на забвение» и права на отзыв согласия в любое время.

Институциональную основу и положительную динамику реализации Закона обеспечило создание специального уполномоченного органа — Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь. Новый регулятор наделен полномочиями по контролю за соблюдением законодательства, в рамках которых он вправе проводить проверки операторов, а также осуществлять независимый добровольный аудит процессов обработки персональных данных. Важным элементом правоприменения и технического контура безопасности стала обязательная классификация информационных ресурсов и систем, содержащих персональные данные. Согласно нормативной базе, утвержденной уполномоченным органом совместно с Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ), информационные системы разделены на классы типовых систем. Данная классификация служит главным ориентиром для бизнеса и государственных органов при проектировании, настройке и аттестации систем технической и криптографической защиты информации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в современных условиях административное право находится в состоянии непрерывного развития. Модернизация государственного управления носит системный и сбалансированный характер, что подтверждается последовательным обновлением нормативной правовой базы — от принятия базового Закона «О защите персональных данных» и внедрения биометрических документов до регулярной актуализации актов, регламентирующих нормотворческую деятельность и порядок осуществления административных процедур.

В ходе работы выявлена ключевая проблема современной практики цифровизации: объективный разрыв между высокой скоростью внедрения цифровых инструментов (АИС НРПА, ЕПЭУ, ID-карты) и уровнем правовой грамотности и психологической готовности населения к тотальной цифровизации. Для преодоления данного барьера недостаточно исключительно технического совершенствования систем защиты информации — необходимы комплексная правовая адаптация граждан, усиление гарантий конфиденциальности по стандартам ведущих регуляторов и активизация просветительской деятельности со стороны государства. При этом классические, консервативно ориентированные административные процедуры сохраняют свое фундаментальное значение как гарант соблюдения прав граждан и не могут быть полностью вытеснены цифровыми форматами.

Литература:

1. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2022. — № 2. — С. 19–26.
2. Административное право: учебное пособие / И. В. Козелецкий [и др.]; под общ. ред. И. В. Козелецкого; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск: Академия МВД, 2019. — 480 с.
3. Можаева, Л. Е. Правовые и организационные основы цифровизации деятельности государственных органов в Республике Беларусь / Л. Е. Можаева // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь: материалы Респ. науч.-практ. конференции, Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. конституц. права; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. — Минск: БГУ, 2022. — С. 287–294.
4. Об изменении Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур»: Закон Республики Беларусь от 7 дек. 2023 г. № 314-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 16.12.2023. — Рег. номер 2/3034. — URL: https://pravo.by (дата обращения: 02.11.2026).
5. Швецов, А. Н. Цифровизация госуправления в России на фоне лучшего зарубежного опыта / А. Н. Швецов, В. Н. Рысина // ЭКО. — 2020. — № 2. — С. 60–80.

Правовые ограничения и запреты в системе государственной гражданской службы

Филина Анна Сергеевна, студент магистратуры
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются правовые ограничения и запреты, установленные для государственных гражданских служащих Российской Федерации. Раскрываются их понятие и соотношение, проводится классификация по видам, анализируются конституционно-правовые пределы таких мер. Обосновывается необходимость правовой определённости и соразмерности ограничительных норм.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, правовой статус гражданского служащего, ограничения, запреты, конфликт интересов, противодействие коррупции, правовая определённость, соразмерность.*

1. Понятие и соотношение ограничений и запретов на государственной гражданской службе

Институт государственной гражданской службы выступает фундаментальным элементом правового государства, а его эффективность зависит от профессионализма, беспристрастности и законности деятельности служащих. Важнейшим правовым средством обеспечения этих качеств служат ограничения и запреты, установленные законодательством о государственной гражданской службе. Они являются элементами административно-правового статуса служащего и одновременно затрагивают его конституционные права, что требует взвешенного регулирования. [8]

Разграничение ограничений и запретов имеет не только доктринальное, но и прикладное значение: от точности квалификации зависит выбор юридических последствий. Ограничения — это условия, при которых гражданин не может быть принят на службу либо обязан прекратить её прохождение; запреты фиксируют недопустимые варианты поведения действующего гражданского служащего. [5] Системный характер этих мер подчёркивают федеральные законы от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», включающий ограничения и обязанности в правовое положение служащего. [5]

Ограничения и запреты образуют самостоятельный элемент правового статуса гражданского служащего наряду с правами, обязанностями, требованиями к служебному поведению и гарантиями. Их функциональное назначение состоит в обеспечении законности, беспристрастности и служебной дисциплины и в недопущении использования должностного положения в личных целях. В научной литературе подчёркивается, что соотношение ограничений и запретов и содержание ряда оценочных категорий в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» требует дальнейшего осмысления. [3]

2. Виды ограничений и запретов, связанных с гражданской службой

Ограничения и запреты, связанные с гражданской службой, условно делятся на несколько групп: препятствующие поступлению на службу и её прохождению; связанные с осуществлением служебной деятельности; направленные на предотвращение конфликта интересов; действующие после увольнения.

К первой группе относится запрет на предпринимательскую деятельность и участие в управлении коммерческими организациями. Гражданский служащий не вправе приобретать ценные бумаги, по которым может быть получен доход, а при владении ими обязан передать их в доверительное управление. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» связывает передачу ценных бумаг в доверительное управление с возможностью возникновения конфликта интересов, тогда как Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает безусловную обязанность такой передачи. В научной литературе такая обязанность рассматривается как не зависящая от вероятности конфликта интересов: достаточным основанием признаётся сам факт владения ими. [2]

Самостоятельную группу образует ограничение права на иную оплачиваемую работу: она допустима при предварительном уведомлении представителя нанимателя и отсутствии конфликта интересов, а при финансировании исключительно за счёт иностранных источников — только с письменного разрешения. Сравнительный анализ законодательства государств — участников СНГ показывает, что подходы к допустимым исключениям здесь различаются. [6]

Значительную группу образуют антикоррупционные запреты. Гражданскому служащему запрещается получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц. При этом специальная норма закона о гражданской службе, запрещающая любые подарки, имеет приоритет над статьёй 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, допу-

скающей обычные подарки стоимостью до трёх тысяч рублей, поэтому служащие не вправе принимать такие подарки независимо от стоимости, что подтверждается судебной практикой. [7]

Отдельное место занимают меры по предотвращению конфликта интересов: недопущение служебного подчинения близких родственников, обязанность уведомлять представителя нанимателя о личной заинтересованности. В совокупности они образуют систему антикоррупционных стандартов служебного поведения. [9]

3. Конституционно-правовые пределы ограничений и запретов

Ограничения и запреты затрагивают конституционные права личности — право на труд, свободу экономической и политической деятельности. Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что особенности профессиональной служебной деятельности допускают установление федеральным законодателем специальных правил и отдельных ограничений, однако они должны отвечать требованиям правовой определённости и соразмерности.

Соблюдение ограничений и запретов обеспечивается системой антикоррупционных механизмов, основу которых составляют Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Они вводят декларирование доходов и расходов, урегулирование конфликта интересов и иные меры предупреждения коррупционных правонарушений. [4]

Существенную роль играют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов и подразделения по профилактике коррупционных правонарушений. Развитие института ограничений и запретов связано с внедрением цифровых инструментов контроля, повышающих достоверность сведений и оперативность их проверки. [9]

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Ограничения и запреты в системе государственной гражданской службы — самостоятельные юридические средства, обеспечивающие беспристрастность, законность и служебную дисциплину: ограничения определяют условия допуска и пребывания на гражданской службе, запреты фиксируют недопустимые варианты поведения. Их разграничение имеет прикладное значение для правоприменителя.

Законодательство устанавливает развёрнутую систему ограничений и запретов, которая выполняет не только запретительную, но и обеспечительную функцию, связанную с гарантиями защищённости гражданских служащих. [1] Соблюдение принципов правовой определённости и соразмерности обеспечивает баланс между публичными интересами и правами гражданских служащих, а конкретизация законодательства и развитие контрольных механизмов укрепляют доверие к институтам власти.

Литература:

1. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации // Молодой учёный.
2. Грачева М. В., Новоселова Н. В. Запрет на приобретение ценных бумаг государственными гражданскими служащими: административно-правовой механизм реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — № 2. — С. 118–128.
3. Иванова А. В. Правовые ограничения и запреты государственной гражданской службой // Форум молодых учёных. — 2020. — № 2 (42).
4. Колесник Е. О. Административно-правовое регулирование системы государственной гражданской службы // Право и управление.
5. Пенежин А. В. Конституционно-правовой баланс между ограничением прав и обеспечением публичных интересов на государственной гражданской службе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика.
6. Семин А. Н. Ограничение права государственных служащих на выполнение иной оплачиваемой работы: опыт государств-участников СНГ // Административное и муниципальное право. — 2024. — № 2.
7. Серебряков А. А. К вопросу о запрете дарения подарков государственным и муниципальным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. -№ 2/1.
8. Спиридонов Ю. А. Запреты и ограничения для государственных служащих: баланс между публичным интересом и личной свободой // Образование и право.
9. Цевелев В. М. Антикоррупционные механизмы в системе государственной службы // Вестник Евразийской науки. — 2025. — Т. 17, № 4.

Осуществление административно-предупредительных мер в школе: направления и инструменты

Халилова Сабина Ялчын кызы, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются административно-предупредительные меры в образовательной организации: раскрывается их понятие, приводятся направления и инструменты данных мер. Особое внимание уделено практическому аспекту — результатам опроса, проведённого среди учащихся старших классов. В ходе исследования выявлялись уровень осведомлённости школьников о применяемых в школе предупредительных мерах, а также предложения учащихся по повышению эффективности профилактической работы. Анализ данных опроса позволил соотнести формальные административные механизмы с реальным восприятием учащихся и сформулировать рекомендации по совершенствованию системы административно-предупредительных мер.

Ключевые слова: *административно-предупредительные меры, школа, направления мер, профилактика правонарушений, безопасность в школе, опрос учащихся.*

Implementation of administrative and preventive measures in schools: directions and tools

Khalilova Sabina Yalchyn kizi, master's degree student
Moscow University of Finance and Law

The article examines administrative and preventive measures in educational organizations: it defines their concept and outlines the directions and tools for implementing these measures. Special attention is paid to the practical aspect — the results of a survey conducted among high school students. The study aimed to identify the level of schoolchildren's awareness of the preventive measures applied at school, as well as students' proposals for improving the effectiveness of preventive work. Analysis of the survey data made it possible to correlate formal administrative mechanisms with the actual perception of students and formulate recommendations for improving the system of administrative-preventive measures.

Keywords: *administrative-preventive measures, school, areas of measures, prevention of offenses, school safety, student survey.*

Административно-предупредительные меры в образовательной организации — это комплекс действий, направленных на предотвращение противоправного поведения учащихся, нарушений дисциплины, а также на устранение условий, способствующих возникновению опасных ситуаций. Их цель — не наказать, а предупредить: сформировать у школьников понимание границ допустимого, создать безопасную среду и вовремя оказать поддержку тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации.

Основные направления административно-предупредительной работы, которые осуществляются в школе:

1. Профилактика дисциплинарных нарушений. Сюда относятся опоздания, пропуски уроков без уважительной причины, нарушение правил поведения в школе. Соответственно обнаружение данных нарушений осуществляется назначенными учителями-дежурными и классными руководителями. Меры включают контроль посещаемости, беседы с учащимися и родителями, постановку на внутришкольный учёт при систематических нарушениях.

2. Профилактика противоправного поведения. Речь идёт о действиях, которые могут квалифицироваться как административные правонарушения или преступления (хулиганство, драки, употребление психоактивных веществ и т. п.). Здесь школа взаимодействует с подразделением по делам несовершеннолетних (ПДН) полиции, организует правовое просвещение [1].

3. Профилактика травматизма и чрезвычайных ситуаций. Это обеспечение безопасности в здании и на территории школы, проведение инструктажей, тренировок по эвакуации, контроль за соблюдением правил техники безопасности на уроках. Здесь уже основная работа лежит на администрации школы, но включаются также учителя-предметники и классные руководители [3].

4. Социально-психологическая профилактика. Работа с детьми из неблагополучных семей, с признаками девиаций, с повышенной тревожностью или агрессией. В этом направлении задействованы педагог-психолог, социальный педагог, классные руководители.

Практические инструменты и формы работы, которые осуществляются в школе:

— Технические меры безопасности. К ним относятся пропускной режим, видеонаблюдение, тревожные кнопки, регулярные осмотры помещений и территории. Эти меры направлены на предупреждение чрезвычайных ситуаций и оперативное реагирование при их возникновении [2].

— Внутришкольный учёт. Это способ систематизировать работу с учащимися, которые нуждаются в дополнительной поддержке. На учёт ставят при наличии объективных признаков риска (систематические пропуски,

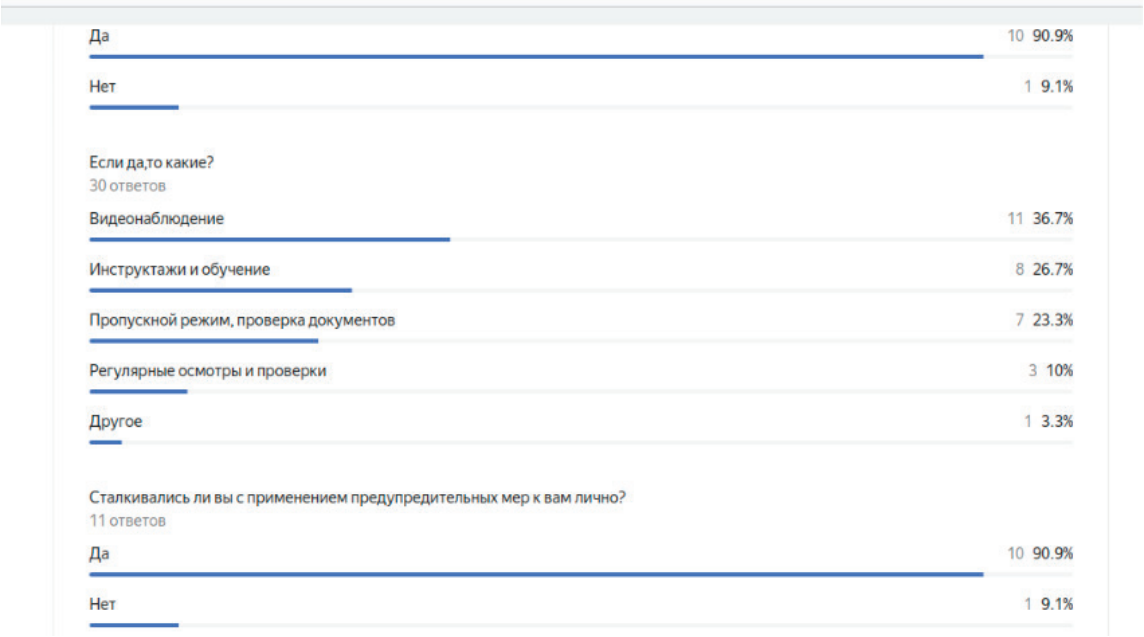
конфликты во время уроков и перемен, признаки неблагополучия в семье).

— Встреча с родителями. Социальный педагог и классный руководитель могут посещать семьи учащихся, чтобы оценить условия жизни, установить контакт с родителями, оказать консультативную помощь.

— Правовое просвещение. В школе проводятся классные часы, встречи с инспекторами ПДН, юристами, сотрудниками МЧС, на которых учащимся рассказывают о правах и обязанностях, ответственности за правонарушения, правилах безопасного поведения [1].

А теперь разберёмся, как же осуществляются административно-предупредительные меры в школе и оценим взгляды учеников. В ГБОУ школе № 1416 был проведён опрос среди учащихся старших классов (8–10) насчёт применения мер предупреждения в школе. Конечно, перед опросом пришлось им объяснить, что административно-предупредительные меры — это и есть меры безопасности. И анализируя результаты, можно сделать вывод о том, что ребята очень часто сталкиваются с ними, но даже этого не осознают. Какие вопросы были в данном опросе:

1. Возраст обучающихся
2. Знают ли они, что из себя представляют административно-предупредительные меры?
3. Если да, то какие?
4. Сталкивались они с данными мерами, и какие меры предупреждения к ним применялись?
5. Какие предложения имеются у учащихся для расширения административно-предупредительных мер?



В итоге каждый учащийся хоть раз в жизни беседовал с классным руководителем относительно своего поведения. Родителей вызывали у 60 % учащихся, прошедших опрос. Вполне хорошие предложения были у десятиклассников. Многие хотели внимательно изучить инструктажи, некоторые утверждали, что нужно устраивать проверки ЧС как можно чаще. Учащиеся хотят, чтобы все действия были отработаны до совершенства. Девчонки в основном предложили способы борьбы со стрессом во время ЧС: дыхательные гимнастики, например.

Таким образом можно сделать вывод о том, что административно-предупредительные меры играют огромную роль в школьной жизни. Цель данных мер — не наказать, а создать в школе среду, где риски минимизированы, а у детей есть поддержка и ориентиры для правильного поведения.

Литература:

1. Административная деятельность по профилактике правонарушений учащихся в образовательных организациях: тенденции рационализации — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-deyatelnost-po-profilaktike-pravonarusheniy-uchaschihsya-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-tendentsii?ysclid=mtiml25eb641050246
2. Алгоритм действий руководителя образовательного учреждения, персонала и учащихся в условиях чрезвычайных ситуаций — URL:https://sh-verxnestepnovskaya-r07.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/268/3106 Algoritm_deystviy_rukovoditelya_obrazovatel_nogo_uchrezhdeniya_personala_i_uchaschihsya_v_usloviyah_chrezvychaynyh_situatsiy_pri_ugroze_ili_osuschestvlenii_terroristicheskogo_akta.pdf
3. Перечень и образцы локальных документов по гражданской обороне и защите от чрезвычайных ситуаций в школе — URL: formy-lokalnyh-normativnyh-aktov-po-gochs.Pdf

Электронный документооборот в сфере ЖКХ: юридическая значимость и защита прав потребителей

Хвостикова Дарья Алексеевна, студент;
Цуренков Андрей Денисович, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуется электронный документооборот в сфере жилищно-коммунального хозяйства в аспекте его юридической значимости и влияния на защиту прав потребителей. Рассматриваются функциональные возможности систем ЭДО на протяжении жизненного цикла документа, состояние российского рынка специализированных программных решений, а также правовое регулирование размещения информации в ГИС ЖКХ на основании Федерального закона № 209-ФЗ. Особое внимание уделяется цифровизации общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах и судебной практике: делам о понуждении управляющих организаций к размещению сведений в системе (в том числе по искам прокуроров и общественных объединений потребителей) и определению Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда за размещение недостоверной информации.

Ключевые слова: *электронный документооборот, ГИС ЖКХ, жилищно-коммунальные услуги, юридическая значимость электронного документа, права потребителей, общие собрания собственников, судебная практика, достоверность информации, моральный вред.*

Жилищно-коммунальное хозяйство традиционно остаётся той отраслью, в которой имеет место обширная документация: отношения между ресурсоснабжающими организациями, управляющими организациями и потребителями оформляются десятками документов — от договоров ресурсоснабжения и актов снятия показаний приборов учёта до квитанций и протоколов общих собраний собственников, однако за последнее десятилетие документооборот отрасли всё активнее переходит в электронную среду. Государство формирует для него обязательную цифровую базу — действует Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства, созданная на основании Федерального закона № 209-ФЗ, с 1 марта 2025 года заочные собрания собственников проводятся только в электронном виде, а с 1 сентября 2027 года электронная доставка платёжных документов заменит бумажные квитанции. При этом электронный документ перестал быть копией бумажного: от его юридической значимости зависит само право исполнителя требовать оплату, а от условий электронной доставки — реализация прав потребителей, наименее защищённой стороны правоотношений. Эти обстоятельства обосновывают необходимость комплексного правового анализа электронного документооборота в сфере ЖКХ [1].

Цель исследования — проанализировать регулирование электронного документооборота в контексте жилищных правоотношений, а также определить его влияние на реализацию и защиту прав потребителей для оценки эффективности.

Традиционный бумажный документооборот в ЖКХ порождал системные проблемы: потерю документов, дублирование данных и слабый контроль. Цифровизация формирует единый контур — прозрачность расчётов, электронные квитанции и онлайн-оплату для потребителей, а для организаций — автоматизированное создание и подписание документов электронной подписью, в свою очередь информационные системы обеспечивают хранение и юридически значимый обмен данными. При этом универсального решения не существует, выбор системы определяется целями, потребностями и масштабом управляющей организации, поэтому задача исследования состоит не в подборе «лучшей» платформы, а в выявлении условий, при которых электронный документ порождает юридические последствия, и в оценке того, как эти условия влияют на защиту прав потребителей жилищно-коммунальных услуг [7].

Электронный документооборот охватывает полный жизненный цикл документа в организации ЖКХ — от создания до архивного хранения. На этапе подготовки система ЭДО предлагает автоматизированные шаблоны и автозаполнение полей (данные контрагентов, сроки, стоимость услуг), что сокращает время оформления договоров, актов и счетов и исключает ошибки ручного ввода. Обработка входящих документов также автоматизируется — система классифицирует их, определяет приоритет и направляет в профильное подразделение — например, заявку на ремонт передаётся службе технического обслуживания. Электронная передача документов обеспечивает мгновенную доставку, отслеживание статуса в реальном времени и устраняет риск потери юридически значимых бумаг. Хранение в защищённых базах данных с шифрованием и разграничением доступа экономит ресурсы и упрощает аудит, а инструменты контроля позволяют отслеживать сроки исполнения обязательств и историю изменений каждого документа [8].

Значительный потенциал систем ЭДО состоит в снижении конфликтности делового оборота. Фиксация статусов документов, сроков исполнения и истории изменений (кто редактировал, какие действия требуются далее) позволяет оперативно выявлять задержки, упрощает координацию между участниками и сокращает число споров. Для сферы ЖКХ, где договорные отно-

шения связывают управляющие организации с жителями, подрядчиками и ресурсоснабжающими организациями, такой механизм контроля приобретает особое значение: зафиксированная в системе история движения документа служит доказательственной базой при рассмотрении разногласий и юридических споров. Именно поэтому техническая прослеживаемость документа внутри организации — это не просто инструмент управления, а база для его юридической значимости: внешняя нормативная фиксация превращает такую историю в элемент доказательственной системы.

Особое место ГИС ЖКХ занимает в правовом измерении электронного документооборота. Закон № 209-ФЗ закрепляет обязательный перечень информации, подлежащей размещению в системе (ст. 6): тарифы, перечень услуг с расчётом их стоимости, сведения о приборах учёта и количестве зарегистрированных граждан. Требования к форматам электронных документов установлены совместным приказом Минкомсвязи и Минстроя России от 23.03.2015 № 88/203/пр, который действует впредь до принятия Минстроем нового приказа о форматах в соответствии с приказом Минцифры и Минстроя от 10.08.2023 № 688/577/пр [4].

В настоящее время плата за жилищно-коммунальные услуги вносится на основании платёжных документов (не позднее 15 числа) или сведений о начислениях, размещённых в системе; размещение — обязательная публичная обязанность, а не условие возникновения долга [1].

Вместе с тем последовательная замена бумажных форматов электронными объективно требует установления переходного периода. Значительная часть потребителей — прежде всего граждане пожилого возраста, а также лица с ограниченными возможностями здоровья — не обладает цифровыми навыками либо не имеет технической и финансовой возможности взаимодействовать с электронной средой: пользоваться личным кабинетом, авторизоваться в системе, отслеживать размещённые начисления и оспаривать их в электронном виде. Игнорирование этого фактора способно привести к тому, что формально равные правила для всех участников фактически станут неравными: право на своевременную и достоверную информацию о размере платы, на проверку начислений и на участие в общих собраниях будет реально доступно лишь «цифровым» потребителям. С учётом социального назначения отрасли жилищно-коммунального хозяйства такой результат недопустим.

Поэтому переходная модель должна включать во-первых, соразмерные по длительности сроки, в течение которых бумажные платёжные документы и бланки сохраняются наряду с электронными, а поставщик информации обязан по запросу предоставлять сведения на бумажном носителе. Во-вторых, сохранение за потребителем права выбора способа получения информации и направления обращений без наложения дополнительной платы за «нецифровой» вариант. В-третьих, организационные меры со стороны исполнителей и органов местного самоуправления: пункты бесплатной помощи, обучение граждан работе с системой, дублирование критически важных уведомлений (о начислениях, собраниях, капремонте) физическими носителями. Именно такой подход уже прослеживается в законодательстве применительно к общим собраниям, где за собственниками, не владеющими цифровыми навыками, сохраняется возможность голосования бумажными бланками с последующим включением их решений в итоговый протокол наравне с электронными; его последовательное распространение на платёжную сферу позволило бы избежать социального разрыва в момент перехода на электронную доставку документов с 1 сентября 2027 года.

Цифровизация общих собраний собственников помещений в МКД имеет не только управленческое, но и правозащитное измерение. ГИС ЖКХ и «Дом. Госуслуги» обеспечивают реализацию права собственников на участие в управлении домом и на достоверную информацию: через системы можно ознакомиться с договором управления, проверить срок его действия, узнать дату капитального ремонта и изучить протоколы собраний. Стандарты размещения информации в системе затрудняют проведение «фейковых» собраний, поскольку ответственные собственники могут отслеживать размещённые документы. При этом законодатель сохраняет гарантии для граждан, не владеющих цифровыми навыками: им предоставляются бумажные бланки голосования, а их решения включаются в итоговый протокол наравне с электронными.

Прокурорская практика подтверждает юридически обязывающий характер размещения информации в ГИС ЖКХ. Так, в деле № 2-1039/2025 Ноябрьского городского суда ЯНАО от 21.04.2025, прокуратура в защиту неопределённого круга лиц обратилась в суд с иском к управляющей организации, которая, несмотря на внесённое представление, не размещала в системе сведения, предусмотренные главой 11 приказа Минстроя России № 79/пр, — о многоквартирном доме, порядке приёма граждан, перечне и графике работ по содержанию и ремонту, приборах учёта, размере платы, состоянии расчётов с ресурсоснабжающими организациями и региональным оператором, договоре управления и отчёте о его исполнении [5] [9]. Установив факт неразмещения сведений, ответчиком не оспоренный, суд указал, что подобное бездействие влечёт нарушение гарантированных жилищным законодательством прав неопределённого круга лиц на получение полной и достоверной информации об исполнителе, и возложил на организацию обязанность разместить недостающие сведения в установленные пункты приказа. Из приведённого примера следует, что размещение информации в ГИС ЖКХ рассматривается правоприменителем не как техническая операция, а как юридическая обязанность исполнителя коммунальных услуг: её неисполнение квалифицируется как нарушение информационных прав потребителей и подлежит устранению в порядке искового производства по инициативе прокурора.

Иное соотношение публичного интереса и формальных оснований демонстрирует практика по искам общественных объединений потребителей. Так, в деле № 2-278/2020 Железнодорожного районного суда г. Пензы по результатам мониторинга объединение выявило отсутствие в ГИС ЖКХ сведений об общем имуществе многоквартирного дома, классе энергетической эффективности, капитальном ремонте и выполняемых работах и потребовало в судебном порядке понудить управляющую организацию к их размещению, однако суд в удовлетворении иска отказал по трём основаниям. Во-первых, ко времени рассмотрения дела часть сведений была размещена, а данные об общей площади помещений общего имущества в ст. 6 Закона № 209-ФЗ не предусмотрены вовсе [10]. Во-вторых, применительно к классу энергетической эффективности суд разрешил коллизию норм по принципу иерархии: положения п. 2 ч. 16 ст. 7 Закона № 209-ФЗ имеют верховенство над приказом № 74/114/пр, в силу чего обязанность размещения соответствующих сведений возложена на органы местного самоуправления, а не на управляющую организацию. В-третьих, обязанность по уплате взносов на капитальный ремонт для дома 2014 года постройки к моменту спора ещё не наступила. Однако необходимо упомянуть, что Приказ Минстроя России и Минкомсвязи России от 28.02.2017 № 74/114/пр утратил силу и с 2024 года был заменён приказом № 79/пр [7]. Приведённое дело демонстрирует «обратную сторону» формализации информационных обязанностей: судебная защита строится на буквальном перечне подлежащей размещению информации и на разграничении обязанностей между субъектами, вследствие чего потребитель может не получить сведения, фактическое раскрытие которых закреплено за иным размещающим лицом [6].

Самостоятельную значимость вопрос юридической ответственности за недостоверность данных в системе приобретает на уровне Верховного Суда Российской Федерации. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 8-КГ24-3-К2 исследован вопрос достоверности данных в системе. Истец после прекращения права собственности на жилое помещение обнаружил в личном кабинете ГИС ЖКХ недостоверную информацию о его принадлежности ему. Суды возложили на оператора системы обязанность исключить недостоверные сведения, но в компенсации морального вреда отказали: истец не состоит с ответчиками в договорных отношениях, поэтому Закон о защите прав потребителей не применяется. Верховный Суд указал, что отношения поставщика, оператора и пользователя информацией действительно не регулируются этим законом, однако моральный вред может быть компенсирован по ст. 151 ГК РФ при нарушении личных неимущественных прав, в том числе права на достоверную информацию [3]. Не проверив этот вопрос, нижестоящие суды допустили существенное нарушение, и дело направлено на новое рассмотрение. Приведённое дело показывает, что юридическую значимость приобретает не только факт размещения информации, но и её достоверность: пользователь ГИС ЖКХ — самостоятельный субъект права на достоверную информацию, а защита может выражаться в денежной компенсации морального вреда [11].

Электронный документооборот в сфере ЖКХ прошёл эволюцию от вспомогательного инструмента автоматизации до института, порождающего юридические последствия: автоматизация жизненного цикла документа обеспечивает его внутреннюю прослеживаемость, которая в сочетании с обязательным размещением сведений в ГИС ЖКХ образует единый контур юридической значимости — от технической фиксации до правовых последствий для исполнителя и потребителя. Центральное место в этом механизме занимает ГИС ЖКХ: обязательный перечень раскрываемой информации и право потребителя не оплачивать ЖКУ до размещения сведений о размере платы превращают размещение данных в юридическое условие возникновения обязанности по внесению платы [2]. Судебная практика подтверждает юридически обязывающий характер этой обязанности (дело № 2-1039/2025 Ноябрьского городского суда), одновременно очерчивая её пределы: защита строится на буквальном перечне подлежащей размещению информации и разграничении обязанностей между субъектами (дело № 2-278/2020 Железнодорожного районного суда г. Пензы), вследствие чего потребитель может не получить сведения, фактическое раскрытие которых закреплено за иным размещающим лицом. При этом юридическую значимость приобретает не только факт размещения информации, но и её достоверность: согласно определению Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 8-КГ24-3-К2, пользователь системы — самостоятельный субъект права на достоверную информацию, а защита допускает компенсацию морального вреда по ст. 151 ГК РФ независимо от наличия договорных отношений с оператором.

Таким образом, правовое значение электронного документооборота в ЖКХ реализуется преимущественно через публично-правовой механизм обязательного раскрытия информации, а не через договорные механизмы индивидуального информирования. Выявленные ограничения модели — формальный перечень сведений и цифровое неравенство — определяют перспективы дальнейших исследований: развитие ответственности за недостоверность размещаемых данных и гармонизация перечня раскрываемой информации с информационными потребностями граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» (ст. 6, п. 2 ч. 16 ст. 7).

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ч. 2.2 ст. 155 — в контексте права не оплачивать ЖКУ до размещения сведений в ГИС ЖКХ).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ст. 151 — компенсация морального вреда).
4. Приказ Минкомсвязи России и Минстроя России от 23.03.2015 № 88/203/пр «Об утверждении форматов электронных документов, размещаемых в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства».
5. Приказ Минстроя России от 28.01.2019 № 79/пр «Об утверждении Требований к организации и содержанию единой информационной системы в сфере жилищно-коммунального хозяйства».
6. Приказ Минстроя России и Минкомсвязи России от 28.02.2017 № 74/114/пр.
7. Обоснование возможностей и развития информационных систем и электронных документов в сфере ЖКХ [Электронный ресурс] // CyberLeninka.
8. Система электронного документооборота в ЖКХ: применение технологии и перспективы [Электронный ресурс] // NA-Journal. — 2023. — № 5.
9. Решение Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21.04.2025 по делу № 2-1039/2025 (иск прокурора к управляющей организации о понуждении к размещению сведений в ГИС ЖКХ).
10. Решение Железнодорожного районного суда г. Пензы от 12.03.2020 по делу № 2-278/2020 (иск общественного объединения потребителей; отказ в удовлетворении).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 8-КГ24-3-К2 (достоверность сведений в ГИС ЖКХ; компенсация морального вреда по ст. 151 ГК РФ).

The legal nature of the duty to protect the personal data of consumers entering into electronic contracts in the Russian Federation and the Kingdom of Morocco: a comparative study

Hmaiddouch Brahim, graduate student
Udmurt State University (Izhevsk)

The growth of electronic contracting has increased the collection, processing and storage of consumers' personal data, making data protection a legal necessity that extends beyond the confidentiality of information. This study examines the legal nature of the duties imposed on online suppliers and data controllers under Moroccan and Russian law. It analyses consumer rights and data controllers' obligations and identifies similarities and differences between the two legal systems.

Keywords: *Russia, Morocco, personal data, consumer, legal obligation, digital privacy, data controller, civil liability, electronic contracting.*

Personal data is central to electronic transactions: when purchasing goods or services online, consumers must provide information that allows suppliers to identify and contact them and fulfil the transaction. Such information may include names, addresses, contact details, financial information and other personal data. However, collecting, storing and reusing these data can pose significant risks to consumer privacy, particularly when the data are processed for purposes other than those for which they were collected or disclosed to third parties without a legal basis.

Studies have found that the use of online services and shopping platforms can increase consumers' exposure to privacy violations, including the misuse of information supplied during online transactions and intrusive online advertising and tracking technologies, such as cookies. They also highlight the importance of personal data in everyday transactions and its use by companies to develop marketing strategies and understand consumer behaviour and preferences. Accordingly, protecting these data is not merely a technical matter; it also requires a legal framework governing their collection, processing and use [1].

In Morocco, Law No. 09-08 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data [6] constitutes the primary legislative framework in this area, alongside Law No. 31-08 laying down measures for consumer protection [7]. In the Russian Federation, Federal Law No. 152-FZ of 27 July 2006 "On Personal Data" [8] provides the principal framework for regulating the processing of personal data and the protection of related rights, alongside Law of the Russian Federation No. 2300-1 "On Consumer Protection" [9].

The central question is whether the obligation to protect personal data arises solely from an electronic contract or constitutes an independent statutory duty imposed on the data controller, regardless of whether a direct contractual relationship exists with the data subject.

Personal data comprise information relating to an identified or identifiable natural person, irrespective of its form or storage medium. Such data are particularly important in electronic contracting because consumers provide them at different stages of a transaction, including when creating an account, ordering a product, making a payment or using a service. The information supplied is not limited to basic identifiers; it may also include personal and financial details needed to complete the transaction. Consumers may be identified directly through identity information or indirectly through details such as a telephone number, bank account number or email address.

The risks associated with data processing extend beyond collection to storage, classification, analysis and reuse. Prolonged retention, disclosure to third parties or use for marketing purposes unrelated to the original purpose of collection may infringe consumers' privacy. Legal safeguards must therefore apply throughout the processing lifecycle, rather than simply preventing disclosure [2].

Determining the legal nature of this obligation requires a distinction between its statutory and contractual sources. First, personal data protection laws impose duties on controllers, including obtaining consent where required, processing data for specified purposes, safeguarding confidentiality and integrity, and enabling data subjects to exercise their right of access. These duties apply irrespective of whether they are expressly stated in an electronic contract; they arise directly under the law.

Second, the contractual relationship may require suppliers to safeguard information obtained from consumers during contract performance and refrain from using it for purposes inconsistent with those for which it was provided. In this context, respecting consumer privacy forms part of proper contractual performance even in the absence of an express contractual clause.

The duty to protect personal data therefore has a dual legal basis: it is an independent statutory duty under data protection law but may also constitute a contractual duty where the breach is connected with performance of an electronic contract. The two duties are not identical: the former derives from mandatory rules governing data processing, while the latter concerns the supplier's obligations to the consumer under the contract.

The obligation to protect personal data in Morocco is grounded in the Constitution and Law No. 09-08. Article 24 of the 2011 Constitution [10] guarantees the right to respect for private life. This principle is particularly important in digital environments, where personal data can be collected and circulated through a range of technologies.

Law No. 09-08 provides the principal statutory framework for personal data protection. Article 1 defines personal data, while subsequent provisions govern the conditions for processing and data subjects' rights. The law addresses not only unauthorised disclosure but also the lawfulness, purposes and limits of processing itself.

Article 7 grants data subjects the right to access their personal data, establish whether those data are being processed and obtain information about the purposes of processing and recipients of the data. The right also covers available information about the origin of the data and the logic underlying certain automated processing operations.

Articles 8 and 9 provide for rectification and completion of personal data and the right to object to certain processing operations, subject to statutory conditions. These rights allow consumers to exercise some control over how suppliers and other parties use their information.

With regard to security and confidentiality, Article 23 requires the data controller to take appropriate technical and organisational measures to protect data against destruction, loss, alteration, disclosure or unauthorised access. Articles 25 and 26 also govern access to personal data and the duty of professional secrecy. Breaches of data protection duties—including processing for unauthorised purposes, disclosure to third parties, inadequate security measures or continued processing of inaccurate data despite a request for rectification—may cause material or non-material harm. In such cases, civil liability may provide a remedy for harm arising from infringements of data subjects' rights [3].

Law No. 31-08 on consumer protection provides complementary safeguards in supplier–consumer relationships, particularly regarding information rights, consumers' economic interests and certain distance contracts. It does not, however, replace Law No. 09-08: the former governs consumer relations, whereas the latter specifically regulates personal data processing.

Practical example: In Judgment No. 5288 of 30 April 2024 (Case No. 2986/8202/2024), the Casablanca Commercial Court found that a company had used the claimant's photograph, name, telephone number and email address on a Facebook page for promotional purposes without express consent to that use. The court therefore awarded damages of 30,000 dirhams and ordered the removal of the photograph and personal data, subject to a penalty of 500 dirhams per day of non-compliance. The judgment relied, among other provisions, on Articles 66, 67 and 264 of the Law on Obligations and Contracts, and cited Court of Cassation Decision No. 3127 of 28 June 2011 (Case No. 2006/9/1/2775), concerning the publication of a person's photograph without their consent. The case illustrates that providing personal data or an image in a professional or contractual relationship does not, in itself, constitute consent to their subsequent use for separate advertising purposes [11].

In the Russian Federation, Federal Law No. 152-FZ "On Personal Data" provides the principal statutory basis for data protection. Article 5 of this law requires personal data to be processed lawfully and fairly for specific, predetermined and legitimate purposes, and prohibits processing that is incompatible with the purposes for which the data were collected.

Article 6 specifies the legal grounds for processing, while Article 7 establishes confidentiality requirements. Controllers and others with access to personal data must not disclose or disseminate them without the data subject's consent unless federal law provides otherwise.

Article 19 requires legal, organisational and technical measures to protect personal data against unauthorised or acci-

dental access, destruction, alteration, blocking, copying, disclosure and other unlawful acts. Thus, data controllers in Russia must not only refrain from unauthorised disclosure but also take preventive measures to secure processing.

Law of the Russian Federation No. 2300-1 "On Consumer Protection" also guarantees access to information about goods, services and suppliers and provides for liability where information is inadequate or consumer rights are infringed. The relationship between these two Russian laws is therefore functionally similar to that between their Moroccan counterparts: one specifically regulates data protection, while the other safeguards consumer rights more broadly.

Practical example: A judgment of the Kirovsky District Court in Ufa dated 24 February 2025 (Case No. 2-627/2025) illustrates the application of these principles to online consumer transactions. The claimant registered with an online cosmetics retailer and subsequently received marketing emails. The company argued that, by accepting its data processing policy during registration, she had also consented to receive advertisements. The court, however, found no evidence that the consumer could register and make purchases without consenting to the use of her data for advertising. It concluded that making access to the retailer conditional on consent to advertising meant that consent was not freely given. The ability to unsubscribe after receiving an advertisement did not remedy the lack of prior consent. The court also held that registering with the retailer was sufficient to establish consumer interest, even if no purchase was completed. The ruling underscores the distinction between data needed to perform a contract and data processed for marketing purposes [12].

Several practical challenges remain. One is identifying the party responsible for data processing when several entities participate in performing an electronic contract. Another is determining whether consumers understand the purposes for which behavioural data are collected and analysed and can effectively object to their use. Data transfers and third-party access can also make it difficult to track the subsequent use of information. Proving harm and causation following a data breach can be especially difficult when consumers discover only much later that their data have been disclosed or used unlawfully. Effective protection should therefore extend beyond compensation after harm occurs to include preventive safeguards, transparency and mechanisms that allow consumers to exercise their rights [4–5].

The study concludes that the duty to protect the personal data of consumers entering into electronic contracts cannot be treated solely as a contractual obligation. It is primarily grounded in independent statutory rules governing data collection, processing, storage and use. These rules impose duties on data controllers concerning lawfulness, confidentiality, security and respect for data subjects' rights. Nevertheless, the duty may also have a contractual dimension where a breach is connected with performance of a distance contract with the consumer.

The analysis also shows that Moroccan Law No. 09-08 and Russian Federal Law No. 152-FZ both establish legal safeguards for personal data and provide for sanctions in cases of unlawful use or disclosure. In both jurisdictions, consumer protection legislation complements these safeguards by regulating supplier–consumer relationships.

Several measures could strengthen the legal protection of consumers' personal data. Suppliers should clearly explain what information will be processed; consumers should be able to exercise their rights of access, rectification and objection to unlawful processing; and data controllers should ensure that electronic services adequately safeguard the confidentiality and security of information. Greater consistency between general consumer protection rules and specific data protection provisions would also help avoid fragmented safeguards and uncertainty over the allocation of responsibility.

References:

1. Bouchaaib, Othman. *Protection of the Personal Data of Consumers Contracting Electronically in Light of Moroccan and Comparative Legislation* (حماية المعطيات الشخصية للمستهلك المتعاقد إلكترونياً في ضوء التشريع المغربي والمقارن). Doctoral Thesis in Private Law, supervised by Bouabid Challat, Mohammed V University of Rabat, Doctoral Studies Centre in Law and Economics, Laboratory of Legal Sciences, Academic Year 2019–2020, pp. 82–88. (In Arabic).
2. Al-Hafidhi, Hassan. Legal Protection of Personal Data between National Legislation and International Conventions (الحماية القانونية للمعطيات ذات الطابع الشخصي بين التشريع الوطني والاتفاقيات الدولية). Master's Thesis in Criminal Law and International Criminal Cooperation, supervised by Mohamed Bazzaz, Moulay Ismail University, Faculty of Legal, Economic and Social Sciences, Academic Year 2017–2018, pp. 17–22. (In Arabic).
3. Al-Radi, Saeed. Legal Protection of the Electronic Consumer (الحماية القانونية للمستهلك الإلكتروني). Master's Thesis in Private Law, supervised by Abdelmajid Kouzi, Sidi Mohamed Ben Abdellah University, Faculty of Legal, Economic and Social Sciences, Fez, Academic Year 2021–2022, pp. 161–162. (In Arabic).
4. Soldatova, V. I. (2020). Protection of Personal Data in the Digital Environment. Lex Russica, 73(2), pp. 33–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.033-043. ISSN: 1729–5920.
5. Polyakova, T. A., & Boychenko, I. S. (2021). Digital data circulation: Problems of interaction between data subjects and personal data operators. Law and State: Theory and Practice, (11), pp. 81–82. DOI: 10.47643/1815-1337.2021.11-181. ISSN: 1815–1337.
6. Kingdom of Morocco. Dahir No. 1–09–15 of 22 Safar 1430 (18 February 2009), promulgating Law No. 09–08 on the Protection of Individuals with Regard to the Processing of Personal Data (Dahir n° 1–09–15 du 22 safar 1430 (18 février 2009) portant promulgation de la loi n° 09–08 relative à la protection des personnes physiques à l'égard du traitement des

données à caractère personnel). Official Legal Database of the Kingdom of Morocco. Available at: https://bdj.mmsp.gov.ma/Fr/Document/8974-Dahir.aspx (accessed: 10.11.2026). (In French).
7. Kingdom of Morocco. Dahir No. 1–11–03 of 14 Rabii I 1432 (18 February 2011), promulgating Law No. 31–08 on Consumer Protection Measures (Dahir n° 1–11–03 du 14 rabii I 1432 (18 février 2011) portant promulgation de la loi n° 31–08 édictant des mesures de protection du consommateur). Ministry of Justice, Legal Affairs Portal. Available at: https://adala.justice.gov.ma/api/uploads/2024/03/01/protection %20de %20consommateur-1709283839988.pdf (accessed: 12.11.2026). (In French).
8. Russian Federation. Federal Law No. 152-FZ of 27 July 2006, On Personal Data (Federal Law No. 152-FZ «О персональных данных», as amended). ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 10.11.2026).
9. Russian Federation. Law No. 2300-1 of 7 February 1992, On Consumer Protection (Law No. 2300-1 «О защите прав потребителей», as amended). ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (accessed: 12.11.2026).
10. Kingdom of Morocco. Dahir No. 1–11–91 of 27 Sha'ban 1432 (29 July 2011), promulgating the text of the Constitution of the Kingdom of Morocco (Dahir n° 1–11–91 du 27 chaabane 1432 (29 juillet 2011) portant promulgation du texte de la Constitution). Official Bulletin of the Kingdom of Morocco, No. 5964 bis, 30 July 2011. General Secretariat of the Government. Available at: https://www.sgg.gov.ma/portals/0/constitution/constitution_2011_fr.pdf (accessed: 10.11.2026). (In French).
11. Kingdom of Morocco. Commercial Court of Casablanca. Judgment No. 5288 of 30 April 2024, Case No. 2986/8202/2024, concerning the unauthorised publication of an employee's personal data, infringement of the right to one's image, and the removal of the published content under penalty. Jurisprudence.ma. Available at: https://www.jurisprudence.ma/decision/publication-non-consentie-des-donnees-personnelles-dun-salarie-condamnation-pour-atteinte-au-droit-a-limage-et-suppression-sous-astreinte-trib-com-casablanca-2024/ (accessed: 16.11.2026). (In French).
12. Russian Federation. Kirovsky District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan. Judgment of 24 February 2025, Case No. 2–627/2025, concerning the unlawful processing of a consumer's personal data for advertising purposes without valid consent. LLC «Yekaterinburg Yabloko». SudAct. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/IaY6c2oyCGQu/ (accessed: 17.11.2026).

Административное правонарушение и преступление: основания разграничения

Хутежева Амина Аслановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена разграничению административных правонарушений и преступлений по ряду ключевых критериев в российском праве. Главным основанием для их разделения выступает степень общественной опасности деяния. Преступления представляют собой наиболее опасные посягательства и закреплены исключительно в Уголовном кодексе РФ, тогда как менее опасные проступки регулируются КоАП РФ и законами субъектов. Кроме того, данные виды противоправных деяний различаются по характеру применяемых санкций и наличию судимости как особого правового последствия только за совершение преступления.

Ключевые слова: *административное правонарушение, преступление, разграничение, общественно опасное деяние.*

Administrative offense and crime: grounds for distinction

This article examines the distinction between administrative offenses and crimes under Russian law, based on several key criteria. The primary basis for this differentiation is the degree of social danger posed by an act. Crimes constitute the most dangerous types of offenses and are defined exclusively within the Criminal Code of the Russian Federation, whereas less dangerous transgressions are governed by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the laws of its constituent entities. Furthermore, these categories of unlawful acts differ in the nature of the sanctions applied, as well as in the fact that a criminal conviction—a specific legal consequence—arises solely from the commission of a crime.

Keywords: *administrative offense, crime, differentiation, socially dangerous act.*

Разграничение административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний представляет собой одну из фундаментальных проблем современной российской правовой науки и правоприменительной практики. Обе категории противоправных деяний относятся к числу публично-правовых деликтов, посягающих на установ-

ленный в государстве правопорядок, общественную безопасность, права и законные интересы граждан, организаций и общества в целом. Несмотря на общность их социально-правовой природы и наличие значительного числа смежных составов, законодатель проводит между ними четкую грань, обусловленную различным характером и степенью вреда, причиняемого охраняемым общественным отношениям. Правильная юридическая квалификация противоправного поведения имеет решающее значение для обеспечения принципов законности, справедливости и гуманизма, поскольку от нее зависит вид и мера применяемого к виновному лицу государственного принуждения.

В отечественной юридической доктрине и законодательстве традиционно выделяют материальный и формальный критерии разграничения преступления и административного правонарушения. Материальный критерий связан с социальной сущностью деяния и отражает его способность причинять вред общественным отношениям. Формальный критерий определяется нормативным закреплением запрета в соответствующем кодифицированном акте и характером предусмотренных им санкций. Вместе с тем указанные базовые критерии конкретизируются через систему более частных признаков, анализ которых позволяет всесторонне раскрыть специфику каждого вида правонарушений.

Ключевым материальным основанием разграничения преступлений и административных правонарушений выступает степень общественной опасности совершенного деяния. В соответствии с частью 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. В свою очередь, часть 1 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] определяет административное правонарушение как противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность. Примечательно, что законодатель при формулировании легальной дефиниции административного правонарушения не использует категорию общественной опасности, ограничиваясь указанием на противоправность и виновность.

В научной литературе по данному вопросу сложились две основные концепции. Представители первой точки зрения полагают, что административные правонарушения не обладают признаком общественной опасности, а являются лишь общественно вредными деяниями. Сторонники второй, более распространенной в современной административно-правовой науке позиции утверждают, что общественная опасность присуща всем без исключения правонарушениям, однако при совершении преступления и административного проступка она различается по своему характеру и степени.

Характер общественной опасности представляет собой качественную характеристику деяния, зависящую от ценности объекта посягательства, содержания причиненного вреда и способа совершения противоправного действия. Степень общественной опасности отражает количественную сторону вредоносности, то есть интенсивность посягательства, размер причиненного ущерба, тяжесть наступивших последствий, форму вины и специфику обстановки совершения деяния. С этих позиций преступление характеризуется высокой степенью общественной опасности, тогда как административное правонарушение обладает меньшей степенью общественной опасности, не достигающей криминального уровня. Подтверждением данного тезиса служит положение части 2 статьи 14 УК РФ, согласно которому не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. В подобных ситуациях деяние при наличии соответствующих признаков может быть квалифицировано как административное правонарушение.

Вторым фундаментальным основанием разграничения выступает нормативный или формально-правовой критерий, выражающийся в отраслевой принадлежности запрещающей нормы. Преступления предусматриваются исключительно Уголовным кодексом Российской Федерации, который в силу статьи 1 УК РФ является единственным источником уголовно-правовых запретов. Никакие иные федеральные законы, а тем более нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут устанавливать преступность и наказуемость деяний. Административные правонарушения характеризуются двухуровневой системой правового регулирования. Согласно статье 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из самого федерального кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Таким образом, в отличие от исчерпывающего перечня преступлений на федеральном уровне, составы административных проступков могут формироваться и на региональном уровне с учетом местной специфики.

Тесно связан с нормативным критерием признак субъектного состава противоправного деяния. Субъектом преступления по российскому уголовному праву может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности. Уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации отсутствует, несмотря на периодически возникающие в научной среде дискуссии о целесообразности ее введения. Напротив, в административно-деликтном праве субъектами правонарушения признаются как физические, так и юридические лица. Статья 2.10 КоАП РФ подробно регламентирует основания и порядок привлечения организаций к административной ответственности, предусматривая при этом специфические правила установления их вины. Наличие такого субъекта,

как юридическое лицо, существенным образом отличает административную деликтность от преступности.

Различия между преступлением и административным правонарушением находят свое продолжение в характере применяемых мер государственного принуждения. За совершение преступления назначаются уголовные наказания, перечень которых содержится в статье 44 УК РФ. Они отличаются наибольшей строгостью и включают в себя такие меры, как лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, принудительные работы, ограничение свободы, а также значительные по размеру штрафы. Административные наказания, закрепленные в статье 3.2 КоАП РФ, носят менее репрессивный характер и направлены преимущественно на имущественное, организационное или кратковременное ограничительное воздействие, например, в виде административного штрафа, лишения специального права, административного приостановления деятельности или административного ареста на срок до пятнадцати, а в исключительных случаях до тридцати суток. Существенно отличается и процессуальный порядок привлечения к ответственности. Уголовные наказания назначаются исключительно судом по результатам сложной и детально регламентированной уголовно-процессуальной процедуры, а дела об административных правонарушениях рассматриваются в значительно более упрощенном и оперативном порядке. Правом назначать административные наказания наделены не только судьи, но и широкий круг органов исполнительной власти, должностных лиц и коллегиальных органов.

Подводя итог рассмотрению оснований разграничения административного правонарушения и преступления, следует отметить, что эти два вида публично-правовых деликтов образуют единую систему охраны правопорядка, но занимают в ней различные уровни. Разграничение между ними проводится по комплексу взаимосвязанных материальных, формально-юридических и процессуальных критериев. Базовым материальным основанием выступает степень общественной опасности, которая при совершении преступления достигает криминального порога, а при административном правонарушении остается на более низком уровне.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195 ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1, ст. 1.

Влияние института финансового уполномоченного на финансовый рынок

Царегородская Мария Сергеевна, студент
Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

Концептуальное осмысление категории «финансовый рынок» требует учета его глубокой междисциплинарной природы. В рамках экономической парадигмы данное понятие традиционно характеризуется как пространство взаимодействия потенциальных покупателей и продавцов различных активов — от ценных бумаг до валютных инструментов [1, с. 97].

Однако правовая доктрина расширяет этот подход. Как обоснованно указывает Д. А. Красиков, финансовый рынок в юридическом смысле следует рассматривать как динамичную систему общественных отношений, опосредующих мобилизацию и перераспределение денежных потоков между участниками воспроизводственного цикла [2, с. 208, 212]. Подобная дефиниция позволяет интегрировать в единое правовое поле банковские, страховые и инвестиционные услуги, рассматривая их как объект государственного регулирования и контроля. Представляется, что юридическое понимание рынка неразрывно связано с его экономическим содержанием: право фактически реципировало экономическую категорию, наполнив её специфическими регуляторными смыслами.

Таким образом, понятие финансового рынка невозможно отделить от экономического понимания, юриспруденция фактически реципировала данное понятие, добавив в него правовой смысл.

Деятельность финансового уполномоченного стала катализатором качественных изменений на отечественном рынке. За счет возможности адресно восстанавливать права граждан, Служба превратилась в инструмент быстрого реагирования на случаи, когда банки или страховщики игнорируют законодательные нормы. Этот механизм органично дополняет надзорную политику Банка России, направленную на очищение и укрепление финансового сектора. Фактически, когда жалобы на конкретную организацию начинают носить массовый характер, это служит для мегарегулятора четким сигналом о наличии системных сбоев в ее работе. В конечном счете последствия для недобросовестных участников рынка выходят

далеко за рамки простых выплат по решениям уполномоченного: за чередой претензий часто следуют полномасштабные проверки Центробанка и применение жестких административных санкций.

Особое значение имеет влияние Службы на деловую этику и культуру поведения на финансовом рынке. Деятельность уполномоченного стимулирует практическое внедрение принципов добросовестного поведения, зафиксированных в Методических рекомендациях Банка России от 20.01.2025 № 1-МР (далее — методические рекомендации Банка России) [3]. Регулятором постулируются такие фундаментальные категории, как честность, предполагающая безусловное следование заявленным обязательствам, и справедливость, ориентированная на беспристрастное отношение к клиентам в условиях здоровой конкуренции. Прозрачность деятельности организаций обеспечивается через раскрытие достоверной информации о продуктах, в то время как принципы заботы и безопасности направлены на защиту активов и интересов контрагентов от противоправных действий. Профессионализм сотрудников и системная ответственность за результаты работы завершают структуру этой этической платформы, которую Служба финансового уполномоченного помогает внедрять в повседневную практику рыночных отношений.

Таким образом, на сегодняшний день, уже сформирована и действует целая система этических принципов определяющих поведение участников на финансовом рынке.

Как справедливо отмечает Е. А. Сурменева, формирование единообразных правовых позиций и предсказуемая методология Службы становятся ориентиром для финансовых организаций. Это побуждает участников рынка качественнее отрабатывать претензии на досудебной стадии. Эмпирические данные подтверждают оздоровление сектора: за период с 2019 по 2022 годы зафиксировано существенное снижение доли необоснованных отказов в страховых выплатах. В частности, удельный вес жалоб, связанных с отказом в выплате по ОСАГО, сократился с 26,7 % до 13,9 %. Аналогичная позитивная динамика наблюдается и в части соблюдения сроков выплат, где доля обращений снизилась с 25,3 % до 19 %. Эти тенденции коррелируют и со статистикой Банка России, фиксирующей сокращение нарушений сроков в сегменте ОСАГО на 11,1 % [4, с. 229].

Стоит заметить, что работа Службы вовсе не ограничивается только разбором жалоб по существу. Важный пласт ее деятельности связан с тем, как профессиональные игроки в принципе соблюдают дисциплину, предписанную Законом № 123-ФЗ. Здесь на первый план выходит довольно жесткий, но действенный инструмент — публичность. Когда на сайте уполномоченного открыто вывешиваются списки тех, кто тянет с передачей документов или «забывает» платить взносы, это бьет по репутации компаний гораздо сильнее многих штрафов. То же самое касается и ежегодных отчетов: по цифрам обжалований решений сразу становится понятно, у кого из страховщиков или банкиров бизнес-процессы хромают, а кто работает добросовестно. Примечательно, что даже без прямого права наказывать или проверять, Служба умудряется влиять на ситуацию через плотный контакт с Центробанком. По сути, постоянная передача данных о «серых» схемах и сомнительных практиках превращает институт омбудсмена в своего рода систему раннего предупреждения для всей финансовой системы страны.

Служба финансового уполномоченного не наделена контрольно надзорными полномочиями, позволяющими в случае выявления нарушений законодательства и недобросовестного поведения в деятельности финансовых организаций применять соответствующие меры административно-правового принуждения, в связи с чем важное значение для защиты прав потребителей приобретает взаимодействие с контрольно-надзорными органами. В этом аспекте особо следует отметить взаимодействие Службы финансового уполномоченного с Банком России —основным субъектом поведенческого надзора на финансовом рынке. В рамках заключенного соглашения об информационном взаимодействии на ежеквартальной основе Служба предоставляет в Банк России обобщенные сведения об используемых финансовыми организациями неприемлемых практиках, выявленных в ходе рассмотрения обращений, о нарушениях финансовыми организациями требований Закона № 123-ФЗ.

Деятельность института финансового уполномоченного существенно трансформировалась в значимый инструмент мониторинга. Выполняя роль связующего звена между потребителями и регулятором, Служба аккумулирует массивы данных о системных нарушениях, которые становятся триггером для проведения проверок со стороны Банка России.

Помимо реализации властных механизмов, финансовый уполномоченный выстраивает систему «мягкого» воздействия через консультационные и коллегиальные площадки, такие как Совет Службы и Экспертный совет [5]. Практика адресных консультаций и рабочих групп позволяет оперативно снимать противоречия в правоприменении, не доводя их до стадии массовых жалоб. Особое значение имеет внедренный механизм регулярных информационных рассылок. Получая ежеквартальные сведения о качестве отработки запросов, профессиональные участники рынка получают возможность корректировать свои внутренние логистические и операционные процессы, минимизируя риски возникновения конфликтов.

Смотря на общую картину, становится ясно: системное влияние этого института помогает понемногу выравнивать вечный перекос сил на рынке. Потребитель ведь всегда был в проигрыше — и по части информации, и в процедурных тонкостях, — но сейчас этот разрыв постепенно сокращается. Фактически именно через работу Службы те самые принципы справедливости и порядочности, о которых твердит регулятор, начинают работать не на бумаге, а в жизни. Об этом говорят и реальные

цифры: раз страховые компании стали реже давать немотивированные отказы по выплатам, значит, деловая культура в этой среде действительно меняется в лучшую сторону. Выходит, что финансовый уполномоченный — это не просто какой-то посредник или арбитр для галочки. Он стал полноценным звеном в фундаменте рынка, которое помогает удерживать баланс интересов и не дает системе окончательно крениться в сторону сильных игроков.

Литература:

1. Исраилова, З. Р. Финансы, финансовый рынок: виды и функции / З. Р. Исраилова, Р. М. Хизриева, М. А. Вахаева. — Текст: непосредственный // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. — 2021. — № 2 (34) — С. 96–101.
2. Красиков, Д. А. Финансовый рынок как экономическая и юридическая категория / Д. А. Красиков. — Текст: непосредственный // Вестник СГЮА. — 2018. — № 1 (120) — С. 207–213.
3. Методические рекомендации Банка России по применению основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке (утв. Банком России 20.01.2025 № 1-МР). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498418/ (дата обращения: 18.11.2026).
4. Сурменева, Е. А. Влияние института финансового уполномоченного на реализацию основных принципов добросовестного поведения на финансовом рынке / Е. А. Сурменева. — Текст: непосредственный // Вестник СГЮА. — 2024. — № 3 (158). — С. 228–234.
5. Отчет о деятельности службы финансового уполномоченного в 2023 году. — Текст: электронный // Служба финансового уполномоченного: [сайт]. — URL: https://finombudsman.ru/ (дата обращения: 18.11.2026).

Правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг

Царегородская Мария Сергеевна, студент
Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

С развитием гражданского общества и рыночной экономики в Российской Федерации стал активно развиваться рынок финансовых услуг. В рамках отношений, складывающихся на данном рынке, существует две стороны: потребитель финансовых услуг и финансовая организация. В рамках этого взаимодействия одна сторона, финансовая организация, имеет больше ресурсных возможностей и правовой осведомленности для ведения потенциальных споров с потребителем, поскольку в таких организациях существуют юридические отделы и есть финансирование юридического сопровождения подобных споров, в то время как у потребителя нет всех вышеперечисленных преимуществ, следовательно, он является более уязвимой стороной в споре с финансовой организацией.

В целях защиты прав потребителей был принят Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 «О защите прав потребителей» [1]. Позднее, на основании Федерального закона Российской Федерации «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [2], был создан институт Финансового уполномоченного, позволяющий в быстрый срок, в рамках внесудебного порядка рассматривать обращения потребителей финансовых услуг.

Актуальность данной работы заключается в том, что институт Финансового уполномоченного появился сравнительно недавно и тема его правового статуса не до конца разработана. Кроме того, объем полномочий данного омбудсмена довольно обширный, поскольку определенные категории потребителей обязаны, прежде чем они обратятся в суд, заявить свои требования Финансовому уполномоченному. Так, по предварительным данным за 2019–2022 гг. в Службу Финансового уполномоченного поступило более 600 000 обращений, по результатам рассмотрения более чем 350 000 из которых Финансовым уполномоченным принято решение (об удовлетворении требований, об отказе в их удовлетворении либо о прекращении рассмотрения обращения) [3, с. 62]. Также, остается нераскрытым правовой статус Финансового уполномоченного в контексте отнесения его к органам государственной власти, поскольку он наделен властными полномочиями при этом частично представляя из себя институт гражданского общества.

Юрисдикционный порядок предполагает обращение потерпевшего за защитой к компетентным органам, обладающим властными полномочиями, и такой порядок в зависимости от вида защищающего органа может быть либо судебным, либо внесудебным (административным) [4, с. 69].

Согласно статье15 Федерального закона Российской Федерации «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», Финансовый уполномоченный рассматривает обращения в отношении финансовых организаций, включенных в специальный реестр, если размер требований потребителя финансовых услуг о взыскании

денежных сумм не превышает 500 тысяч рублей, либо если требования потребителя финансовых услуг вытекают из нарушения страховщиком порядка осуществления страхового возмещения, установленного Федеральным законом от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», либо если требования потребителя финансовых услуг имущественного характера связаны с заключением, исполнением или прекращением пенсионного договора и (или) договора об обязательном пенсионном страховании либо относятся к требованиям, и если со дня, когда потребитель финансовых услуг узнал или должен был узнать о нарушении своего права, прошло не более трех лет. Также Финансовый уполномоченный выносит решения по соответствующим обращениям и может выдавать исполнительный документ — удостоверение.

Данные полномочия отражают многогранный характер правового статуса Финансового уполномоченного. Так, с одной стороны, подход к вынесению решения в котором есть вводная резолютивная и описательно-мотивировочная часть имеет сходство с административным порядком разрешения споров, однако, как правило, в рамках административного порядка, обжалованию подлежат акты, а также действия бездействия нижестоящего органа в вышестоящий орган. Финансовый уполномоченный не входит в структуру органов власти, однако он наделен властными полномочиями. Вместе с тем само название «уполномоченный» отсылает нас к уже давно действующему в России институту омбудсменов. Однако, у Уполномоченного по правам человека нет полномочий по вынесению решений и выдаче исполнительных документов. Сурменева Е. А. считает, что Финансовый уполномоченный прежде всего является субъектом публичного права, аргументируя свою позицию тем, что Финансовый уполномоченный наделен властными полномочиями (по рассмотрению обращений потребителей финансовых услуг), а его решения по результатам рассмотрения обращений обеспечиваются мерами государственного принуждения [5, с. 108]. С этим утверждением сложно не согласиться, однако нельзя отрицать и тот факт, что в правовом статусе Финансового уполномоченного прослеживаются черты института гражданского общества: во-первых, Финансовый уполномоченный защищает только права потребителей, соответственно физических лиц (граждан), во-вторых, Финансовый уполномоченный не является государственным служащим, равно как и работники службы Финансового уполномоченного. Также, стоит упомянуть и о том, что у института Финансового уполномоченного существовал предшественник, а именно институт примирителя на финансовом рынке, который действовал на базе Ассоциации банков России, но у него не было таких больших полномочий, как у Финансового уполномоченного.

В данном контексте, с нашей точки зрения, проявляется двойственность института Финансового уполномоченного. Возможно, целесообразно его отнести к иной, отдельностоящей ветви власти. Так, ряд исследователей выделяют денежную власть (англ. monetary authorities), к ней же относят и Банк России. У данного органа также не определен правовой статус и об этом ведутся длительные дискуссии в правовой литературе. Стоит отметить, что данный подход носит дискуссионный характер, поскольку в рамках современной доктрины традиционно выделяются именно 3 ветви власти, кроме того ни Банк России, ни Финансовый уполномоченный формально не имеют статуса органа государственной власти как такового, хотя и наделены соответствующими полномочиями. Так, Тосунян Г. А. отмечает, что, согласно Конституции РФ, Центральный банк РФ не входит ни в одну из ветвей власти, это дало основания многим авторам говорить о наличии некоей четвертой ветви власти — «денежной власти», представленной Центральным банком РФ [6, с. 31].

С нашей точки зрения, перспективна позиция Гузнова А. Г. и Рождественской Э. Р. Они считают, что Финансовый уполномоченный не является органом государственной власти и сохраняет статус института гражданского общества, признанного государством на уровне федерального закона и обладающего отдельными функциями органа государственной власти, прежде всего — функцией разрешения спора между конфликтующими сторонами [7, с. 48].

Интересную позицию выражает Климов В. В. — Финансовый уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования. Он рассматривает Финансового уполномоченного, как квазисудебного органа, который, фактически обладает большинством полномочий присущих органам судебной власти. Свое мнение он аргументирует тем, что с одной стороны перед Финансовым уполномоченным стоит задача по защите прав потребителей, а с другой стороны по беспристрастному разрешению спора. Данные задачи закреплены в статье 2 ФЗ Федерального закона Российской Федерации «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Кроме того, Финансовый уполномоченный наделен необходимыми полномочиями для рассмотрения спора по существу без его дальнейшего рассмотрения в суде [8, с. 64].

Действительно, Финансовый уполномоченный имеет полноценные возможности для разрешения спора в части требований непосредственно связанных с нарушением прав потребителя финансовых услуг, однако, на практике потребители отражают весь перечень требований в своем обращении к финансовому уполномоченному, для того, чтобы соблюсти все требования для последующего обращения в суд. При этом, Финансовый уполномоченный не может разрешать вопросы о возмещении морального вреда, взыскании штрафа, упущенную выгоду. В данном случае можно задуматься над целесообразностью укрупнения полномочий финансового уполномоченного, поскольку в таких случаях уполномоченный оставляет заявленные требования без рассмотрения и далее, заявителю не остается

ничего, кроме как обратиться в суд. Суду же приходится изучать все дело в комплексе, в том числе изначальное заявление потребителя финансовых услуг в Службу Финансового уполномоченного, решение Финансового уполномоченного, тем самым нагрузка на суды возрастает.

Также, стоит задуматься над укрупнением самой Службы финансового уполномоченного, поскольку объем требований, как отмечалось ранее колоссален, и, возможно, было бы более эффективно создать на территории каждого федерального округа филиал Службы Финансового уполномоченного. На текущий момент таких филиалов всего три. С нашей точки зрения, это способствовало бы более грамотному, качественному и своевременному разрешению споров и могло бы сопутствовать предложенному ранее укрупнению полномочий.

Тем не менее, институт Служба Финансового уполномоченного успешно справляется со своими обязанностями. Так, по статистике, лишь в 1,27 % [9] выносимых Службой решений, суды, в случае обжалования решения Финансового уполномоченного, выносят иное решение. Тем самым предоставляя гражданам качественное, быстрое и, что не маловажно, бесплатное решение. В том числе в этом заключается политика клиентоцентричности, реализуемая сейчас в органах государственной власти, направленная на доступность различных публичных услуг для граждан. Кроме того, служба финансового уполномоченного существенно разгружает судебную систему, поскольку ее компетенция включает в себя подавляющее большинство споров в рамках защиты прав потребителей финансовых услуг.

На сегодняшний день правой статус Финансового уполномоченного остается неопределенным, в нем прослеживаются черты разных институтов как гражданского общества, так и различных ветвей власти, но, бесспорно, он отвечает требованиям современности, а именно клиентоориентированности, быстроты рассмотрения, бесплатности разрешения спора и защиты более слабой стороны-потребителя финансовых услуг. Он обладает большой эффективностью, в нем реализованы такие новые тенденции как удаленное вынесение решения, в которым сторонам не нужно присутствовать на заседании. С точки зрения правовой природы и социальной и публичной пользы данный институт представляет из себя кардинально новое явление для России.

Литература:

1. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № N 2300–1. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014512 (дата обращения: 18.11.2026).
2. Федеральный закон Российской Федерации «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 № 123-ФЗ. — Текст: электронный // Собрание законодательства Российской Федерации: [сайт]. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102471607 (дата обращения: 18.11.2026).
3. Климов, В. В. Правовая природа института финансового уполномоченного в Российской Федерации / В. В. Климов. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 4. — С. 61–68.
4. Кузнецова, О. А. Проблемы юрисдикционного внесудебного порядка защиты гражданских прав / О. А. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Ex jure. — 2019. — № 2. — С. 68–75.
5. Сурменева, Е. А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг: специальность 5.1.2: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сурменева Е. А.. — Саратов, 2024. — С.-272— Текст: непосредственный.
6. Тосунян, Г. А. Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы / Г. А. Тосунян, А. Ю. Викулин. — М., 2010. — 31–55 с. — Текст: непосредственный.
7. Гузнов, А. Г. Особенности правового статуса финансового уполномоченного / А. Г. Гузнов, Э. Р. Рождественская. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — С. 45–54.
8. Климов, В. В. Правовая природа института финансового уполномоченного в Российской Федерации / В. В. Климов. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 4. — С. 61–68.
9. Отчет о деятельности в 2023 году. — Текст: электронный // Официальный сайт Финансового уполномоченного: [сайт]. — URL: https://finombudsman.ru/about/otchetyi-o-deyatelnosti/otchet-za-2023-god.html (дата обращения: 18.11.2026).

Регламентация ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов в уголовном законодательстве зарубежных государств

Черемисинова Юлия Денисовна, студент магистратуры
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматривается сравнительно-правовой анализ регламентации ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов в уголовном законодательстве зарубежных государств, включая страны СНГ, Западной Европы и Восточной Азии. Выявляются сходства и различия подходов к криминализации данного деяния, анализируются квалифицирующие признаки и обосновываются предложения по имплементации отдельных зарубежных норм в российское законодательство.

Ключевые слова: *водные биологические ресурсы, уголовная ответственность, правовое регулирование, состав преступления.*

Не менее значимой тенденцией является взаимопроникновение в национальные правовые системы наиболее удачных норм и институтов, принятых в других странах. Изучение такого сравнительного аспекта позволяет лучше понять достоинства и недостатки российского законодательства, сформулировать конструктивные предложения для российского законодателя, а также определить возможные пути двустороннего сотрудничества по вопросам уголовно-правовой охраны водных биологических ресурсов [9, с. 74].

Наиболее тесная взаимосвязь у российского уголовного законодательства со странами СНГ, как по географической причине, так и потому, что много лет наши страны входили в состав СССР, и заложенные еще в тот период нашей совместной истории подходы к правовому регулированию отношений в сфере охраны водных биологических ресурсов, сохраняются до сих пор. В качестве примера можно провести сравнительный анализ норм уголовного законодательства Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Республики Таджикистан.

Так, в ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплена ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных. По данной статье могут быть привлечены к ответственности лица, которые допускают добычу каких-либо водных животных без наличия необходимого разрешения, а также с нарушением установленных для проведения такой добычи сроков. Кроме того, положительное решение о привлечении к уголовной ответственности может быть принято, в том числе, и в отношении лиц, которые добывают водных животных, применяя для этого такие способы, что относятся к категории запрещенных [5].

Как отмечает А. Ю. Червякова, несмотря на такое большое количество запретов, установленных законодателем Республики Беларусь, обращает на себя внимание отсутствие уголовной ответственности за совершение данного преступления групповым способом. Это является существенным недостатком рассматриваемой нормы, так как совершение преступления несколькими лицами вне зависимости от формы соучастия всегда более общественно опасно [8, с. 115].

Уголовный кодекс Республики Азербайджан начал действовать в 1999 году, что на несколько лет позже, чем в Российской Федерации. Представляется, что именно этим может быть объяснено то, что во многих вопросах уголовно-правовое регулирование на территории Азербайджана является схожим с российским. Так, в Уголовном кодексе Республики Азербайджан присутствует ст. 256, в соответствии с которой привлекаются к ответственности такие лица, что уличаются в добыче биологических ресурсов водного происхождения с нарушением законодательства. В целом, содержание этой статьи повторяет содержание аналогичной статьи УК РФ, однако имеется и несколько отличий. В объективной стороне совершаемого деяния в УК Республики Азербайджан присутствует нанесение значительного ущерба рыбным ресурсам государства [2].

Достаточно строго отнесся и законодатель Республики Казахстан к регламентации ответственности за рассматриваемый вид преступных деяний. В УК Республики Казахстан присутствует ст. 335, согласно которой лица, которые незаконным образом добывают водные ресурсы, растения и животных, приводя своими действиями к формированию значительного ущерба, используя при их осуществлении химические или взрывчатые вещества, а также электрический ток, должны быть привлечены к уголовной ответственности (согласно первой части данной статьи) [6].

Есть также в этой статье и несколько квалифицирующих признаков. Во-первых, это осуществление преступного деяния на неоднократной основе (ч. 2). Во-вторых, это осуществление преступления в отношении осетровых видов рыб; на нерестилищах, в местах размножения других водных животных или на миграционных путях к ним и др. (ч. 3). В-третьих, это осуществление преступного деяния с причинением крупного ущерба; преступной группой (п. ч. 4). Здесь же рассматриваются нюансы привлечения к уголовной ответственности того лица, которое совершает преступление, ранее уже будучи лишенным права осуществлять деятельность, сопряженную с добычей водных ресурсов, растений, а также животных.

Представляется, что положение, изложенное в п. 3 ч. 4 ст. 335 в УК Республики Казахстан можно имплемен-

тировать в российское законодательство и изложить ч. 3 ст. 256 УК РФ в следующей редакции: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо лицом, лишенным права заниматься деятельностью по водных биологических ресурсов, либо причинившие особо крупный ущерб,…».

В УК Таджикистана вопросы назначения уголовной ответственности за совершение преступных деяний рассматриваемого характера регламентированы ст. 230. Отмечаем, что по собственному содержанию она является точно такой же, что и в УК РФ. Исключением является квалифицирующий признак повторности совершения указанных деяний.

Далее следует перейти к характеристике стран Западной Европы. Так, одним из государств с законодательством по вопросам обеспечения охраны водных биологических ресурсов от посягательств неправомерного характера выступает Федеративная Республика Германии. Законодательство, присутствующее в данной стране и применяющееся для регулирования обозначенных вопросов, заключается не только в Уголовном кодексе, но также и в других актах. Что касается непосредственно уголовного законодательства ФРГ, то оно не рассматривает осуществление браконьерского лова рыбы в качестве такого деяния, которое могло бы обладать статусом экологического преступления. Норма, которая регламентирует нюансы назначения ответственности для нарушителей, виновных в соответствующем преступлении, находится в составе двадцать шестого раздела УК ФРГ (в котором собраны положения, устанавливающие ответственность для лиц, совершающих преступления, посягающие на имущество). Связано это с тем, что рыба в рамках немецкого законодательства рассматривается как вещь. Так, рыба может быть рассмотрена в качестве объекта грабежа, кражи, незаконного присвоения, а также порчи. В п. 1 § 293 УК ФРГ установлена ответственность для лиц, которые виновны в несоблюдении чужого права на вылов рыбы, а также в присвоении чужой рыбы [1, с. 142].

Ст. 234 УК Республики Молдовы установлена уголовная ответственность за занятие рыбным, звериным или иными водными добывающими промыслами с использованием взрывчатых и отравляющих материалов или других средств массового уничтожения фауны, повлекшее причинение ущерба в размерах, превышающих 200 условных единиц [7].

Отдельного внимания заслуживает ст. 336 УК Испании, в которой установлена ответственность для тех, «кто без законного разрешения использует для охоты или рыбной ловли яд, взрывчатые средства или другие орудия или средства подобной уничтожающей силы» [4]. Таким образом, главное отличие и особенность уголовного законодательства Испании в части ответственности за незаконную ловлю рыбы заключается в том, что законодатель объединил данные составы с незаконной охотой, но при этом разделил квалифицированные составы преступлений в отдельные статьи.

Среди восточных стран можно отметить опыт Китайской Народной Республики. Ст. 340 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики закрепляет ответственность за незаконную добычу продуктов водного мира в запрещенных для рыболовства районах, в запрещенные сроки или с использованием запрещенных орудий лова в нарушение Закона об охране водных ресурсов при отягчающих обстоятельствах [3].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что подходы к ответственности за незаконную добычу водных биоресурсов в зарубежных странах существенно отличаются, что отражает как историческую общность правовых систем, так и их уникальные национальные особенности. Наиболее тесная преемственность с российским законодательством прослеживается в странах СНГ, где базовые составы преступлений во многом схожи, однако белорусский законодатель, в отличие от российского, не выделяет групповой способ как квалифицирующий признак, что вызывает обоснованную критику. В отличие от постсоветского пространства, немецкое право трактует рыбу исключительно как имущество, помещая соответствующий состав в раздел преступлений против собственности, тогда как испанский законодатель, напротив, интегрирует незаконный лов в главу о преступлениях против флоры и фауны, дифференцируя ответственность в зависимости от статуса вида и используемых орудий. Казахстанский подход представляется наиболее строгим и детализированным благодаря четкой градации квалифицирующих признаков, включая неоднократность, использование взрывчатых веществ и причинение крупного ущерба. В то же время опыт Таджикистана и Азербайджана демонстрирует почти полное текстуальное совпадение с российской нормой, за исключением отдельных аспектов объективной стороны, а китайское регулирование акцентирует внимание на временных и пространственных ограничениях промысла.

Литература:

1. Головненков, П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2016. — 311 с. — Текст: непосредственный.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. — Текст: электронный // Континент: [сайт]. — URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=6;-145 (дата обращения: 09.11.2026).

3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики — Текст: электронный // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации: [сайт]. URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (дата обращения: 11.04.2026).
4. Уголовный кодекс Королевства Испания — Текст: электронный // WIPO: [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18760 (дата обращения: 11.04.2026).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь 09.07.1999 № 275-З — Текст: электронный // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 10.04.2026).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗРК — Текст: электронный // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z1111 (дата обращения: 10.04.2026).
7. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV — Текст: электронный // Континент: информационная система: [сайт]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=5;-145 (дата обращения: 11.04.2026).
8. Червякова, А. Ю. Зарубежный опыт противодействия преступности в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов / А. Ю. Червякова // Международная практика борьбы с преступностью и возможности её применения в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — М., 2023. — С. 114–119. — Текст: непосредственный.
9. Анисимов, А. П. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, Ю. И. Исакова. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — Текст: непосредственный.

Правовое регулирование административной ответственности юридических лиц

Чеченов Амин Алсубекович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования административной ответственности юридических лиц в Российской Федерации. Рассматриваются конституционные и отраслевые основы деликтоспособности организаций, специфика установления вины юридического лица, соотношение ответственности организации и её работников, система административных наказаний, а также особенности привлечения к ответственности при реорганизации. Выделены ключевые доктринальные и правоприменительные проблемы в данной сфере.

Ключевые слова: *административная ответственность, юридическое лицо, КоАП РФ, вина организации, административное наказание.*

Legal regulation of administrative liability of legal entities

This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of administrative liability for legal entities in the Russian Federation. It examines the constitutional and sectoral foundations of the capacity of organizations to commit administrative offenses, the specific criteria for establishing the fault of a legal entity, the relationship between the liability of an organization and that of its employees, the system of administrative penalties, and the nuances of imposing liability in the context of corporate reorganization. Key doctrinal and law-enforcement challenges in this area are highlighted.

Keywords: *administrative liability, legal entity, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, fault of an organization, administrative penalty.*

Институт административной ответственности юридических лиц занимает особое место в системе публичного права Российской Федерации. Будучи одним из ключевых инструментов обеспечения законности и правопорядка в сфере государственного управления, предпринимательской деятельности, охраны окружающей среды, финансов и иных отраслей, он сочетает в себе черты карательного, превентивного и регуляторного воздействия. Развитие рыночных отношений, усложнение организационно-правовых форм хозяйствования и расширение контрольно-надзорных полномочий органов публичной власти обусловили повышенное внимание законодателя и правовой науки к вопросам привлечения организаций к административной ответственности. Вместе с тем практика применения норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] вы-

является ряд дискуссионных проблем, связанных с определением вины коллективного субъекта, соразмерностью санкций, разграничением ответственности организации и ее должностных лиц, а также реализацией принципов справедливости и индивидуализации наказания.

В доктрине административного права юридическое лицо рассматривается как самостоятельный субъект административных правонарушений, обладающий обособленным имуществом, правоспособностью и дееспособностью, реализуемой через его органы и представителей. Согласно положениям части 2 статьи 2.1 КоАП РФ, юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Данная норма закрепляет специфическую конструкцию «объективированной» или организационно-управленческой вины юридического лица, отличную от психического отношения к деянию, характерного для физических лиц.

Конструкция вины юридического лица на протяжении многих лет остается предметом оживленных научных споров. Часть исследователей указывает на то, что юридическое лицо как искусственное образование не обладает сознанием и волей в психологическом смысле, а потому его вина носит условный, нормативный характер и сводится к ненадлежащей организации внутренних процессов, контроля и исполнения обязательных требований. Другие авторы подчеркивают, что формулировка статьи 2.1 КоАП РФ приближает стандарт доказывания к объективному вменению, поскольку на практике бремя подтверждения принятия «всех зависящих мер» фактически возлагается на саму организацию, а государственные органы нередко ограничиваются констатацией факта нарушения обязательных правил. В результате при рассмотрении дел об административных правонарушениях суды и административные органы вынуждены оценивать полноту локальных нормативных актов, систему внутреннего контроля, наличие должностных инструкций и реальность предпринятых профилактических действий.

Важной особенностью правового регулирования является соотношение административной ответственности юридического лица и ответственности его должностных лиц или работников. Часть 3 статьи 2.10 КоАП РФ устанавливает правило, согласно которому назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности юридическое лицо. С одной стороны, такой подход позволяет обеспечить полноту реагирования на правонарушение и предотвратить уход от ответственности за счет перекладывания вины на конкретного исполнителя или, напротив, на «формальную» структуру. С другой стороны, одновременное привлечение к ответственности и организации, и ее должностного лица за одно и то же нарушение нередко порождает вопросы соблюдения принципа недопустимости повторного наказания за одно деяние, особенно в случаях, когда действия должностного лица непосредственно выражали волю самой организации.

Перечень административных наказаний, применяемых к юридическим лицам, закреплен в статье 3.2 КоАП РФ и включает предупреждение, административный штраф, конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения и административное приостановление деятельности. Наиболее распространенной мерой выступает административный штраф, размеры которого для юридических лиц существенно превышают аналогичные санкции для граждан и должностных лиц и в ряде составов исчисляются в кратном выражении от суммы выручки, стоимости предмета правонарушения или суммы неуплаченных платежей. Законодатель стремится придать штрафу ощутимый экономический смысл, чтобы уплата взыскания не воспринималась хозяйствующим субъектом как обычные издержки ведения бизнеса. Однако чрезмерно высокие и жестко фиксированные нижние пределы штрафов в отдельных составах способны создавать риск несоразмерности наказания характеру совершенного деяния и имущественному положению организации, что может привести к утрате платежеспособности или прекращению деятельности субъекта малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, правовое регулирование административной ответственности юридических лиц представляет собой сложный и динамично развивающийся институт публичного права, в котором пересекаются интересы государства по поддержанию правопорядка и публичной безопасности, права и законные интересы хозяйствующих субъектов, а также общеправовые принципы справедливости, соразмерности и юридической определенности. Совершенствование данного института требует взвешенного сочетания карательных и профилактических начал, четкой регламентации критериев вины и индивидуализации наказаний, а также последовательного развития единообразной судебной и административной практики, отвечающей современным экономическим и правовым реалиям.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195 ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1, ст. 1.

Взаимность как основание признания и исполнения решений иностранных судов в Российской Федерации: проблемы доказывания и пути нормативного закрепления

Чочиева Екатерина Георгиевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Применение взаимности в качестве основания признания и исполнения решений иностранных государственных судов при отсутствии применимого международного договора. Выявляется расхождение между буквальным содержанием статей 409 ГПК РФ, 241 АПК РФ и подходами российской судебной практики. На материалах дел о признании решений судов США, Британских Виргинских Островов и Объединенных Арабских Эмиратов разграничиваются отсутствие взаимности и недостаточность доказательств ее существования. Обосновывается необходимость прямого законодательного закрепления взаимности как дополнительного внедоговорного основания признания. Предлагается опровержимая презумпция взаимности с возложением обязанности представлять опровергающие сведения на возражающую сторону. Подчеркивается самостоятельность проверки остальных условий признания, в том числе публичного порядка и прав лиц, участвовавших в иностранном разбирательстве.

Ключевые слова: *признание иностранных судебных решений, исполнение, взаимность, международный договор, бремя доказывания, судебная практика, презумпция взаимности.*

Reciprocity as a ground for recognition and enforcement of foreign court judgments in the Russian Federation: evidentiary challenges and legislative solutions

The article examines reciprocity as a basis for recognizing and enforcing judgments of foreign state courts when no applicable international treaty exists. It identifies the discrepancy between the wording of Russian procedural legislation and judicial practice, analyzes cases concerning judgments from the United States, the British Virgin Islands and the United Arab Emirates, and distinguishes the absence of reciprocity from insufficient evidence of it. The proposed legislative solution is to expressly recognize reciprocity as an alternative non-treaty ground and introduce a rebuttable presumption, while preserving the separate examination of other recognition requirements.

Keywords: *foreign judgments, recognition and enforcement, reciprocity, burden of proof, rebuttable presumption, Russian procedural law.*

Введение

Признание и исполнение решения иностранного государственного суда обеспечивает юридическую результативность судебной защиты за пределами государства, в котором разрешен первоначальный спор. Возможность принудительного исполнения особенно значима, когда имущество должника находится в другом государстве. Однако трансграничное действие судебного акта не возникает автоматически: государство признания определяет допустимые основания и пределы судебного контроля. В российском праве традиционно ведущую роль играет международный договор, тогда как признание в отсутствие договора порождает спор о самостоятельном значении принципа взаимности [1; 2].

Актуальность проблемы связана не только с допустимостью внедоговорного признания как такового. Не менее существенны вопросы о том, в какой форме должна выражаться взаимность, какие источники подтверждают отношение иностранного правопорядка к российским судебным решениям, и кто несет последствия недостаточности представленных доказательств. Эти вопросы имеют непосредственное значение для предсказуемости судебной защиты. Цель исследования — определить место взаимности в российской системе признания иностранных судебных решений и предложить процессуальную модель ее установления, согласующую интересы взыскателя, должника и государства признания.

Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебных актов. Предмет рассмотрения ограничен решениями иностранных государственных судов. Признание иностранных арбитражных решений основано на особом международно-правовом режиме и не может без дополнительных оговорок рассматриваться в рамках той же модели.

Нормативная основа и правовая природа взаимности

Часть 1 статьи 409 ГПК РФ связывает признание и исполнение решений иностранных судов с международным договором Российской Федерации. Часть 1 статьи 241 АПК РФ использует иную формулу: признание и приведение в исполнение решений по экономическим спорам пред-

усмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом. Ни одна из названных норм прямо не называет взаимность общим самостоятельным основанием допуска иностранного судебного решения к действию в России [1; 2]. При этом различие формулировок двух процессуальных кодексов не устраняет основного пробела: общий порядок установления взаимности ими не урегулирован.

Вопрос о действии международно-правовых норм в российском гражданском процессе исследовал О. Н. Малиновский, указав на необходимость учитывать особенности их включения и реализации в национальной процессуальной системе [15, с. 81–90]. Применительно к рассматриваемому институту это подтверждает необходимость разграничивать международно-договорные обязанности государства и внедоговорные основания признания иностранных судебных решений.

Международно-договорное признание и признание на основе взаимности имеют различную юридическую конструкцию. В первом случае обязанность признать решение при соблюдении установленных условий вытекает из соответствующего соглашения государств. Во втором возможность признания обосновывается отношением иностранного правопорядка к решениям российских судов. Поэтому взаимность целесообразно использовать именно при отсутствии применимого договорного основания, а не как дополнительное требование к взыскателю в рамках действующего международного договора.

В российском законодательстве существует специальный пример внедоговорного признания. В пункте 6 статьи 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено признание иностранных судебных решений по делам о несостоятельности на началах взаимности при отсутствии международного договора, если иное не установлено федеральным законом [3]. Указанная норма подтверждает допустимость соответствующей законодательной техники, но регулирует определенную категорию дел. Ее нельзя считать универсальной заменой правилам ГПК РФ и АПК РФ.

Следует также различать принцип взаимности и международную вежливость. Международная вежливость характеризует способ взаимодействия правопорядков и исторически связана с признанием правовых последствий иностранных актов. Взаимность предполагает более конкретный вопрос: существует ли возможность признания российских судебных решений в соответствующем иностранном государстве. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что смешение этих категорий затрудняет определение юридического основания и предмета доказывания [4; 5].

Показательно, что пункт 2 статьи 1189 ГК РФ закрепляет презумпцию взаимности применительно к случаям, когда от нее зависит применение иностранного права [6]. Однако предмет данной нормы — коллизионное регулирование, а не признание судебных решений. Ее значение состоит в демонстрации допустимости опровержимой презумпции как правовой конструкции. Прямое применение статьи 1189 ГК РФ к процедуре экзекватуры без специального основания было бы методологически неверным.

Судебная практика: неоднородность доказательственных подходов

Одним из ранних примеров обращения к взаимности является определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2002 г. № 5-Г02–64. Рассматривая вопрос о решении английского суда, Верховный Суд указал на необходимость исследования взаимности и применимых международных соглашений [7]. Это дело имеет историческое значение для формирования практики, однако не устанавливает, что иностранное решение было признано: соответствующее производство было направлено на новое рассмотрение. Кроме того, судебный акт принят при прежнем процессуальном регулировании, что ограничивает возможность его использования в качестве непосредственного толкования действующей статьи 409 ГПК РФ.

В деле № А40–242631/2022 о признании решения суда США Арбитражный суд Московского округа оставил отказ в признании без изменения. Представленные заявителями примеры признания российских решений в США относились к периоду до февраля 2022 г. Суд признал их недостаточными для подтверждения взаимности с учетом изменившихся международных обстоятельств [8]. Отказ судьи Верховного Суда РФ в передаче жалобы для рассмотрения Судебной коллегией не равнозначен самостоятельному рассмотрению дела по существу этой коллегией [9].

Указанное дело демонстрирует значение временного аспекта доказывания. Вместе с тем законодательство не содержит заранее установленного срока, по истечении которого иностранные судебные акты утрачивают доказательственное значение. Следовательно, ссылка на давность примеров должна сопровождаться обоснованием, почему эти сведения уже не отражают действующую возможность признания российских решений. Изменение межгосударственных отношений может учитываться при оценке доказательств, но не должно подменять саму такую оценку.

В деле № А40–204812/2021 обсуждалось признание судебного акта Британских Виргинских Островов. Арбитражный суд Московского округа допустил обращение к взаимности и международной вежливости при отсутствии договора, однако отказал в признании вследствие совокупности обстоятельств [10]. Наряду с недостаточностью доказательств взаимности оценивались последствия зачета, произведенного в связи с российским банкротным производством, и возможное нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов. Поэтому данное дело не подтверждает тезис, что любой отказ при внедоговорном признании обусловлен исключительно взаимностью.

Иную картину дают дела о решениях судов Дубая. В деле № А53–35288/2024 Арбитражный суд Северо-Кавказского округа поддержал признание решения, учитывая представленные взыскателем примеры признания в ОАЭ российских судебных актов, в том числе за 2023–2024 гг., и сведения об иностранном праве [11]. В деле № А53–23536/2024 после нового рассмотрения также было оставлено в силе определение о признании решения суда Дубая [12]. Здесь доказательственный материал позволил сделать положительный вывод, несмотря на отсутствие соответствующего договора.

Сопоставление рассмотренных дел показывает, что фактическая возможность признания и полнота ее доказывания — разные категории. Отсутствие взаимности предполагает наличие данных о нормативном запрете или устойчивом отказе признавать российские решения. Недоказанность означает лишь, что представленных в конкретном процессе сведений недостаточно для достоверного вывода. Эти ситуации могут приводить к одинаковому процессуальному результату при возложении бремени доказывания на взыскателя, но существенно отличаются по своей природе. Именно это различие требует законодательного разрешения.

При оценке практики необходимо учитывать и ограниченность казуистических выводов. Положительный исход двух дел, связанных с ОАЭ, не подтверждает безусловного признания всех решений судов этого государства; отрицательный результат по делу о решении суда США не означает общего запрета на исполнение таких решений. Предмет и состав доказательств, применимые правовые нормы и самостоятельные основания отказа необходимо устанавливать по каждому делу.

Предлагаемая модель законодательного регулирования

Для устранения неопределенности целесообразно дополнить часть 1 статьи 409 ГПК РФ и часть 1 статьи 241 АПК РФ прямым указанием на возможность признания и исполнения иностранных судебных решений на началах взаимности при отсутствии применимого международного договора, если федеральный закон не предусматривает иное. Такая конструкция восполняет пробел общего регулирования, сохраняя приоритет специальных договорных режимов и законодательных исключений.

Само по себе упоминание взаимности в кодексах, однако, недостаточно. Если обязанность подтверждать ее в каждом деле полностью возложить на взыскателя, риск недостатка опубликованной иностранной практики окажется препятствием даже там, где иностранное законодательство не исключает признание российских решений. Для снижения такого риска предлагается установить опровержимую презумпцию взаимности. Существование взаимности предполагается, пока возражающая сторона не представит убедительных сведений об обратном [13; 14].

Для опровержения презумпции могут иметь значение нормы иностранного законодательства, которые исключают признание российских решений, официальные разъяснения компетентных органов или судебные акты, подтверждающие устойчивую практику отказов. Напротив, само по себе отсутствие опубликованных положительных решений не равнозначно доказанному отсутствию взаимности. При оценке доказательств необходимо учитывать доступность соответствующих источников и особенности иностранной системы опубликования судебных актов.

Предлагаемая презумпция не должна освобождать суд от выяснения юридически значимых обстоятельств. Арбитражный или иной компетентный суд сохраняет возможность предложить сторонам представить документы, запросить дополнительные сведения и дать участникам процесса возможность высказаться относительно содержания иностранного права и практики. При этом отказ от признания должен содержать мотивировку, позволяющую установить, опровергнута ли взаимность, или суд лишь счел некоторые доказательства недостаточно убедительными.

Важной границей предлагаемого регулирования остается самостоятельность иных условий признания. Наличие взаимности не отменяет проверки вступления иностранного решения в силу, соблюдения права на участие в процессе, исключительной компетенции российских судов, наличия конкурирующих судебных актов и публичного порядка. Не должна презумпция взаимности превращаться и в правило о допустимости повторного рассмотрения первоначального спора по существу. Вопрос о возможности действия иностранного решения в России отличается от оценки его материально-правовой правильности.

Введение презумпции также не означает признания любого решения лишь потому, что иностранный правопорядок допускает соответствующую процедуру. Суду предстоит определить юридическую природу представленного акта, применимый режим и возможные специальные ограничения. В частности, дела о несостоятельности требуют учитывать установленный законом порядок коллективного удовлетворения кредиторов. Поэтому предложенные поправки должны согласовываться с уже существующими специальными нормами и основаниями отказа.

Заключение

Российская модель признания иностранных судебных решений характеризуется несоответствием между договорной ориентацией общих процессуальных норм и обращением судебной практики к внедоговорной взаимности. Сохранение такой неопределенности снижает предсказуемость разрешения ходатайств и усиливает зависимость результата от доступности доказательств иностранной судебной практики.

Предлагается закрепить взаимность как самостоятельное дополнительное основание признания при отсутствии применимого международного договора и уста-

новить ее опровержимую презумпцию. Доказательства отсутствия взаимности целесообразно возложить прежде всего на возражающую сторону при сохранении активной роли суда в выяснении содержания иностранного права. Такой подход разграничивает отсутствие взаимности и ее недоказанность, не устраняя предусмотренных законом гарантий должника и не расширяя пределы проверки иностранного решения по существу.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
4. Елисеев Н. Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78.
5. Зимненко Б. Л. К вопросу об исполнении и признании иностранных судебных и арбитражных решений при условии взаимности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 58–64.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.06.2002 № 5-Г02–64. URL: https://base.garant.ru/12127380/.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.07.2023 № Ф05–16924/2023 по делу № А40–242631/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/i2khGyBp6Egl/.
9. Определение Верховного Суда РФ от 13.12.2023 № 305-ЭС23–20074 по делу № А40–242631/2022. URL: https://base.garant.ru/408209913/.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.06.2024 № Ф05–9463/2024 по делу № А40–204812/2021. URL: https://base.garant.ru/69421700/.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.09.2025 по делу № А53–35288/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2CL1ywqxTQmR/.
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.09.2025 № Ф08–4647/2025 по делу № А53–23536/2024. URL: https://base.garant.ru/40896871/.
13. Власова Н. В. Взаимность как основание признания и исполнения в России иностранных судебных решений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71).
14. Яжборовский К. А. Доказывание «взаимности» при признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в России и Китае: сравнительно-правовой аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 4. С. 44–48.
15. Малиновский О. Н. Нормы международного права в системе источников права, реализуемых в российском гражданском процессе // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 2. С. 81–90.

Правовой режим банковской тайны: коллизии, проблемы и ответственность за незаконное получение сведений

Чурилова Вероника Сергеевна, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Статья представляет собой комплексный анализ актуальных проблем правового обеспечения института банковской тайны в России. В фокусе внимания находятся системные разногласия между нормами гражданского и публичного отраслей права относительно доступа к закрытым финансовым данным, наряду с несовершенством института ответственности за нарушения данного режима. Детально проанализированы элементы составов соответствующих деяний, критерии установления вины, а также правовые последствия реформы уголовного законодательства 2025 года. Делается вывод о назревшей потребности в доработке нормативно-правовой базы, которая обеспечит справедливый баланс прав личности и государственных приоритетов.

Ключевые слова: *банковская тайна, правовой режим, коллизии права, ответственность, незаконное получение информации, разглашение сведений, вина, статья 183 УК РФ.*

Институт банковской тайны традиционно рассматривается как гарантия неприкосновенности частной жизни и устойчивости доверительных отношений между кредитными организациями и их клиентами. Однако анализ действующего регулирования показывает, что данный институт продолжает оставаться одной из наиболее противоречивых сфер банковского права. Законодательство в этой области развито недостаточно, а многие вопросы, связанные с ответственностью за неправомерное обращение со сведениями, составляющими банковскую тайну, остаются нерешёнными, несмотря на недавние попытки ужесточения уголовной репрессии.

Базовые положения о банковской тайне закреплены в статье 857 Гражданского кодекса Российской Федерации [1, ст. 857], согласно которой банк гарантирует тайну банковского счёта и вклада, операций по счёту и сведений о клиенте, а сведения могут предоставляться государственным органам исключительно в случаях и порядке, предусмотренных законом.

Конкретизация этих положений содержится в статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [2, ст. 26]. Вместе с тем уже на уровне базового определения обнаруживается существенный пробел: ни один нормативный акт не закрепляет легального понятия «банковская тайна», что создаёт неопределённость при квалификации тех или иных сведений в качестве охраняемых. Доктринальные определения также расходятся между собой, что затрудняет формирование единообразной правоприменительной практики [6, с. 3]. Показательно, что даже перечень охраняемых сведений, ограниченный операциями, счетами и вкладами, на практике не охватывает, например, сам факт обращения клиента за кредитом, который может иметь существенное репутационное значение. Я согласна с приведёнными суждениями и полагаю, что отсутствие единого легального определения банковской тайны и разрозненность доктринальных подходов действительно порождают правовую неопределённость: банки вынуждены самостоятельно оценивать, относятся ли те или иные сведения к охраняемым, что создаёт риск как необоснованного отказа в предоставлении информации уполномоченным органам, так и, напротив, неправомерного разглашения.

Особенно уязвимым в этом смысле выглядит положение о факте обращения клиента за кредитом: сам по себе он не перечислен в перечне охраняемых сведений, однако его раскрытие способно повлечь неблагоприятные репутационные последствия для клиента, а значит, по своей сути он нуждается в защите не меньше, чем сведения о счетах и операциях. С моей точки зрения, названные пробелы должны устраняться не точечными изменениями, а путём закрепления в законе единого легального понятия банковской тайны и расширения перечня охраняемых сведений с учётом критерия реальной возможности причинения вреда клиенту. Только такой подход позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и надлежащую защиту прав клиентов кредитных организаций.

Одной из ключевых проблем является коллизионность регулирования доступа к банковской тайне. Статья 857 ГК РФ отсылает к случаям, предусмотренным законом, однако перечень субъектов, имеющих право на получение соответствующих сведений, и порядок такого получения устанавливаются различными федеральными законами, которые не всегда согласуются между собой. В частности, в особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова [7] по одному из дел прямо указывалось на то, что норма статьи 26 Закона о банках является специальной по отношению к общим положениям ГК и обладает приоритетом в случае конкуренции норм, однако законодатель длительное время не устранял возникающие противоречия. Такая ситуация сохраняется и в настоящее время. Практика Верховного Суда РФ подтверждает, что перечень органов, имеющих право на получение банковской тайны, является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. В частности, в одном из дел Верховный Суд указал [9], что требование налогового инспектора о предоставлении сведений, составляющих банковскую тайну, вынесенное вне рамок налогового контроля (в ходе административного расследования), не соответствовало закону, соответственно, из-за этого у банка отсутствовала обязанность его исполнять. Аналогичная позиция была сформулирована и в отношении запросов антимонопольных органов, которые не включены в перечень субъектов, имеющих право на доступ к банковской тайне [10]. Это свидетельствует о том, что судебная практика вынуждена компенсировать законодательные пробелы, однако такая компенсация не может заменить системного нормативного регулирования.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об ответственности за незаконное получение или разглашение сведений, составляющих банковскую тайну. Существенным образом ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 24.06.2025 № 175-ФЗ [5], который с 5 июля 2025 года внёс изменения в статью 183 Уголовного кодекса РФ. Ранее, действительно, отсутствовала специальная уголовно-правовая норма, дифференцирующая ответственность за посягательства именно на банковскую тайну с учётом специфики объекта. В настоящее время такая норма не только существует, но и была существенно ужесточена. Согласно новой редакции части 3 статьи 183 УК РФ [4, ст. 183], деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо причинившие крупный ущерб, либо совершённые из корыстной заинтересованности, наказываются принуди-

тельными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей. Из санкции данной части исключён основной вид наказания в виде штрафа как альтернативы лишению свободы, а также введён нижний предел лишения свободы. Часть 4 статьи 183 УК РФ, предусматривающая ответственность за деяния, повлекшие тяжкие последствия, теперь устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до семи лет со штрафом от одного до пяти миллионов рублей.

Таким образом, утверждение о фрагментарности и неразвитости уголовно-правового регулирования в данной сфере требует существенной корректировки. Проблема в настоящее время смещается из плоскости отсутствия нормы в плоскость эффективности её применения и соотношения с иными видами ответственности. Гражданско-правовая ответственность по-прежнему выражается в возмещении убытков клиенту в случае разглашения сведений банком. Административная ответственность предусмотрена статьёй 13.14 КоАП РФ [3, ст. 13.14] за разглашение информации с ограниченным доступом лицом, получившим доступ к ней в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Однако ужесточение уголовной репрессии само по себе не решает проблему выявления и доказывания таких деяний, особенно в условиях цифровизации, когда утечки данных приобретают массовый характер.

Незаконное получение сведений, составляющих банковскую тайну, может образовывать различные составы правонарушений в зависимости от субъекта и способа деяния. Для должностных лиц кредитных организаций и сотрудников государственных органов, получивших доступ к информации в силу служебного положения, характерно нарушение специальных обязанностей по сохранению конфиденциальности. Для лиц, не обладающих таким статусом, речь идёт о неправомерном завладении информацией способами, которые сами по себе могут содержать признаки самостоятельных правонарушений (например, неправомерный доступ к компьютерной информации). Критерии вины в таких составах нередко формулируются через указание на умысел, однако на практике разграничение умысла и неосторожности при обращении с большими массивами данных вызывает затруднения. Кроме того, остаётся нерешённым вопрос о разграничении банковской тайны и персональных данных, а также о соотношении режимов ответственности за их нарушение.

Показательно, что в научной литературе [8, с. 17–21] неоднократно отмечалось: несовершенство законодательства, непосредственно регулирующего институт банковской тайны, обусловливает актуальность вопроса о необходимости всеобъемлющего обеспечения защиты конфиденциальной информации. При этом предлагаемые решения зачастую сводятся к точечным изменениям, в то время как проблема носит системный характер. Речь идёт не только о восполнении пробелов, но и о согласовании частноправовых и публично-правовых начал в регулировании доступа к сведениям. Чрезмерное расширение оснований для получения информации государственными органами вступает в противоречие с конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни, а недостаточная определённость составов правонарушений ослабляет защиту прав клиентов. Практика Верховного Суда РФ, ограничивающая расширительное толкование полномочий государственных органов, является позитивным сигналом, однако она не заменяет необходимости законодательной систематизации.

Таким образом, правовой режим банковской тайны в настоящее время характеризуется сочетанием фрагментарности нормативного регулирования, коллизионности отдельных положений и нерешённости вопросов ответственности. Законодательство в этой сфере развито недостаточно: отсутствует легальное определение банковской тайны, сохраняются коллизии между ГК РФ и специальным банковским законодательством. Вместе с тем следует отметить, что в 2025 году был сделан существенный шаг в направлении усиления уголовно-правовой защиты банковской тайны: статья 183 УК РФ [4, ст. 183] была дополнена более строгими санкциями за квалифицированные виды посягательств. Тем не менее, эффективность этих мер будет зависеть от правоприменительной практики и от того, насколько последовательно законодатель будет устранять иные пробелы, включая определение границ банковской тайны и критериев вины при разглашении информации. Преодоление этих проблем требует комплексного подхода, учитывающего необходимость защиты прав клиентов, а также обоснованные потребности публичных субъектов в получении информации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности»: // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: статья 183 (в ред. Федерального закона от 24.06.2025 № 175-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).

5. Федеральный закон от 24.06.2025 № 175-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
6. Князькина В. А. Правовое регулирование банковской тайны: проблемы и перспективы // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
7. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
8. Банковская тайна как инструмент защиты информации: сущность, проблемы регулирования и пути их решения // Молодой юрист. — 2025. — № 01. — С. 17–21.
9. Определение Верховного Суда РФ № 5-АД25–35-К2 (о недопустимости истребования банковской тайны вне рамок налогового контроля) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.11.2026).
10. Определение Верховного Суда РФ № 305-АД18–18535 (об отсутствии у антимонопольных органов права на получение1 банковской тайны) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения1: 02.11.2026).

Ответственность исполнителя за нарушение сроков и недостатки результата работ или услуг в цифровой среде

Шпис Ульяна Александровна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Цель — выявить особенности ответственности исполнителя за нарушение сроков и недостатки результата работ (услуг) в цифровой среде и обосновать предложения по совершенствованию законодательства.

Статья посвящена гражданско-правовой ответственности исполнителя за нарушение сроков и недостатки результата работ (услуг) в цифровой среде. Цель — установить, как цифровая форма результата, длящийся и дистанционный характер исполнения, автоматизация и посредничество цифровых платформ видоизменяют общие правила ГК РФ и Закона о защите прав потребителей, и обосновать направления совершенствования регулирования. Анализ проведён с учётом новелл 2025–2026 гг. (Федеральные законы от 31.07.2025 № 289-ФЗ и № 290-ФЗ, вступившие в силу 1 октября 2026 г., и Федеральный закон от 28.12.2025 № 500-ФЗ), а также позиций ВС РФ и КС РФ.

Ключевые слова: *ответственность исполнителя, нарушение сроков, недостатки работ и услуг, цифровая среда, цифровые услуги, посредническая цифровая платформа, владелец агрегатора, неустойка, защита прав потребителей, программное обеспечение.*

1. Цифровая среда как юридически значимое условие: понятие и типология обязательств

Цифровая среда не образует самостоятельного договорного типа: это совокупность фактических условий исполнения, видоизменяющих применение общих норм об ответственности. Легального определения нет: Закон о платформенной экономике определяет цифровую платформу (п. 2 ст. 2) и посредническую цифровую платформу (п. 9 ст. 2, ч. 2 ст. 4), а постановление Правительства РФ от 28.01.2026 № 54 устанавливает количественные критерии (аудитория не менее 100 тыс. пользователей, не менее 10 тыс. продавцов и др.). Из сферы действия закона исключены магазины приложений, аудиовизуальные сервисы, финансовые организации и ресурсы, распространяющие только собственные товары и услуги (ч. 3, 4 ст. 1). Следовательно, специальный режим охватывает лишь крупнейших посредников, а основной массив цифровых работ и услуг остаётся в сфере общих норм ГК РФ и Закона о защите прав потребителей.

Для целей ответственности решающее значение имеет не наименование посредника, а фактическая структура исполнения обязательства. Цифровую среду предлагается понимать как совокупность технических и организационных условий, при которых результат или деятельность исполнителя существуют в цифровой форме, исполнение опосредуется информационными системами и сетью «Интернет», в том числе инфраструктурой третьих лиц, и (или) взаимодействие сторон организовано оператором платформы. Выделяются пять факторов, модифицирующих общие правила: нематериальность и воспроизводимость результата; длящийся характер исполнения; зависимость от инфраструктуры третьих лиц; автоматизация исполнения и принятия решений; сосредоточение доказательств у исполнителя или оператора.

С учётом этих факторов предлагается типология цифровых обязательств: 1) работы с цифровым результатом

(разработка программ, сайтов, дизайна, контента) — вопросы квалификации, приёмки, качества и коллизии с исключительными правами; 2) длящиеся цифровые услуги (онлайн-обучение, SaaS, хостинг, подписки) — непрерывность, доступность, обновления, база неустойки; 3) платформенные обязательства — главный вопрос о субъекте ответственности.

2. Квалификация обязательства как предпосылка ответственности

Объём ответственности определяется квалификацией обязательства: по договору подряда подрядчик обязуется выполнить работу и сдать результат (п. 1 ст. 702 ГК РФ) и отвечает за его качество (ст. 721, 723); по договору услуг исполнитель обязуется совершить действия или осуществить деятельность (п. 1 ст. 779), а положения о подряде применяются субсидиарно (ст. 783). КС РФ разъяснил, что достижение результата не включено в предмет договора услуг, поскольку результат не всегда достижим, в том числе по объективным причинам; однако граница подвижна (мнения судей Г. А. Гаджиева и А. Л. Кононова).

Пленум ВС РФ определяет работу как действие, имеющее материально выраженный результат, а услугу — как действие, совершаемое в обычных или согласованных целях. Буквальное применение этих формул к цифровым результатам порождает неопределённость: программа, сайт или макет не имеют материальной формы, но объективированы, отделимы от деятельности, могут быть переданы, сохранены и протестированы. Именно эти свойства, а не материальность, значимы для ответственности: они делают возможными приёмку (ст. 720 ГК РФ), оценку качества (ст. 721) и устранение недостатков (ст. 723). ГК РФ прямо предусматривает создание программ по договору подряда и НИОКР (ст. 1296, 1297).

Представляется, что цифровой результат, отделимый от деятельности и пригодный к приёмке, должен подчиняться правилам о подряде (ст. 702–729 ГК РФ) независимо от нематериальности; формулу подп. «в» п. 3 постановления Пленума № 17 следует толковать как «материально или в цифровой форме выраженный результат». Если цифровой продукт акцессорен по отношению к деятельности (консультация, отчёт), применяются ст. 783 ГК РФ и правила о смешанном договоре (п. 3 ст. 421).

3. Ответственность за нарушение сроков

Цифровая среда не меняет оснований ответственности за просрочку, но смещает три параметра: момент и содержание исполнения, базу исчисления неустойки и распределение риска инфраструктурных сбоев.

3.1. Общие правила

В договоре подряда указываются начальный и конечный, а по соглашению сторон и промежуточные сроки (п. 1 ст. 708 ГК РФ). Заказчик защищён правом отказаться от принятия исполнения, утратившего интерес (п. 2 ст. 405), и правом отказаться от договора с возмещением убытков при явной невозможности окончания к сроку (п. 2 ст. 715). Ответственность предпринимателя наступает независимо от вины, а нарушение обязанностей контрагентами к непреодолимой силе не относится; за третьих лиц должник отвечает как за свои действия. В цифровых проектах своевременность зависит от содействия заказчика (доступы, данные, учётные записи, согласование версий); неисполнение этих обязанностей даёт подрядчику права по ст. 718–719 ГК РФ и исключает его просрочку (ст. 406). Поскольку обстоятельства просрочки фиксируются в электронной переписке и системах учёта задач, спор о сроках становится спором о цифровых доказательствах, а договорное закрепление каналов обмена юридически значимыми сообщениями превращается в элемент распределения рисков.

3.2. Потребительский режим

При нарушении сроков начала, окончания или промежуточных сроков, а также при очевидности невыполнения в срок потребитель вправе назначить новый срок, поручить исполнение третьим лицам за счёт исполнителя, потребовать уменьшения цены или отказаться от договора и в любом случае — потребовать полного возмещения убытков; при отказе от договора исполнитель не вправе требовать возмещения затрат, если потребитель не принял результат. Неустойка — 3 % цены за каждый день (час) просрочки, ограничена ценой отдельного вида работы (услуги) или общей ценой заказа; освобождение возможно лишь при непреодолимой силе или вине потребителя (п. 1, 4–6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей). Применение ст. 333 ГК РФ допускается в исключительных случаях по заявлению ответчика с обязательным указанием мотивов; в деле об онлайн-курсе ВС РФ подтвердил недопустимость снижения неустойки по инициативе суда. Пленум ВС РФ распространил правила ст. 333 ГК РФ на законную неустойку по п. 5 ст. 28, ст. 30 и 31 Закона о защите прав потребителей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4644.
5. Определение СКГД ВС РФ от 09.01.2018 № 5-КГ17–220 (реквизиты приводятся по: Чагина Е. М. Указ. соч.).
6. Судебный акт Самарского областного суда от 19.02.2021 по делу № 33–1634/2021 (приводится по: Стебаев А. А. Указ. соч.).
7. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
8. Габов А. В., Саяпин С. П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. 2025. Т. 78. № 11. С. 9–33. DOI: 10.17803/1729–5920.2025.228.11.009–033.
9. Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 8–15.
10. Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145–156.
11. Нохрина Е. Защита прав потребителей в сфере онлайн-образования // Адвокатская газета. 2024. 4 дек. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/zashchita-prav-potrebiteley-v-sfere-onlayn-obrazovaniya/ (дата обращения: 06.11.2026).

Распределение рисков и гражданско-правовая ответственность при использовании искусственного интеллекта в договорах о выполнении работ и оказании услуг

Шпис Ульяна Александровна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Цель исследования — разработка научно обоснованной модели распределения рисков и гражданско-правовой ответственности при использовании искусственного интеллекта (далее — ИИ) в договорах о выполнении работ и оказании услуг и формулирование на её основе предложений по совершенствованию законодательства.

Цель исследования — построить модель распределения рисков и гражданско-правовой ответственности при использовании систем ИИ при исполнении договоров подряда и возмездного оказания услуг. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, элементы экономического анализа права, анализ судебной практики 2023–2026 гг.

Показано, что Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ носит рамочный характер и не устанавливает специальных правил ответственности, поэтому отношения регулируются общими нормами ГК РФ. Обосновано, что в договорных отношениях дискуссия о правосубъектности ИИ утрачивает практическое значение: система ИИ — средство исполнения обязательства, а результаты её функционирования вменяются должнику по аналогии со ст. 402 ГК РФ.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, распределение рисков, договор подряда, договор возмездного оказания услуг, ответственность за нарушение обязательств.*

1. Ответственность перед третьими лицами и потребителями; проблема доказывания

Внедоговорная ответственность. Вред третьим лицам регулируется общими нормами о деликте. Показателен европейский опыт: Директива об ответственности за ИИ (2022 г.) со специальными правилами о раскрытии доказательств и презумпциях причинной связи была отозвана Еврокомиссией в 2025 г. в связи с отсутствием перспектив согласования. Европейский законодатель отказался от особого режима ответственности за ИИ, предпочтя адаптацию ответственности за продукцию и публично-правовые обязанности участников цепочки создания стоимости (ст. 25 Регламента ЕС об ИИ). Это подтверждает: общие гражданско-правовые институты пригодны для регулирования рисков ИИ, но нуждаются в точечной корректировке — прежде всего в сфере доказывания и регресса.

Проблема доказывания. Непрозрачность моделей ИИ затрудняет доказывание причинной связи и недостатка результата. В договорных спорах положение кредитора облегчено: вина должника предполагается (п. 2 ст. 401 ГК РФ), а если убытки — обычное последствие нарушения, предполагается и причинная связь. Однако к материалам, полученным с помощью ИИ, суды относятся критически: ответ нейросети отклонён как не подтверждающий размер упущенной выгоды; ответы чат-ботов признаны не имеющими доказательственного значения; не принят и подготовленный с применением ИИ обзор рыночных цен.

Отсюда асимметрия: результат генерации сам по себе ничего не доказывает, тогда как сведения о работе си-

стемы (журналы запросов, версии модели, параметры настройки) находятся в сфере контроля исполнителя или поставщика сервиса. Европейские эксперты предложили принцип журналирования на этапе проектирования (logging by design): отсутствие журналирования или непредоставление доступа к журналам должно влечь переход бремени доказывания; Регламент ЕС об ИИ закрепил обязанности по регистрации событий в системах высокого риска и хранению журналов.

2. Предложения по совершенствованию законодательства

Анализ позволяет сформулировать предложения трёх уровней: изменения ГК РФ, разъяснения Пленума ВС РФ и развитие законодательства об ИИ на основе Федерального закона № 243-ФЗ.

Дополнить ГК РФ ст. 402.1 «Использование программных средств при исполнении обязательства»: результаты функционирования программных средств, включая системы ИИ, считаются действиями должника; недостатки таких средств, в том числе предоставленных третьими лицами, не освобождают должника от ответственности, если иное не предусмотрено законом или договором; должник, возместивший убытки, вправе требовать возмещения расходов от предоставившего средство лица в пределах договорной ответственности, а соглашение, полностью исключающее ответственность за известные недостатки, ничтожно. Это закрепляет принцип функциональной эквивалентности (a fortiori из ст. 402 ГК РФ) и устраняет «регрессный разрыв».

Дополнить ст. 780 ГК РФ п. 2: исполнитель обязан до заключения договора сообщить заказчику о намерении использовать ИИ, если результат формируется преимущественно такими системами, а характер услуг предполагает личное профессиональное суждение; при неисполнении заказчик вправе требовать соразмерного уменьшения цены либо отказаться от договора и потребовать возмещения убытков. Аналогичное дополнение — в п. 2 ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Изложить п. 1 ст. 932 ГК РФ в редакции: страхование риска ответственности за нарушение договора допускается в случаях, предусмотренных законом, а также по договорам, заключённым при осуществлении предпринимательской деятельности. Это позволит передавать остаточный риск страховщикам и сделает распределение рисков в цепочке «поставщик ИИ-сервиса — исполнитель — заказчик» экономически устойчивым.

Заключение

Специальный режим ответственности за последствия применения ИИ в российском праве отсутствует: Федеральный закон № 243-ФЗ носит рамочный характер, а обязательное страхование в ЭПР ограничено экспериментальными режимами и внедоговорным вредом. Отношения регулируются общими нормами ГК РФ, центральная категория — риск.

В договорах дискуссия о правосубъектности ИИ лишена практического значения: система ИИ — средство исполнения обязательства, результаты её функционирования вменяются должнику по аналогии со ст. 402 ГК РФ (a fortiori) во взаимосвязи с п. 1 ст. 704. Сбой стороннего ИИ-сервиса не является непреодолимой силой (п. 3 ст. 401 ГК РФ), а «галлюцинации» модели — скрытые недостатки результата (п. 4 ст. 720).

«Разрыв ответственности» смещается на регрессный и деликтный уровни: он обусловлен строгой ответственностью исполнителя-предпринимателя (п. 3 ст. 401) и ограниченной возможностью оспорить пользовательские соглашения поставщиков ИИ-сервисов (абз. 2 п. 2 ст. 428 ГК РФ).

Предложения: дополнить ГК РФ ст. 402.1 о вменении должнику результатов работы программных средств с правилом о ничтожности полного исключения ответственности поставщика за известные недостатки; закрепить в ст. 780 ГК РФ обязанность раскрытия существенного использования ИИ; изменить п. 1 ст. 932 ГК РФ, допустив страхование договорной ответственности предпринимателей; дать разъяснения Пленума ВС РФ о квалификации договоров о разработке моделей ИИ, стандарте заботливости и последствиях непредставления журналов; предусмотреть в законодательстве об ИИ обязанность журналирования и обязательное страхование для ИИ высокого риска.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
5. Акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах».
7. Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.05.2026 по делу № А27–7831/2025.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2026 по делу № А40–251278/2022.
9. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 19.05.2023 по делу № А73–4100/2023.
10. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002.

11. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 4. С. 24–48.
12. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 79–102.
13. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (2021). URL: https://a-ai.ru/code-of-ethics/.
14. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с использованием искусственного интеллекта, нейросетей и подобных цифровых технологий / подгот. Ю. Бадалян // ООО НПП «Гарант-Уфа». 2025. 5 дек. URL: https://garant-ufa.ru/2025/12/05/spii/.

Возмещение убытков и взыскание неустойки за нарушение договоров о выполнении работ и оказании услуг: проблемы доказывания и соотношения мер ответственности

Шпис Ульяна Александровна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Цель — выявить причины проблем возмещения убытков и взыскания неустойки как мер ответственности за нарушение договоров подряда и возмездного оказания услуг.

Статья посвящена причинам асимметрии между возмещением убытков и взысканием неустойки и способам её преодоления. Показано, что реформа 2015 г. снизила требования к доказыванию размера убытков (п. 5 ст. 393 ГК РФ), но не затронула доказывания факта убытков и причинной связи, осложнённых в работах и услугах распределением рисков при приёмке, гарантийным режимом и вероятностным характером результата. Установлено, что неустойка, освобождая кредитора от доказывания убытков (п. 1 ст. 330 ГК РФ), при заявлении должника об уменьшении (ст. 333 ГК РФ) возвращает спор к оценке последствий нарушения, снижая предсказуемость в отношениях между предпринимателями.

Ключевые слова: *договор подряда, возмездное оказание услуг, убытки, неустойка, разумная степень достоверности, причинная связь, бремя доказывания, уменьшение неустойки, зачётная неустойка, замещающая сделка.*

1. Договоры о выполнении работ и оказании услуг как сфера применения мер договорной ответственности

Договоры подряда и возмездного оказания услуг объединены общим предметом — деятельностью исполнителя, но различаются тем, что гарантирует должник: подрядчик обязуется выполнить работу и сдать результат (п. 1 ст. 702 ГК РФ), исполнитель — совершить действия или осуществить деятельность (п. 1 ст. 779 ГК РФ). Для исследования это различие имеет доказательственное значение: в подряде нарушение выражается в отступлении результата от условий договора, в услугах — в отступлении самой деятельности от надлежащего стандарта, а связь между дефектом деятельности и потерями кредитора нередко носит вероятностный характер.

Основания ответственности определяются ст. 401 ГК РФ: предприниматель отвечает независимо от вины, если не докажет непреодолимую силу (п. 3), иные должники — при наличии вины, которая предполагается (п. 1, 2). Для НИОКР законодатель отступил от этой модели: исполнитель отвечает лишь при наличии вины, убытки возмещаются в пределах стоимости работ с недостатками, а упущенная выгода — только в случаях, предусмотренных договором (ст. 777 ГК РФ). Договорное ограничение ответственности допустимо, однако соглашение ничтожно, если нарушает законодательный запрет (п. 2 ст. 400 ГК РФ) или противоречит существу регулирования; заранее заключённое соглашение не устраняет ответственности за умышленное нарушение (п. 4 ст. 401).

Наряду с мерами ответственности заказчик располагает специальными средствами защиты: при недостатках работы он вправе потребовать безвозмездного устранения недостатков, соразмерного уменьшения цены или возмещения расходов на их устранение, когда это предусмотрено договором (п. 1 ст. 723 ГК РФ); при неустранении недостатков в разумный срок либо при их существенности и неустранимости — отказаться от договора и потребовать возмещения убытков (п. 3 ст. 723). Не все эти средства являются мерами ответственности: уменьшение цены, по А. Г. Карапетову, восстанавливает эквивалентность встречных предоставлений и потому не требует ни вины, ни доказывания убытков.

2. Доказывание убытков: предмет, бремя и стандарт доказывания

По требованию о возмещении убытков кредитор доказывает факт нарушения, наличие и размер убытков с разумной степенью достоверности, а также причинную

связь. Должник вправе опровергать размер убытков, доказывать непринятие кредитором разумных мер к их уменьшению (ст. 404 ГК РФ) и иную причину их возникновения; отсутствие вины или непреодолимая сила доказываются должником (ч. 1 ст. 65 АПК РФ, ч. 1 ст. 56 ГПК РФ).

В подряде центральным элементом предмета доказывания становится факт нарушения, выраженный в недостатках результата. Его установление опосредовано процедурой приёмки: заказчик, принявший работу без проверки, лишается права ссылаться на явные недостатки (п. 3 ст. 720 ГК РФ), о скрытых недостатках он обязан известить подрядчика в разумный срок (п. 4 ст. 720), а при споре о недостатках или их причинах назначается экспертиза (п. 5 ст. 720). Решающее значение имеет гарантийный срок: в его пределах подрядчик отвечает за недостатки, если не докажет их эксплуатационный характер (п. 2 ст. 755 ГК РФ; для потребителей — п. 4 ст. 29 Закона о защите прав потребителей), а в пределах двух лет с момента приёмки при гарантийном сроке менее двух лет бремя доказывания производственного характера недостатков возлагается на заказчика (п. 4 ст. 724 ГК РФ).

Презумпция причинной связи для убытков, являющихся обычным последствием нарушения (п. 5 постановления Пленума ВС РФ № 7), облегчила положение кредитора, но не решает проблемы отдалённых последствий: российское право не выбрало между критерием предвидимости убытков на момент заключения договора (ст. 7.4.4 Принципов УНИДРУА, ст. 74 Венской конвенции 1980 г.) и доктриной адекватной причинности.

3. Неустойка: освобождение от доказывания убытков и пределы её уменьшения

Требуя неустойку, кредитор не обязан доказывать убытки (п. 1 ст. 330 ГК РФ), но не вправе требовать её, если должник не несёт ответственности за нарушение (п. 2 ст. 330). Кодекс закрепляет двойственную природу неустойки — как способа обеспечения (гл. 23) и как меры ответственности (ст. 394). Для исследования ключевой является её доказательственная функция: неустойка заранее оценивает последствия нарушения и снимает с кредитора бремя, особенно тяжёлое в спорах о работах и услугах, где убытки от просрочки трудно доказать с требуемой определённостью.

Сравнительный анализ показывает различие подходов к пределам такой договорной оценки. Принципы УНИДРУА признают право на согласованную сумму независимо от фактического вреда, допуская уменьшение до разумного размера лишь при грубой чрезмерности (ст. 7.4.13). ГГУ позволяет требовать неустойку как минимальный размер ущерба с возмещением убытков сверх неё (абз. 2 § 340) и допускает уменьшение несоразмерно высокой неустойки по заявлению должника (§ 343), однако ГТУ исключает такое уменьшение для неустойки, обещанной коммерсантом (§ 348 HGB). Французский ГК позволяет судье, в том числе по своей инициативе, уменьшить или увеличить явно чрезмерную или ничтожную неустойку (ст. 1231–5).

Конституционный Суд РФ ещё в 2000 г. указал, что ч. 1 ст. 333 ГК РФ закрепляет не право, а обязанность суда установить баланс между мерой ответственности и действительным (а не возможным) размером ущерба. Пленум ВС РФ в 2016 г. сместил акценты: бремя доказывания несоразмерности возложено на ответчика, а ориентиром стала не фактическая, а типичная (вероятная) величина потерь, что согласуется с функцией неустойки, освобождающей от доказывания убытков. Пленум также перечислил доводы, сами по себе не являющиеся основанием снижения, — тяжёлое финансовое положение, неисполнение обязательств контрагентами, отсутствие бюджетного финансирования и др.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
4. Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 № 1042 (об утверждении Правил определения размера штрафа и пени по контрактам, заключенным в соответствии с Законом № 44-ФЗ).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
6. Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22.08.2024 № 305-ЭС24–6469 по делу № А40–101225/2023.
8. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.
9. Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. 286 с.
10. Карапетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007.

11. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1970.
12. Соколов А. Правовая природа вычета неустойки из оплаты требует уточнения // Адвокатская газета. 2023. 26 сент. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovaya-priroda-vycheta-neustoyki-iz-oplaty-trebuet-utochneniya/ (дата обращения: 06.11.2026).

Коалиционная и коллизионная защита обвиняемых в уголовном судопроизводстве

Шукова Алина Азретовна, студент
Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются нравственные и процессуальные особенности совместной деятельности нескольких защитников, а также условия возникновения коллизии интересов при защите обвиняемых по одному уголовному делу. Разграничиваются коалиционная защита, профессиональные разногласия адвокатов и конфликт интересов доверителей. Обосновываются предложения о дополнении ст. 50 и 72 УПК РФ правилами координации нескольких защитников и специальной процедурой разрешения несовместимости интересов с сохранением адвокатской тайны.

Ключевые слова: *коалиционная защита, коллизионная защита, адвокат-защитник, конфликт интересов, обвиняемый, адвокатская тайна, профессиональная этика.*

Coalition and conflicting defense of accused persons in criminal proceedings

Shukova Alina Azretovna, student
Scientific advisor: Balugina Tatiana Sergeevna, candidate of law, associate professor
Kuban State University (Krasnodar)

The article examines the ethical and procedural features of joint work by several defense lawyers and the conditions under which conflicts of interest arise when accused persons are defended in the same criminal case. Coalition defense, professional disagreements between lawyers and conflicts between clients' interests are distinguished. Proposals are substantiated for supplementing Articles 50 and 72 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with rules on coordinating several defense lawyers and a special procedure for resolving incompatible interests while preserving attorney-client confidentiality.

Keywords: *coalition defense, conflicting defense, defense lawyer, conflict of interests, accused person, attorney-client confidentiality, professional ethics.*

Уголовное дело с несколькими обвиняемыми либо с несколькими защитниками одного лица создает особую систему профессиональных связей. Совместная деятельность может повысить качество юридической помощи за счет распределения работы, специализации адвокатов и возможности одновременно контролировать различные направления производства. Вместе с тем увеличение числа участников стороны защиты повышает требования к согласованию действий, конфиденциальности и своевременному выявлению противоречий интересов. В этих условиях различение коалиционной и коллизионной защиты приобретает процессуальное и нравственное значение.

Под коалиционной защитой целесообразно понимать согласованную деятельность двух или нескольких адвокатов в интересах одного обвиняемого либо нескольких обвиняемых, позиции которых совместимы. Возможны две основные модели. В первой несколько защитников оказывают помощь одному лицу. Во второй адвокаты разных обвиняемых взаимодействуют по общему делу при отсутствии противоречий между доверителями. Каждому участнику при этом принадлежат собственные полномочия, предусмотренные ст. 53 УПК РФ. Координация не создает служебной иерархии внутри адвокатской группы и не освобождает отдельного защитника от личной профессиональной ответственности [1; 4].

Практический смысл коалиционной модели состоит в рациональном распределении работы. Один адвокат может сосредоточиться на исследовании доказательств, другой — на вопросах меры пресечения, третий — на подготовке жалоб или взаимодействии со специалистами. Для сложных и многоэпизодных дел подобная организация способна обеспечить большую глубину анализа. Однако распределение направлений не означает передачи одному защитнику права определять обязательную линию поведения остальных. Даже при наличии организационного координатора каждый адвокат должен самостоятельно оценивать правовую допустимость предпринимаемого действия и его соответствие интересам доверителя [4; 5].

Взаимодействие нескольких защитников требует предварительного согласования порядка обмена информацией.

Особое значение имеет адвокатская тайна. Адвокат, представляющий одного обвиняемого, не вправе раскрывать сведения доверителя коллегам, защищающим других лиц, лишь на том основании, что позиции в данный момент совпадают. Допустимый объем обмена определяется интересами доверителя и его волей. Совместная тактика имеет смысл лишь при сохранении конфиденциальности и возможности каждого обвиняемого самостоятельно определять предел раскрытия сведений, сообщенных своему адвокату.

Действующий УПК РФ разрешает обвиняемому приглашать нескольких защитников, однако порядок их взаимодействия подробно не регулирует. В результате организационные вопросы решаются соглашением и профессиональной практикой. Представляется обоснованным дополнить ст. 50 УПК РФ ч. 1.1, закрепив право подозреваемого или обвиняемого совместно с приглашенными адвокатами определить порядок взаимодействия и распределить отдельные направления защиты. В норме следует прямо указать, что организационные договоренности не уменьшают объем полномочий каждого защитника, не освобождают его от установленных обязанностей и не создают отношений служебного подчинения. Это позволит отделить допустимую координацию от фактической передачи одним адвокатом профессиональной самостоятельности другому.

Граница коалиционной защиты возникает в момент появления противоречия между интересами обвиняемых. Ч. 6 ст. 49 УПК РФ запрещает одному защитнику представлять двух подозреваемых или обвиняемых, когда интересы одного противоречат интересам другого. П. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ также связывает невозможность участия защитника с оказанием юридической помощи лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого обвиняемого. Значение этих положений выходит за пределы формального отвода. Адвокат, получивший конфиденциальную информацию от двух лиц, объективно не способен использовать ее в пользу одного доверителя без риска ухудшить положение другого [6; 7].

Противоречие интересов не всегда существует с начала расследования. Обвиняемые могут первоначально придерживаться общей позиции, отрицать причастность или одинаково оценивать фактические обстоятельства. В дальнейшем один из них способен признать вину, заключить досудебное соглашение, дать показания о действиях другого либо изменить отношение к отдельному эпизоду обвинения. Поэтому проверка совместимости интересов не может ограничиваться моментом вступления адвоката в дело. Она должна продолжаться на всем протяжении поручения. Для защитника существенен не формальный факт различия показаний, а влияние позиции одного лица на правовое положение другого.

Коллизионная защита охватывает более широкий круг разногласий. Конфликт способен возникать между адвокатом и доверителем по поводу стратегии, между несколькими защитниками одного обвиняемого, между обвиняемым и лицом, оплатившим юридическую помощь, а также между обвиняемыми по групповому делу. В литературе коллизию обоснованно связывают с расхождением подходов к выбору стратегических и тактических средств защиты [6]. Нравственная сложность состоит в необходимости сохранить профессиональную независимость адвоката, не подменяя при этом волю лица, которому оказывается помощь.

Отдельный источник коллизий появляется, когда соглашение заключает родственник обвиняемого. Оплата юридической помощи не предоставляет третьему лицу право диктовать процессуальную позицию, требовать раскрытия адвокатской тайны либо вмешиваться в содержание консультаций. Профессиональная связь формируется между защитником и лицом, чьи права он защищает. Поэтому еще в начале работы разумно разграничить вопросы, обсуждаемые с плательщиком, и сведения, доступ к которым возможен лишь с согласия доверителя. Подобное предварительное определение границ общения уменьшает риск последующих требований, несовместимых с профессиональной тайной.

Коллизия между несколькими адвокатами одного обвиняемого не тождественна конфликту интересов между доверителями. Защитники могут по-разному оценивать момент заявления ходатайства, необходимость допроса конкретного свидетеля или перспективу обжалования решения. Разногласие само по себе не требует прекращения участия одного из них. Приоритет имеет согласованная с обвиняемым позиция, а каждый адвокат сохраняет право изложить профессиональные аргументы. Совместная работа предполагает обсуждение последствий и поиск решения, способного обеспечить интересы доверителя без подавления самостоятельности отдельных защитников.

Иная ситуация складывается, если один адвокат защищает нескольких обвиняемых, а их интересы стали несовместимыми. В этом случае требуется быстрое процессуальное реагирование, однако рассмотрение вопроса способно привести к раскрытию сведений, составляющих адвокатскую тайну. По этой причине представляется целесообразным дополнить ст. 72 УПК РФ ч. 3, установив специальный порядок разрешения подобной ситуации. Следователь, дознаватель либо суд должны безотлагательно рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего участия защитника с соблюдением конфиденциальности, вынести мотивированное решение и исключить требование к адвокату раскрывать содержание доверительного общения сверх объема, необходимого для установления факта несовместимости интересов.

При отводе защитника обвиняемому необходимо предоставить реальную возможность пригласить другого адвоката и достаточное время для подготовки. Формальная замена без доступа нового защитника к материалам и без возможности выработать позицию не устраняет нарушение. Предлагаемая процессуальная гарантия должна поэтому связывать разрешение конфликта интересов с обеспечением непрерывности квалифицированной юридической помощи. Сходный подход соответствует

смыслу ст. 248 УПК РФ, предусматривающей предоставление времени вновь вступившему защитнику для ознакомления с материалами дела.

Коалиционная защита эффективна при трех условиях — совместимости интересов доверителей, профессиональной самостоятельности каждого адвоката и ясных правилах обмена информацией. Коллизионная ситуация требует иного режима, поскольку согласование действий уступает место обязанности предупредить причинение вреда одному доверителю в интересах другого. Законодательное уточнение ст. 50 и 72 УПК РФ способно сделать переход от совместной работы к самостоятельной защите более предсказуемым и одновременно уменьшить риск нарушения адвокатской тайны. При таком регулировании координация нескольких защитников сохраняет преимущества коллективной работы, а возникающий конфликт интересов получает процессуальный механизм разрешения, соответствующий требованиям профессиональной этики.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, ред. от 18.04.2025 // Российская газета. 2005. 5 октября. № 222.
4. Багрян А. А. Коллективное оказание адвокатами юридической помощи по уголовному делу: организационные основы // Закон и право. 2024. № 10. С. 197–200.
5. Насонов С. А. Защита по групповым уголовным делам. Как координировать работу // Уголовный процесс. 2019. № 11 (179). С. 28–34.
6. Коробов И. З. Тактико-этические основы коллизионной защиты по уголовным делам: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2009. 78 с.
7. Купрейченко С. В. Противоречие интересов доверителей адвоката-защитника в уголовном процессе. Понятие, последствия, проблемы установления и процессуального реагирования // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 177–183.
8. Сладкова Е. Н. Тактические и этические проблемы коллизионной защиты по уголовному делу // Молодой ученый. 2024. № 40 (539). С. 279–281.

Нравственные пределы тактики адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве

Шукова Алина Азретовна, студент
Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуется соотношение процессуальной самостоятельности адвоката-защитника, воли доверителя и профессионально-этических требований при выборе тактики защиты. Рассматриваются нравственные ограничения при собирании и представлении доказательственной информации, сохранении адвокатской тайны, изменении позиции обвиняемого и принятии решений в судебном заседании. Обосновываются предложения о совершенствовании ст. 86, 159 и 248 УПК РФ, направленные на повышение определенности деятельности стороны защиты.

Ключевые слова: *адвокат-защитник, профессиональная этика, тактика защиты, доверитель, адвокатская тайна, доказывание, процессуальная самостоятельность.*

Ethical limits of defense counsel tactics in criminal proceedings

Shukova Alina Azretovna, student
Scientific advisor: Balugina Tatiana Sergeevna, candidate of law, associate professor
Kuban State University (Krasnodar)

The article examines the relationship between the procedural independence of defense counsel, the will of the client and professional ethical requirements in choosing defense tactics. It considers ethical restrictions on collecting and presenting evidentiary infor-

mation, preserving attorney-client confidentiality, changing the accused person's position and making decisions during trial. Proposals are substantiated for improving Articles 86, 159 and 248 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to increase legal certainty in defense activities.

Keywords: *defense counsel, professional ethics, defense tactics, client, attorney-client confidentiality, evidence, procedural independence.*

Профессиональная защита в уголовном судопроизводстве строится на сочетании процессуальной самостоятельности адвоката и его обязанности действовать в интересах доверителя. УПК РФ предоставляет защитнику собственный комплекс полномочий, включая участие в следственных действиях, заявление ходатайств, представление материалов, привлечение специалиста и обжалование решений. Однако юридическая допустимость конкретного действия не исчерпывает вопрос о правомерности выбранной тактики. На поведение адвоката одновременно воздействуют ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Кодекс профессиональной этики адвоката и Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [1; 2; 3]. В совокупности эти акты формируют профессиональный предел, внутри которого процессуальное право превращается в средство квалифицированной юридической помощи.

Стандарт не закрепляет детальную последовательность действий по каждому уголовному делу. Подобная регламентация была бы несовместима с ситуационной природой защиты. Объем обвинения, доказательственная база, стадия производства, позиция доверителя, перспектива получения новых сведений и поведение стороны обвинения постоянно изменяют условия принятия решения. Поэтому адвокат самостоятельно определяет момент заявления ходатайства, необходимость представления полученного материала, содержание вопросов участникам процесса и порядок использования иных разрешенных средств. Профессиональная свобода здесь имеет содержательные границы. Она ограничена законом, интересами доверителя, адвокатской тайной, обязанностью сохранять независимость и запретом использовать средства, несовместимые с назначением адвокатской деятельности [3; 4].

Соотношение профессионального усмотрения и воли подзащитного относится к числу наиболее сложных вопросов. Защитник не выступает техническим исполнителем распоряжений обвиняемого, поскольку обладает собственной правовой компетенцией и обязан оценивать последствия предлагаемых действий. Вместе с тем он не вправе произвольно формировать позицию, противоположную ясно выраженной и законной воле доверителя. В ситуации расхождения мнений адвокат должен разъяснить юридические риски, предложить допустимые варианты поведения и обеспечить осознанный выбор лица. Подмена воли обвиняемого профессиональным мнением защитника способна превратить самостоятельность адвоката в фактическое ограничение права на защиту [5].

Особенно отчетливо граница проявляется при поступлении от доверителя просьбы использовать незаконные способы воздействия. Предложение передать вознаграждение должностному лицу, склонить свидетеля к ложным показаниям, изготовить недостоверный документ либо воспользоваться неформальными связями не образует поручения, обязательного для исполнения. Адвокат обязан отказаться от конкретного способа, объяснить его противоправность и продолжить работу с использованием законных средств. Профессиональная этика в подобной ситуации выполняет практическую функцию, поскольку защищает доверителя от нового правового риска и одновременно сохраняет независимость защитника. Обещание заранее определенного результата также несовместимо с характером уголовного судопроизводства. Добросовестная позиция адвоката состоит в обещании квалифицированной работы, а не оправдания, прекращения дела либо заранее известной меры наказания.

Признание обвиняемым вины также не устраняет обязанность адвоката осуществлять активную защиту. Изменение позиции доверителя требует проверки условий, при которых оно произошло. Защитнику необходимо установить, является ли решение свободным, понимает ли обвиняемый его последствия, отсутствует ли давление, зависимость от других участников либо стремление принять ответственность в интересах другого лица. После этого адвокат вправе корректировать тактику, сохраняя право оспаривать квалификацию, объем обвинения, допустимость доказательств, меру пресечения и иные обстоятельства, влияющие на положение доверителя. Презумпция невиновности остается профессиональным ориентиром и исключает превращение защитника в дополнительного участника стороны обвинения.

Нравственные ограничения имеют самостоятельное значение при собирании доказательственной информации. Ч. 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет защитнику возможность получать предметы и документы, опрашивать лиц с их согласия и истребовать сведения. Деятельность адвоката при этом основана на добровольности. Принуждение, введение лица в заблуждение относительно правовых последствий общения, создание ложных доказательств и давление на потенциального свидетеля несовместимы с защитительной функцией. Одновременно процессуальная форма получаемых материалов остается недостаточно определенной, что осложняет их последующее приобщение и оценку. В литературе обоснованно обращается внимание на необходимость фиксировать источник сведений, условия передачи материала и добровольность участия лица [6].

Представляется обоснованным развитие предложения о дополнении ст. 86 УПК РФ ч. 3.1, устанавливающей общие требования к документированию результатов са-

мостоятельного собирания сведений защитником. Акт, составленный адвокатом, мог бы отражать место и время действия, сведения об участниках, источник материала, добровольность его предоставления и примененные средства фиксации. Подобная конструкция не должна превращаться в формальный барьер. Отсутствие отдельного реквизита следует оценивать с учетом возможности установить происхождение информации и проверить ее содержание. Связанное изменение целесообразно внести в ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, закрепив обязанность мотивировать отказ в приобщении материала, представленного стороной защиты. Это позволило бы отличить недостаток оформления от обстоятельств, действительно исключающих использование полученных сведений.

Адвокатская тайна непосредственно влияет на выбор момента раскрытия информации. Получение сведений от доверителя еще не означает, что их необходимо немедленно вводить в уголовный процесс. Защитник оценивает, улучшит ли раскрытие положение обвиняемого, согласуется ли оно с избранной позицией и не создаст ли стороне обвинения неоправданного тактического преимущества. Особая сложность возникает, когда соглашение заключено родственником обвиняемого. Лицо, оплатившее юридическую помощь, не приобретает права определять процессуальную позицию либо получать весь объем конфиденциальных сведений. Непосредственным получателем защиты остается подозреваемый или обвиняемый, а предел информирования третьих лиц зависит от его воли и режима адвокатской тайны.

В судебном разбирательстве потребность в согласовании позиции может возникнуть внезапно. Новый документ, изменение показаний свидетеля, неожиданное ходатайство обвинителя либо выявленное противоречие способны изменить оценку ранее избранной линии поведения. В этот момент самостоятельность адвоката не должна вести к принятию существенного решения без возможности обсудить его с подсудимым. Действующее регулирование не содержит специального правила, прямо гарантирующего краткое конфиденциальное общение в ходе заседания, хотя практическая потребность в нем очевидна.

В связи с этим заслуживает поддержки предложение дополнить ст. 248 УПК РФ ч. 1.1. По мотивированному ходатайству защитника либо подсудимого суду следует предоставлять разумное время для конфиденциального согласования дальнейших процессуальных действий, когда возникшие в заседании обстоятельства способны существенно повлиять на позицию защиты. Реализация права возможна посредством объявления краткого перерыва. Отказ должен быть мотивирован и отражен в протоколе судебного заседания. Подобное регулирование не создает основания для произвольного затягивания процесса, поскольку вопрос о продолжительности перерыва остается под контролем суда, однако защищает доверителя от несогласованного изменения значимых элементов позиции.

Профессиональная добросовестность не измеряется количеством ходатайств, жалоб либо возражений. Иногда отказ от процессуального действия является результатом более глубокой оценки, если ожидаемая польза несоразмерна риску для доверителя. В другом деле пассивность способна привести к утрате доказательства и уже по этой причине противоречить назначению защиты. Этическая оценка требует выяснить, мог ли адвокат профессионально объяснить выбранное решение, соответствовало ли оно интересам доверителя и сохранялись ли законные альтернативы. В этом состоит отличие осмысленной тактики от формального присутствия защитника в производстве [7].

Таким образом, нравственный стандарт профессиональной защиты следует рассматривать как самостоятельный регулятор тактики адвоката. Он действует вместе с процессуальными нормами и позволяет оценивать действия, которые формально не запрещены, но способны нарушить конфиденциальность, независимость либо интересы доверителя. Развитие правил документирования сведений, собираемых защитником, мотивированного рассмотрения ходатайств об их приобщении и конфиденциального согласования позиции в судебном заседании способно придать этим требованиям более определенное процессуальное выражение. При подобном подходе самостоятельность адвоката сохраняет профессиональное содержание и не вступает в конфликт с правом обвиняемого определять собственную позицию по делу.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, ред. от 18.04.2025 // Российская газета. 2005. 5 октября. № 222.
4. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.
5. Макарова З. В. Согласованность позиций адвоката и его подзащитного // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1 (14). С. 73–82.
6. Баева К. М. «Собирание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 178–181.

7. Марьина Е. В. Профессиональная этика юриста: традиции и новации в отечественном правовом образовании // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 4. С. 24–31.
8. Кудрявцев В. Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат. 2005. № 4.
9. Скабелина Л. А. Психологические аспекты адвокатской деятельности: монография. М., 2012. 229 с.
10. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: утв. решением Совета ФПА РФ от 22.04.2004, протокол № 5.

Правовая природа регрессного требования и соотношение с суброгацией

Шулепов Марат Тристанович, студент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Работа посвящена исследованию правовой природы регрессного требования в системе обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО). В тексте проводится детальный анализ регресса как специфического инструмента гражданско-правовой ответственности, направленного на соблюдение баланса интересов страховых компаний и обеспечение правопорядка на дорогах.

Актуальность темы. Институт обязательного страхования автогражданской ответственности (Далее — ОСАГО) является ключевым элементом обеспечения прав участников дорожного движения на возмещение вреда. Однако эффективность этой системы зависит не только от оперативности выплат потерпевшим, но и от четкого функционирования механизмов ответственности самих причинителей вреда. Регрессное требование страховщика выступает специфическим инструментом, позволяющим сбалансировать частные интересы страховых компаний и публичный интерес в пресечении противоправного поведения на дорогах. В условиях постоянного реформирования страхового законодательства и неоднозначной судебной практики вопрос о правовой природе регресса остается дискуссионным, требуя разграничения с институтами суброгации и деликта.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации страховщиком права на предъявление регрессного требования к лицу, причинившему вред в рамках системы ОСАГО.

Предметом исследования являются нормы российского гражданского законодательства (ГК РФ и ФЗ «Об ОСАГО»), регулирующие основания и порядок предъявления регрессных исков, а также правовые позиции высших судебных инстанций по данному вопросу.

Целью работы является комплексный анализ правовой природы регрессного требования в ОСАГО, выявление его сущностных отличий от смежных правовых категорий и оценка его роли в системе гражданско-правовой ответственности.

Задачи исследования:

1. Раскрыть содержание понятия «регресс» в контексте страхового права.

2. Провести сравнительно-правовой анализ регресса и суброгации в автостраховании.

3. Классифицировать основания возникновения права регресса, предусмотренные ст. 14 ФЗ «Об ОСАГО».

Методологическую основу работы составили общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция) и специальные юридические методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее ФЗ об ОСАГО) [5] владельцы транспортных средств обязаны страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств.

Нормативно-правовое регулирование страхования гражданской ответственности коренным образом изменилось в связи с принятием ФЗ об ОСАГО в 2002 г., поэтому вопросу соотношения регресса и суброгации в обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств необходимо установление правового разграничения.

Понятие регресса как таковое было сформировано в отечественной науке ещё в 1913 году. Так, А. Х. Гольмстен писал: «*Подъ регрессомъ (правомъ регресса) слѣдуетъ разумыть побочное, по отношенію къ главному, обязательство sui generis, по силѣ коего одно лицо, называемое регредіентомъ, имѣетъ право требовать обратно отъ другого, называемого регрессатомъ, извѣстную сумму денегъ, уплаченную регредіентомъ или полученную регрессатомъ во исполненіе главнаго обязательства, при томъ или иномъ отношеніи къ сему исполнению третьяго лица…*»

Гольмстен разделяет это общее понятие на три категории (вида) регресса, в зависимости от роли третьего лица:

1. Сумма, уплаченная «регредиентом» третьему лицу за счет регрессанта (и потому подлежащая возврату первому). *Примеры автора:* регресс поручителя к должнику; регресс солидарного должника к остальным солидарным должникам.

2. Сумма, полученная регрессатом от третьего лица за счет регредиента (должна быть выплачена последнему). *Примеры автора:* регресс солидарных сокредиторов к тому кредитору, который полностью получил долг; регресс комитента к комиссионеру, продавшему вещь.

3. Выплаченная сумма подлежит возврату регрессату регредиенту вследствие действий третьего лица, аннулирующих исполнение основного обязательства. *Примеры автора:* регресс цессионария к цеденту (при недостоверности долга); регресс покупателя к продавцу в случае эвикции (отчуждения вещи собственником) [8, с. 154].

Для современной системы ОСАГО наиболее подходит первый пример автора (посредственный регресс уплаченного), где «сумма уплачена регредиентом третьему лицу за счет регрессанта и потому должна быть возвращена первому».

Если адаптировать приведенную выше схему Гольмстена к современному механизму статьи 14 Федерального закона № 40-ФЗ «Об ОСАГО», то стороны распределяются следующим образом:

– Регредиент (лицо, заявляющее регрессное требование) — это страховая компания (страховщик).

– Регрессат (лицо, к которому обращен регресс) — это виновник ДТП (причинитель вреда).

– Третье лицо — это потерпевший в ДТП

Понятие регресса можно определить следующим образом: «Обязательство, в котором одно лицо (регредиент) имеет право требовать от другого лица (регрессата) возврата денежных средств, уплаченных регредиентом третьему лицу или полученной регрессатом от третьего лица во исполнение первоначального обязательства».

Рассмотрим пример регресса. Произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого причинен ущерб водителю Смирнову.

На момент страхового случая гражданская ответственность виновника ДТП не была застрахована. Смирнов решил обратиться в свою страховую компанию за компенсацией причиненного ему ущерба. Поскольку, в нарушении п. д. ст. 14 ФЗ об ОСАГО [5], виновник данного ДТП не застраховал свою ответственность, у страховой компании появилось право регрессного требования. В данном случае страховое возмещение, выплаченное Петрову П. П. в качестве возмещения причиненного ущерба, страховщик уже будет взыскивать непосредственно с виновника ДТП.

Наглядным примером реализации института суброгации в судебной практике является Решение Новосибирского районного суда от 18.08.2026 по делу № 2–1420/2026 [7]. В рамках данного дела страховщик, выплативший возмещение по договору добровольного страхования (КАСКО) владельцу поврежденного транспортного средства, успешно взыскал сумму ущерба с виновника ДТП, чья гражданская ответственность по ОСАГО не была застрахована, на основании статьи 965 ГК РФ».

Данное дело позволяет достаточно отчётливо разграничить суброгацию и регресс по следующим ключевым критериям:

1. В рассматриваемом деле к САО «ВСК» в порядке суброгации перешло то же самое право требования, которое сам потерпевший (Котов А. В.) имел к виновнику (Смирновой А. И.) из деликтного обязательства (ст. 1064 ГК РФ). Возникновения нового обязательства не произошло.

Если бы правоотношения развивались в рамках регресса, то изначальное обязательство между Котовым и Смирновой полностью прекратилось бы в момент выплаты, а между страховой компанией и виновником возникло бы абсолютно новое, самостоятельное внедоговорное требование.

2. Также в рассматриваемом судебном споре трехлетний срок исковой давности начал течь строго с момента самого ДТП (14.10.2024), поскольку при перемене лиц в обязательстве срок давности не прерывается и не начинает течь заново (ст. 201 ГК РФ). В случае же регресса по ОСАГО этот срок начал бы исчисляться заново — только с даты фактической выплаты страхового возмещения (28.11.2024), что ставило бы виновника ДТП в менее выгодное и неопределенное положение.

3. В заключение стоит добавить, что суброгация в данном деле обусловлена фактом выплаты по имущественному страхованию КАСКО и направлена на защиту имущественных прав страховщика, заместившего потерпевшего. Регресс же в ОСАГО носит характер гражданско-правовой санкции (меры ответственности) за противоправное поведение виновника.

Для более точного понимания юридической природы данных правоотношений необходимо обратиться к доктринальному анализу институтов перемены лиц в обязательстве и регресса. Как отмечают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, при переходе прав кредитора к другому лицу на основании закона (в порядке суброгации, ст. 387 ГК РФ) новое регрессное обязательство не возникает, а продолжает существовать основное обязательство, в котором происходит лишь замена кредитора. Напротив, регрессное требование страховщика в системе ОСАГО представляет собой абсолютно новое, самостоятельное обязательство, возникающее с момента выплаты страхового возмещения, которое прекращает первоначальное деликтное обязательство [8].

Параллельно с институтом регресса в обязательном страховании законодательство выделяет институт суброгации. Однако, в отличие от вышеупомянутых случаев, суброгация применяется исключительно в имущественных видах страхования. Применительно к сфере страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств — это КАСКО. КАСКО — это добровольный вид страхования транспортного средства, по которому выплачивается страховое возмещение в случае повреждения или утраты (угоне) транспортного средства.

Как отмечает Щербачева Л. В., результат становления суброгации в российском праве приобрел достаточно затяжной характер и выразился в постепенном ее отмежевании от регресса. Наиболее ярко он проявил себя в страховании. В связи с этим неслучайно термин «суброгация» впервые был закреплен в ст. 387 и 965 ГК РФ, ст. 281 КТМ РФ [12].

Согласно общепринятой точке зрения, основным отличием суброгации от регресса является точка исчисления срока исковой давности. Если речь идёт о регрессе, срок исковой давности начинает течь с момента, когда страховщик произвел выплату страхового возмещение потерпевшему. В свою очередь, если речь идет о суброгации, срок исковой давности будет исчисляться с момента наступления самого страхового случая.

Как отмечает Калатози Д. Г., в соответствии со ст. 966 ГК РФ срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора имущественного страхования, составляет два года, за исключением договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц (три года). [10]

Следует отметить, что суброгация — это, прежде всего, замена кредитора в уже существующем обязательстве, а регресс — вновь открывшееся обязательство.

Данные выводы также подтверждаются и практикой Верховного суда Российской Федерации:

14 апреля 2021 года Верховый Суд вынес Определение № 304-ЭС18–23831(6,7) по делу № А67–4006/2021 [6] касательно замены взыскателя убытков на лицо, погасившее задолженность перед кредитором за сопричинителя вреда.

«Обращение за судебной защитой в том или ином порядке (в данном случае в порядке суброгации или регресса) не является исключительно формальным подходом к соблюдению правовых норм, так как каждый из способов влечет различные правовые последствия. Так, в частности, могут быть различия по судам, к чьей компетенции и подсудности отнесен тот или иной спор, а право каждого на компетентный суд гарантировано Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 47). Кроме того, переход прав кредитора в случае перемены лица в обязательстве по общему правилу автоматически предоставляет новому кредитору весь объем прав первоначального (пункт 1 статьи 384 ГК РФ), в то время как регрессное требование одного сопричинителя вреда к другому позволяет разделить ответственность между ними, в том числе и посредством определения неравных долей в выплаченном потерпевшему возмещении. По-разному исчисляется начало течения срока исковой давности».

Следует отметить, что суброгационное обязательство, так же, как и регресс направлены на достижение единой цели — конкретизация ответственности участников правоотношений посредством ее возложения на действительного причинителя вреда, в том случае, если этот самый вред был возмещен потерпевшему лицом, которое не ответственно за правонарушение.

Регрессное обязательство может быть определено как обязательство, в силу которого одно лицо (регрессат) обязано возместить другому лицу (регредиенту) убытки, возникшие в результате исполнения обязанности, вызванной либо противоправным поведением регрессата, либо за регрессата, а регредиент имеет право требовать от регрессата исполнения этой обязанности. Общее правило об исполнении обязательств состоит в том, что надлежащее исполнение обязательства, произведённое самим должником или за него третьим лицом, влечёт прекращение обязательства, поэтому регрессное обязательство — это всегда новое обязательство, которое тем не менее носит производный характер, поскольку оно возникает только после исполнения основного (первоначального) обязательства, прекращённого исполнением. Требование регредиента вытекает из первоначального обязательства, которое существовало между ним и регрессатом ещё до возникновения регрессного требования, и именно его исполнение регредиентом и порождает регрессное требование.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовая природа регресса в ОСАГО заключается в том, что это в первую очередь внедоговорное требование страховщика к причинителю вреда (или иному лицу) о возмещении выплаченной страховой суммы.

Несмотря на то, что регресс возникает из страховых правоотношений, он регулируется нормами о деликтах и специальными положениями ст. 14 Закона об ОСАГО.

В качестве основных характеристик регресса, отличающих данный институт от суброгации, можно выделить:

– Факт возникновения нового обязательства, ведь в отличие от суброгации (где к страховщику переходит право требования потерпевшего), регресс — это абсолютно новое право требования. Оно рождается в момент выплаты страховки потерпевшему.

Момент возникновения, а также течения сроков исковой давности — при регрессе трехлетний срок начинает отсчитываться заново — с даты выплаты страховщиком, в то время как при суброгации срок не обнуляется. Он продолжает течь с даты события (ДТП). Если страховщик долго тянул с выплатой, он может пропустить срок давности, перешедший к нему от потерпевшего.

Исходя из этого, можно заключить, что законодательство в сфере регрессного требования по ОСАГО, всё ещё нуждается в улучшении. Сейчас виновник ДТП в институтах в контексте суброгации и регресса находится в неравном положении. При суброгации (КАСКО) срок давности течет с момента аварии. При регрессе (ОСАГО) — с момента выплаты страховщиком. Если страховая компания затягивает выплату на год, то и срок претензий к виновнику фактически продлевается на год. Это нарушает принцип правовой определенности.

Поэтому на данный момент имеется основание для следующего изменения правовых положений регресса. Необходимо установить единый момент начала течения срока исковой давности для обоих институтов — день наступления страхового случая (ДТП). Это могло бы повлечь

уравнивание прав сторон, так как виновник не должен зависеть от того, как быстро страховщик проведет платеж. Это также сблизит правовую природу регресса и суброгации в вопросах процессуальных сроков, исключив манипуляции со стороны страховых компаний. Данное изменение предотвратит ситуации, когда виновник получает иск спустя 3.5–4 года после аварии только потому, что страховщик долго согласовывал выплату.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015–1 // Российская газета. — 1993. — № 6.
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2207.
5. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.04.2021 № 304-ЭС18–23831(6,7) по делу № А67–4006/2017. — Текст: электронный // Электронное правосудие: (сайт). — URL: arbitr.ru (дата обращения: 06.05.2026).
7. Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области от 18 августа 2026 г. по делу № 2–1420/2026 ~// Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: официальный сайт. — URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 21.10.2026). — Текст: электронный.
8. Брагинский, М. И. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд., стер. — Москва: Статут, 2002. — 432 с.
9. Гольмстен, А. Х. Юридическія изслѣдованія и статьи. Въ 2 т. Т. 2 / А. Х. Гольмстенъ. — С.-Петербургъ: Типографія М. М. Стасюлевича, 1913. — VI, 478 с.
10. Калатози, Д. Г. Материально-правовые и процессуальные особенности суброгации в страховании / Д. Г. Калатози. — Текст: электронный // Политика, государство и право. — 2016. — № 6. — URL: snauka.ru (дата обращения: 05.05.2026).
11. Федорова, Т. А. Страхование: учебник / Т. А. Федорова. — Москва: Экономистъ, 2003. — 875 с.
12. Щербачева, Л. В. Соотношение суброгации и регресса в гражданском праве России / Л. В. Щербачева. — Текст: электронный // КиберЛенинка: (сайт). — URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 08.05.2026).

7

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 02.12.2026. Дата выхода в свет: 09.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.